Приг.-бор.-...?

В. Ч. К.

ДЕЛО № 120089

„Дело Колчака"

ТОМ № 6

Особый Архив

Арх. № Н-501 в 19 ТОМА

1а V.

С П Р А В К А

В томе №-6 подшито продолжение стенограммы судебного процесса по делу Колчаковского правительства, с листа №-210 по 380; начало с листа 1 по 210, находится в 5-м томе.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ 7 ОТДЕЛЕНИЯ
УСО ГУГБ НКВД: (Дубровин)

"27" апреля 1935 г.

ЗАЩ
щить
ЗАЩ
вопр
ЗА
ры
ГО
года где нахо
ДМИТРИЕВ. Я был в Москве в начале июля.
ГОЙХБАРГ. Потом Вы очутились в Сибири.
ДМИТРИЕВ. Да.

/ЛТ/.

ЗАСЕДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА
ПРИ СИБИРСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ КОМИТЕТЕ.

ПРИСУТСТВУЮТ: Председатель Чрезвычайного Революционного Трибунала И.П.ПАВЛУНОВСКИЙ, Члены, товарищи: КОСЫРЕВ, БАЙКОВ, ЩЕТИНКИН и МАМОНТОВ.

З А С Е Д А Н И Е С Е Д Ь М О Е .

27 м а я 1920 г.

На скамье подсудимых т е - ж е .

6-25.

X
---XXX XXX---
X

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об"являю заседание Чрезвычайного Революционного Трибунала о т к р ы т ы м .

ГОЙХБАРГ. Я имею заявление к Революционному Трибуналу. Так как сейчас предстоят об"яснения всех подсудимых, а обвинению не пришлось еще допросить двоих из них, а именно Дмитриева и Третьяка, то я просил бы Революционный Трибунал перед тем, как предоставить подсудимым слово для об"яснения, разрешить мне задать несколько вопросов указанным подсудимым Дмитриеву и Третьяку, для об"яснения характера их участия в организации, которая характеризовалась, как Совет Министров. /Защита не возражает/.

ЗАЩИТНИК АЙЗИН. Я прошу разрешить мне несколько вопросов и приобщить некоторые документы.

ЗАЩИТНИК БОРОДУЛИН. Я также просил бы разрешения задать обвиняемым вопросы и огласить документы.

ЗАЩИТНИК АРОНОВ. Я также буду ходатайствовать об оглашении некоторых документов.

ГОЙХБАРГ. Скажите пожалуйста подсудимый Дмитриев, Вы в июле 1918 года где находились.

ДМИТРИЕВ. Я был в Москве в начале июля.

ГОЙХБАРГ. Потом Вы очутились в Сибири.

ДМИТРИЕВ. Да.

ОЙХБАРГ. А каким путем Вы попали из Москвы в Сибирь.

ДМИТРИЕВ. Из Москвы я поехал по Северной дорог.

ОЙХБАРГ. Получили ли Вы какой нибудь отпуск, как должностное Советское лицо.

ДМИТРИЕВ. Нет, я служил в союзе сибиряков-областников и был агентом там, где был и Молодых.

ОЙХБАРГ. Разрешите мне задать несколько вопросов Третьяку. Скажите подсудимый Третьяк, Вы были на каторге.

ТРЕТЬЯК. Да, с 1908 по 1911 год.

ОЙХБАРГ. Вы были осуждены по 126 статье.

ТРЕТЬЯК. Да, по статье 126, как член партии с.р.

ОЙХБАРГ. Потом Вы были рабочим на заводе.

ТРЕТЬЯК. Да.

ОЙХБАРГ. Вы в первый день давали здесь об"яснения, что Вы с определенной целью вступили на короткий срок в состав, так наз., Правительства Колчака, где Вы были около пяти недель. При Вас происходили эти разстрелы 22 декабря в Омске и в Куломзино.

ТРЕТЬЯК. Да.

ОЙХБАРГ. Относительно Куломзино, Вы показывали, что все Куломзино было уничтожено.

ТРЕТЬЯК. Да, я показывал.

ОЙХБАРГ. Не слышали ли Вы тогда, что профессиональный союз грузчиков должен прекратить свое существование за неимением членов.

ТРЕТЬЯК. Да, показывал, и я помню обстановку, при которой этот факт был установлен.

ОЙХБЕРГ. До Вас не доходили сведения, о том, что достаточно было звания рабочего в Куломзино, чтобы быть кандидатом на то, чтобы быть отведенным на Иртыш и разстрелянным.

ТРЕТЬЯК. До меня доходили не только эти сведения, но я еще кое-что знал и о других районах, в которых мне приходилось и раньше и потом работать что очень часто были массовые аресты, без всякого суда и следствия, где люди разстреливались исключительно по такому признаку: если руки с мозолями, то значит этот человек рабочий и его разстреливали.

ОЙХБЕРГ. Доходили ли до Вас сведения, что скрывающиеся в Куломзино рабочие проводили по три месяца в землянке под землею и слепли, скры-

ваясь от возможности разстрела.

ТРЕТЬЯК. О землянках до меня слухи не доходили, но вообще всю зиму во всей тайге и зимовках скрывались рабочие всех районов и там замерзали. Я это знаю потому, что мне после самому пришлось быть в тайге, где я видел очень много рабочих.

ГОЙХБАРГ. Здесь вчера свидетель Рубцов разсказывал относительно обстоятельств увоза из тюрьмы для разстрелов. Вы не помните, когда я его спрашивал, почему он не взял с собою больного тифом Попова, который вчера сидел рядом со мною, потому ли, что не было перевозочных средств или по каким либо другим причинам, он ответил: "Это было неудобно". До Вас не доходили сведения, что Рубцов и его приятели, присланные по записке Верховного Правителя взять Кириенко, Девятова, Попова, Миткевича и других, искали в тюрьме возможность спустить больных тифом "в удобства".

ТРЕТЬЯК. Эти сведения доходили. До меня доходили еще сведения такого рода, что Омская контр-разведка, я не помню фамилии лица, который стоял тогда во главе контр-разведки, кажется на букву Б.,- воспользовавшись этим возстанием, как поводом, захотели буквально истребить наиболее неблагонадежные части военные и одновременно расправиться с заключенными в тюрьме и в концентрационном лагере, при чем в то время, как раз на другой день после возстания, у меня на квартире происходило совещание комиссаров труда, и вот на этом совещании, я уже не знаю откуда они почерпнули сведения, было констатировано, что уже после возстания некоторые воинские части, не принимавшие участия в возстании и с точки зрения правительства считавшиеся неблагонадежными, были пропущены сквозь пулеметный огонь: просто была сделана ложная тревога, были разставлены пулеметы, солдаты начали выбегать из казарм и таким образом все были пропущены через пулеметные огонь.

ГОЙХБАРГ. А не доходили ли до Вас сведения, что только потому, что Рубцов и его приятели не нашли удобного выхода в клоаку, они по этой причине не опустили Попова и Миткевича, больных тифом, в клоаку.

ТРЕТЬЯК. Я этого не слышал.

ГОЙХБАРГ. А 24 декабря Вы слышали в заседании Совета Министров о том, что действия милиции должны быть признаны выше всяких похвал. После этого Вы отправлялись в этим Министрам.

ТРЕТЬЯК. Вслед за этим я уже подал прошение об отставке. Между прочим на том Совещании Комиссаров труда, которое в момент возстания происходило в моей квартире, комиссары труда пришли к заключению, что мне лично, персонально, из Омска нужно исчезать, для того, чтобы не быть исчезнутым.

ГОЙХВАРГ. А Вы не встречались ли со своим патроном и здоровались ли Вы с ним.

ТРЕТЬЯК. С Шумиловским я перестал здороваться, приблизительно еще 15 декабря, а вообще отношения у нас были совершенно испорчены после целого ряда происшедших у меня с ним крупных столкновений на почве деятельности министерства Труда.

ГОЙХВАРГ. А с другими тоже не здоровались.

ТРЕТЬЯК. Нет.

ГОЙХВАРГ. А не по Вашему предложению было отменено звание комиссара Труда, а чтобы были инспектора. Чем Вы это мотивируете.

ТРЕТЬЯК. Звание Комиссара Труда было отменено уже после того, как я ушел из Министерства, кажется не то через месяц, не то через полтора. Вопрос об издании закона об инспекторах труда был действительно возбужден мною приблизительно в августе месяце 1918 года.

ГОЙХВАРГ. А чем Вы мотивировали необходимость отменить звание Комиссара Труда.

ТРЕТЬЯК. Я состоял Комиссаром Труда, но Сибирское правительство через несколько дней после того, как оно здесь установилось, одним общим постановлением отменило все декреты советской власти, в том числе и декреты советской власти о труде. С другой стороны не был издан какой нибудь закон, который бы привел в автоматическое движение все законы, которые были изданы Временным Правительством о комиссарах труда. Таким образом были назначены комиссары труда, но не было такого законоположения, на основании которого они могли бы действовать. Я тогда свое положение определял так: я нахожусь вне закона и поэтому мною было возбуждено ходатайство о том, чтобы был издан закон о местных органах министерства труда, причем по той ситуации политической, которая тогда создавалась, мне казалось, что вообще институт комиссаров труда будет уничтожен, потому что самое имя комиссара труда приводило промышленников и предпринимателей в состояние чрезвычайно активное ..... ГОЙ

ГОЙХБАРГ. Такое же, как красный платок на быка.

ТРЕТЬЯК. Да. И главным образом я ходатайствовал о создании местных органов труда, потому что без них было положительно невозможно работать.

ГОЙХБАРГ. Так что Вы считали, что Вам необходимо для возможности защищать интересы рабочих, издание такого закона со стороны Сибирского Правительства, который бы не приводил в бешенство предпринимателей.

ТРЕТЬЯК. Я этого не скажу, чтобы был такой закон, который бы не приводил в бешенство предпринимателей: вообще тогдашнее правительство не в состоянии было издать какой нибудь закон, который мог бы приводить в бешенство предпринимателей. Я закон об инспекторах труда считал законом старым, еще в 1917 года во время Министерства Скобелева в Петрограде, я в Иркутске в мае месяце поднимал вопрос об учреждении комиссариата Труда и в комиссии я поднял вопрос не только об инспекторах труда, но и об оплате труда, об органах труда и при них об инспекторах труда.

ГОЙХБАРГ. Вы в декабре месяце 1919 года принимали участие в тайной военной организации, которая была направлена на свержение так наз. Колчаковской власти и власти насильников в Сибири.

ТРЕТЬЯК. История моего участия следующая: после приезда моего из Министерства, я в 1919 году на нелегальном заседании в Иркутске сделал доклад об Омском Правительстве и призывал на путь вооруженной борьбы с Омским Правительством. В феврале я состоял членом по созыву нелегального крестьянского с"езда. В марте созвался нелегальный крестьянский с"езд и на этом с"езде была постановлена организация вооруженного возстания против Омского правительства и на этом с"езде и был избран членом исполнительного Бюро крестьянского об"единения. С тем пор я принимал участие во всех нелегальных работах до организации вооруженных сил против Омского правительства. Приблизительно с октября месяца я был избран Исполнительным Бюро Сибирской группы с.-р. автономистов, отколовшихся от правых, и ставших на советскую платформу, представителем для связи с представителями ЦК, с представителями политических организаций в Сибири и с того времени до установления советской власти, состоял в непосредственной связи с представителями ЦК

коммунистической организации, совместно с ними организовал штаб и в составе штаба проводил возстание в Иркутске.

ГОЙХБАРГ. Больше у меня нет вопросов.

ЗАЩИТНИК АРОНОВ. В прошлом своем об"яснении Третьяк об"явил, что закон о больничных кассах был отменен. Я имею представить Революционному Трибуналу постановление Западно-Сибирского Комиссариата Временного Сибирского Правительства от 19 июня 1918 года, в котором указывается, что впредь до реорганизации обще-городских больничных касс, изменения их состава, в соответствии с требованиями обще-государственной жизни, существующие в Западной Сибири больничные кассы продолжают свою деятельность. Кроме этого я ходатайствую об оглашении интервью с Министром Труда Шумиловским, помещенного в № 54 Правительственного Вестника 1919 года, которое мною представлено и продолжение этого интерви в Правительственном же Вестнике №№ 56 от 30 января 1919 года, в котором гражданин Шумиловский изложил свою программу деятельности в Министерстве Труда из которой Революционный Трибунал усмотрит, что Шумиловский, вступая в Министерство Труда и определяя свою программу деятельности с точки зрения его, субьективной, руководствовался интересами защиты и охраны труда в тех условиях, которые создались в Сибири после падения советской власти. В этих же интервью Шумиловский указывает на ту трудность.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы уже комментируете интервью, Вы может быть лучше его огласите.

ЗАЩИТНИК АРОНОВ. В виду того, что это интервью очень большое, я прошу приобщить этот номер Правительственного Вестника к делу и разрешить мне на него ссылаться. Затем я ходатайствую об оглашении журналов заседания Совета Министров, в которых обсуждались преимущественно проекты Министра Труда Шумиловского о больничных кассах: журналы заседания Совета Министров №№ 16 и 17, затем журнал заседания Совета Министров 3 декабря 1919 года, в котором принят проект постановления о продолжительности рабочего времени, где устанавливается 8-ми часов рабочий день. Кроме этого я ходатайствую об оглашении журнала заседания Совета Министров № 163, в котором обсуждался доклад Шумиловского о создании комиссии по выработке прожиточного минимума. И наконец я

прошу разрешения ссылаться на журнал заседания Совета Министров от 24 декабря 1919 года, в котором отклонено прошение Шумиловского об отставке.

ГОЙХБАРГ. Некоторые из них уже были вручены раньше председателю Революционного Трибунала, а против других я никаких возражений не имею.

АРОНОВ. Кроме того, я попрошу о приобщении к делу секретного отношения помощника Начальника Жандармского Управления, в котором указывается на противоправительственную деятельность Шумиловского до февральской революции.

ГОЙХБАРГ. Против приобщения этого документа к делу, я возражаю, потому что безполезно приобщать к делу мнение жандармов, когда официально и гласно подсудимый Шумиловский выступил выборщиком от с.-д. организации, которая разумеется не поддерживалась существовавшим царским правительством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я полагаю, что вопрос о причастности Шумиловского к революционной организации в дореволюционный период никем не оспаривался и на суде подтверждался.

АРОНОВ. Если это не оспаривается, то я удовлетворен. Затем относительно подсудимого Преображенского, я ходатайствую о приобщении к делу об"яснительной записки к проекту сметы министерства Народного Министерства за 1919 годя, в которой указывается на ту программу деятельности Министерства Народного Просвещения, которую предполагал осуществить подсудимый Преображенский и на определенное место в программе, которое он отводил внешкольному рбразованию, созданию единой народной школы и начальному образованию.

ГОЙХБАРГ. Я возражаю против приобщения к делу об"яснительной записки, которая свидетельствует не о действиях, а о предположениях. Я не знаю, какое она может иметь доказательное значение перед Революционным Трибуналом.

АРОНОВ. Я возражаю против заключения обвинителя на основании тех основных положений об уголовном праве, которые помещены в № 69 Собрания Узаконений Рабоче-Крестьянского Правительства, в которых определенно и категорически указывается, что для суждения о винов-

ности того или другого лица необходимо исследовать его прошлую деятельность, те условия, в которых он провел свою прошедшую деятельность и так как эти предположения, которые выразились оффициально в докладной записке, свидетельствуют о его намерениях, то поэтому я считаю, что этот документ, который я ходатайствую приобщить, имеет существенно важное значение для дела.

ГОЙХБАРГ. Я просил бы об"яснения: в руководящих началах Уголовного права таких указаний, чем руководствоваться при определении виновности,- нет; там может быть говорится о применении наказания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Суд постановил эту записку приобщить к делу.

АРОНОВ. Затем я ходатайствую о приобщении к делу выписки из газеты "Правительственный Вестник" № 142 от 22 мая 1919 года, в которой излагается стенограмма речи Министра Народного Просвещения Преображенского от 16 мая, в которой он также указывает на план работа, которого он будет придерживаться в Министерстве и из которого суд усмотрит те намерения, с которыми Преображенский вошел в состав Министерства и которых он думал придерживаться во всей его деятельности.

ГОЙХБАРГ. Раз Трибунал уже приобщил намерение, то я против других намерений не возражаю.

АРОНОВ. По делу Ларионова я ходатайствую об оглашении протокола заседания Совета министров от 22 июля 1919 года № 132, в котором по предложению Министерства Путей Сообщения отпущено Троицкой ж.д. 1000000 руб. на покупку продовольствия рабочим. Затем протокол заседания № 135, в котором заслушан доклад Министерства Путей Сообщения об улучшении положения служащих Китайской Восточной ж.д. Точно также доклад Министерства Путей Сообщения № 140 об улучшении положения рабочих Забайкальской ж.д. Наконец журнал № 187, в котором заслушан доклад Министерства Путей Сообщения об удовлетворении экономических нужд рабочих и служащих.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какие вопросы они могут осветить. Никто Ларионова не обвиняет в том, что он по своему ведомству ничего не делал, его судят не за ведомственную деятельность, а все указывает, что Ларионов являлся деятельным членом этого министерства.

ГОЙХБАРГ. Я возражаю против приобщения, если можно так говорить, к делу Ларионова именно этого документа. Когда приходилось говорить о

219 9.

деятельности Министра Путей Сообщения, подсудимый Ларионов заявил, что за действия Устругова он не отвечает - за плохие действия, а за те, которые повидимому считаются хорошими действиями, он отвечает и о распространении этих заслуг на подсудимого Ларионова высказывается сейчас защита. Я думаю, что в этих журналах нет ни малейшего указания на то, что это исходило именно от Ларионова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Суд решил в приобщении этих документов, как неотносящихся к делу - отказать.

АРОНОВ. По делу Хроновского я ходатайствую о приобщении к делу проекта положения о финансировании частных предприятий имеющих обще-государственное значение и об участии казны в этих предприятиях, составленного Хроновским, в котором с определенностью указывается на ту борьбу, которую Хроновский хотел вести с расходованием государственных средств по финансированию частных предприятий и в котором указывается, что Хроновский как систему этой борьбы, устанавливает необходимость участия в прибылях и управлении со стороны государства.

ГОЙХВАРГ. Не возражаю.

АРОНОВ. Зато по этому же делу ходатайствую о приобщении акта положения об изменении действующих законов об обложении, в котором Хроновский с определенностью устанавливает необходимость передачи всего дела во владение органам местного самоуправления. По делу подсудимого Грацианова я ходатайствую о приобщении к делу номера газеты "Сибирский Вестник" за 1905 год, в котором помещено письмо общественного деятеля, характеризующее Грацианова, как крупного муниципального работника, муниципального врача и крупного, идейного общественного деятеля, который боролся с реакцией.

ГОЙХВАРГ. Я не возражаю.

АРОНОВ. По делу подсудимого Клафтона я ходатайствую о приобщении к делу номера газеты "Наша Заря" от I января 1919 г., в котором помещен протест Восточного Отдела партии Народной Свободы по поводу произведенных разстрелов 22 декабря.

ГОЙХВАРГ. А подпись там имеется.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это к Клафтону не имеет никакого отношения.

АРОНОВ. Поскольку Клафтон и по обвинительному акту является Председателем Восточного Отдела, поскольку протест Восточного Отдела характе-

ризует отношение Клафтона к этим событиям и поскольку мы предполага-
ем то, что при помещении этой заметки о протесте к.д. несомненно
не имелся настоящий процесс, я полагаю, что настоящая заметка не
может вызвать сомнения в наличности настоящего акта.

ГОЙХБАРГ. Хотя для меня неизвестно, присутствовал ли тогда подсудимый Клафтон в Омске, я тем не менее не возражаю.

АРОНОВ. Я имею также ходатайствовать о приобщении к делу № 142 Правительственного Вестника от 22 мая 1919 г., в которой помещена стенограмма речи Клафтона, произнесенной им на конференции партии Народной свободы, в которой Клафтон определенно и категорически заявляет, что возврата к прошлому нет т быть не может.

ГОЙХБАРГ. Я возражаю против приобщения к делу этой газеты, потому, что, когда я оглашал содержание Правительственного Вестника, подсудимые возражали, так как они не читали, поэтому я не знаю насколько стенограмма соответствует действительности и точности того, что было

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В виду того, что статья вызывает целый ряд толкований, она является документом, допускающим возможность разных токований. Например тов. Косырев определяет так: возврат к прошлому - возврат к советской власти. Вы просите приобщить этот номер газеты для установления какого факта.

АРОНОВ. В установлении того факта, что хотя Клафтон принадлежал к партии к.д., но он принадлежал к тому ее течению, которое не мыслит возврата к царскому самодержавию, возврата к прошлому в смысле возстановления царской реакции, которое мыслит, что при настоящих условиях экономического и политического развития России возможно только создание демократической России. Так говорил Клафтон на этом заседании конференции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В обвинительном акте представлен вполне конкретный материал, при чем никому из обвиняемых не ставилась в вину такая проблематическая вещь, как стремление к будущему или стремление к прошлому. Поэтому заметка, как неконкретная, к делу абсолютно никакого отношения не имеет и суд постановляет ее к делу не приобщать.

ЗАЩИТНИК АЙЗИН. Я прошу у Революционного Трибунала разрешения сослаться на постановление Западно-Сибирского Комиссариата, опубликованные в Собрании его постановлений о порядке увольнения служащих советских учреждений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой предмет.

АЙЗИН. На тот предмет, что целому ряду поих подзащитных предъявлено обвинение в том, что они увольняли этих служащих.

ГОЙХВАРГ. Разрешите мне спросить, кто под этим постановлением подписан.

АЙЗИН. Марков, Михайлов, Линде.

ГОЙХВАРГ. Я бы не возражал против приобщения к делу этого постановления, после того, что Революционный Трибунал удовтоверит, что Марков и Михайлов 5 января 1920 года были спущены под винт на Ангаре.

АЙЗИН. Я также просил бы удостоверить. В связи с тем я просил бы огласить распоряжение об увольнении служащих советских, оно очень короткое и находится в связи с делом Цеслинского.

ГОЙХВАРГ. Не возражаю.

СЕКРЕТАРЬ РЕВТРИБУНАЛА. /Оглашает распоряжение/.

ГОЙХВАРГ. Кто подписал, Цеслинский.

АЙЗИН. Затем я прошу разрешить мне ссылаться на имеющиеся в деле постановления Совета Министров о порядке препровождения арестованных в связи с большевизмом № 9 о том, что они пересылаются на положение военно-пленных. Затем я ходатайствую из дела Жуковского огласить отзыв сослуживцев, чем Жуковский занимался в Министерстве и копию телеграммы Министра Сукина, о деятельности Жуковского.

ГОЙХВАРГ. Я не возражаю / Отзыв и телеграмма оглашаются/. В виду неясности оглашенных сейчас документов, разрешите раз"яснение сделать Здесь сказано, что к ведению II Департамента относилось и руководство военно-пленными. Сейчас было оглашено, что задержанные большевики препровождаются в порядке военно-пленных,- я хотел бы спросить Жуковского: ведению II Департамента относилось препровождение большевиков.

ЖУКОВСКИЙ. Нет.

АЙЗИН. Затем по незначительному моменту в отношении обвиняемого Цеслинского. Здесь Цеслинскому задавался вопрос с целью выяснения того, что он был отставлен с ноябрьского переворота, поэтому я предлагаю оласить эту телеграмму, может быть обвинение признает .....

ГОЙХВАРГ. Я не могу признать, что Цеслинский не мог быть уволен Советской властью. То обстоятельство, что Цеслинский был в Питере, ни-

никакого отношения не имеет, так как он сам признал, что во время пребывания его в Питере была получена телеграмма, что здесь Комиссар или Советская власть постановила удалить его от должности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Эта телеграмма вообще не имеет отношения к делу.

АЛЗИН. /Оглашает вторую телеграмму/. Эти две телеграммы вместе выясняют дело, но если Трибунал отказывает мне, я не настаиваю. Прошу приобщить еще к делу Степаненко удостоверение. Прошу приобщить положение о Главном Управлении по делам вероисповедания, где сказано, что Управляющий по делам Исповеданий имеет решающий голос в Совете Министров лишь по делам своего ведомства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это лишний документ.

ЗАЩИТНИК БОРОДУКИН. Я прошу разрешения у Чрезвычайного Трибунала некоторым подсудимым задать несколько вопросов, чтобы осветить некоторые стороны настоящего дела.

ГОЙХВАРГ. Я возражаю против таково порядка. Мы условились вчера, что больше вопросов нет, что подсудимые будут делать заявления. Если теперь открывать судебное следствие, то я опасаюсь, что после этого вопроса мне тоже придется вопрос поставить в ответ. Если Трибунал постановит, что больше вопросов нет, то я не буду возражать, но это случайное, неожиданное открытие вопросов подсудимым мне кажется разбивает то решение, которое было принято вчера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, не разбивает, я думаю, что вопросы можно задать.

ЗАЩИТНИК БОРОДУЛИН. Я хотел бы задать вопрос подсудимому Краснову: в каком порядке и от чьего имени производились ассигнования на военные нужды и какое отношение государственного контроля к этому вопросу могло быть.

КРАСНОВ. На военные нужды обыкновенно испрашивало кредит военное министерство, но это могло проходить и по другим министерствам, например по Министерству Снабжения. Представления по этим кредитам предварительно поступали на заключение Государственного Контроля и обычно по военным кредитам заключение контроля было в том смысле, что сократить нужно примерно в три раза.

БОРОДУЛИН. Мог ли Государственный Контролер делать возражения при отпуске кредитов на военные нужды предводителям тех антибольшевистских войск, которые находились в других частях, на южном фронте или на Северном фронте и в каком они порядке отпускались.

223 203

КРАСНОВ. Возражения делались формальные, потому что все войска, где бы они ни находились, подчинялись одному Верховному Главнокомандующему и одному Правительству.

БОРОДУЛИН. Ревизовались ли Государственным Контролером операции Государственного Банка и кредитные операции и в частности золото и валюта расходовались с ведома или без ведома Государственного Контролера.

КРАСНОВ. Операции Государственного Банка и кредитной канцелярии не ревизовались государственным контролером потому, что ему не было предоставлено это право до прохождения устава ревизии. Устав Ревизии был проведен в сентября месяце и после его прохождения мною было дано указание во Владивосток, где находилось иностранное отделение кредитной канцелярии приступить к ревизии этого отделения. Расходы валютного порядка проходили через иностранное отделение кредитной канцелярии. К ревизии этой было приступлено представителем контроля Алферьевым, но результат контроля мне уже не удалось получить.

БОРОДУЛИН. С ведома ли Государственного Контролера был открыт кредит в сто миллионов на агитацию за границей, о котором упоминал свидетель Деминов.

КРАСНОВ. Я слышал из показаний Деминова, что будто бы был открыт кредит на сто миллионов, но это обстоятельство мне не известно.

БОРОДУЛИН. Может быть Вы знаете о таком постановлении хотя бы и пост фактум.

КРАСНОВ. Мне известен кредит на печать, два раза по десять миллионов в распоряжение особого совещания по делам печати, а о ста миллионах я сведения не имел.

БОРОДУЛИН. Здесь было ассигнование два раза по пятьсот миллионов на нужды заграничной печати.

КРАСНОВ. При мне не было два раза по пятьсот миллионов, это слишком кромадный кредит, чтобы он мог пройти незамеченным. Из военного фонда иногда брались некоторые суммы без ведома и Совета Министров и Государственного Контролера, но почерпнуть милионный кредит - тоже не возможности.

ГОЙХБАРГ. Я хотел бы удостоверить один факт имевший место: мною опубликован разговор по прямому проводу приблизительного следующего содержания:

"Титул и способ нам неважны, нам необходимы средства, настойчиво повторяю, чтобы завтра это было проведено через Совет Министров и чтобы завтра мы получили средства".

БОРОДУЛИН. Я должен удостоверить, что в этом разговоре Краснов не участвовал. По настоящему делу я ходатайствую об оглашении документов, имеющих в деле на страницах 17,20,21 и 29, это отзыв Контроля Политического Центра и затем два отзыва заведывающего отделом Государственного Контроля при Иркутском Ревкоме, а затем, если я не ошибаюсь, на страницах 21 и 29 ходатайство всех служащих Государственного Контроля с оценкой деятельности и личности подсудимого Краснова.

ГОЙХВАРГ.....

2.95 II 295

7-ое ЗАСЕДАНИЕ 27 мая 6.25 - 7.25.

ГОЙХВАРГ. Может быть защита изложит содержание, я не буду возражать.

БОРОДУЛИН. Для краткости я могу сказать, что первые два отзыва высказывают положительный взгляд на его деятельность как государственного контролера и о его деятельности по этому ведомству. Что касается второго, в особенности последнего, ходатайства служащих о том, чтобы подсудимый Краснов был отпущен на их поруки, то таким указывается целый ряд сведений о личности подсудимого, его отношения к служащим, к их профессиональному союзу и отдельным проявлениям и действиям их профессиональной организации, которая имелась в государственном контроле, в частности о том, что демократические принципы сохранились именно в этом только ведомстве в отношении низших служащих. Копии у меня нет, поэтому я выдержек привести не могу.

ГОЙХВАРГ. Я не возражаю, если будет удостоверено, что эти выдержки давались политическому центру, в состав которого входили меньшевики, эсеры и др. организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы настаиваете на этом.

ГОЙХВАРГ. Не возражаю.

БОРОДУЛИН. Я знаю, что имеются в деле такие ходатайства и говорю на этом основании. Я не имею копии.

Затем я задам вопрос подсудимому Карликову. Скажите пожалуйста подсудимый Карликов, кроме Вас были еще товарищи министры в Вашем ведомстве.

КАРЛИКОВ. Четыре товарища министра. Были два старших - товарищ министра по снабжению и по казачьим делам и вновь назначенные в конце декабря, ввиду необходимости немедленного и полного отделения начальника штаба верховного главнокомандующего, каковая должность совмещалась в одном лице. Нужно было составить орган и являлась необходимость в двух новых товарищах министров, одним из которых был назначен я в качестве помощника по общей части.

БОРОДУЛИН. В своих показаниях, данных иркутской комиссии, Вы сообщили, что Вами был дан приказ Желтикову, чтобы воспитанники кадетского корпуса не принимали участия в возстании в смысле военных действий.

КАРЛИКОВ. Да, такой приказ был дан. И когда меня допрашивал К.Попов и еще один из присутствовавших при допросе, мне задали вопрос, не

имел ли место один подслушанный разговор по поводу на это я ответил, что такой разговор был и когда кадеты несколько волновались, они получили указание не участвовать в военных действиях. Меня запросили являлось это приказом или пожеланием. На это мною было подтверждено, что кадеты не имеют права принимать активное участие в борьбе, происходящей в Иркутске. Он повторил - это приказ. Да, приказ и он был исполнен безпрекословно.

БОРОДУЛИН. Я обращаюсь к Революционному Трибуналу, если это заявление вызывает сомнение пригласить присутствующего здесь уже допущенного однажды в качестве свидетеля гражданина Попова.

ГОЙХВАРГ. Вы по своей инициативе или по приказу военного министра были назначены товарищем министра.

КАРЛИКОВ. По приказу министра. Сам не принимал никаких шагов. Я ответил, что по состоянию здоровья едва ли справлюсь с этой деятельностью.

БОРОДУЛИН. Я ходатайствую об оглашении постановления чрезвычайной следственной комиссии, где указывается, что судебное преследование против Карликова должно быть прекращено ввиду отсутствия данных.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Такое постановление было вынесено, но оно совершенно неправомочно.

ГОЙХВАРГ. В делах имеются разные документы и разные факты. Я возражаю против этого. Я уже должен был один раз ссылаться на политический центр, но указывать, что было постановление о прекращении дела, когда оно подлежит разбирательству следственных органов Трибунала не возможно, поэтому я просил бы не ссылаться на подобные постановления.

БОРОДУЛИН. Больше вопросов к Карликову не имеется. Разрешите задать вопрос подсудимому Преображенскому. Скажите пожалуйста вашим товарищам по министерству был Палечек. Когда он фактически вступил в отправление обязанностей.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. В октябре был назначен.

БОРОДУЛИН. А фактически исполнял обязанность.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. С 16 мая.

БОРОДУЛИН. Больше вопросов не имею к Преображенскому. Я желал бы задать вопрос Малиновскому. Скажите подсудимый Малиновский, когда

вы подписывали телеграмму, копия которой имеется здесь в деле, что вы подписывали ее по приказу министра юстиции или по должности.

МАЛИНОВСКИЙ. По непосредственному распоряжению министра юстиции была послана эта телеграмма. В виду отсутствия министра эта телеграмма по приказу и непосредственному его распоряжению была подписана мною. Обстоятельство это может быть удостоверено постановлением министра внутренних дел, которому министр юстиции сообщил, что им было сделано такое распоряжение.

ГОЙХВАРГ. Я прошу огласить текст этой телеграммы. /Читает/.

БОРОДУЛИН. Подсудимый Малиновский вы имели право замещать товарища министра.

МАЛИНОВСКИЙ. Нет, не имел права.

ГОЙХВАРГ. Часто ли вы присутствовали в заседаниях совета министров.

МАЛИНОВСКИЙ. Не присутствовал, потому что мне была дана совершенно определенная, резко очерченная задача заведывать деловой работой по первому департаменту юстиции. Приходил туда на правах члена. 25 августа я выполнял поручение министра юстиции, делал заключение о необходимости назначения сенаторской ревизии по делам Вохрома. Этим ограничивалось мое участие.

ГОЙХВАРГ. А ваша телеграмма о том, что вы назначаетесь председателем комиссии по разработке мер к охране железных дорог и на обороте написано "с целью усилить фронт".

МАЛИНОВСКИЙ. Ничего подобного нет.

ГОЙХВАРГ. В деле Малиновского, в конверте имеется такая телеграмма.

МАЛИНОВСКИЙ. Заседание, назначенное по этому поводу не состоялось и я должен ответить.....

ПАВЛУНОВСКИЙ. Дело в том, что вы были назначены председателем такой комиссии.

МАЛИНОВСКИЙ. Очевидно был, раз такая телеграмма имеется. Это было 28 октября, почти накануне эвакуации из Омска.

БОРОДУЛИН. Я прошу разрешить сослаться на постановления государственного контроля в Сибири. На утверж[illegible] временным правительством постановление совета мини[illegible]дшим п[illegible] учреждении государственного контроля и на утвержденное вре[illegible]на. [illegible] правительством постановление совета министров об утвержден[illegible] устава ревизии.

ГОЙХВАРГ. Если о том, что контролю предоставлялся только совещательный голос, то трибунал уже удостоверил, что Краснов обладал не совещательным, а решающим голосом. Этим голосом все времяпользовался и на выборах Колчака без всякого права голосовал.

БОРОДУЛИН. Только по делам законодательным с I-го июля с правом решающего голоса. Это ведомство являлось независимым и подчинялось только военно-законодательным органам и Краснов действовал в пределах прав, предоставленных ему законом.

ГОЙХВАРГ. Я возражаю, так как все это написанное в бумажках абсолютно не исполнялось. Подсудимый Краснов председательствовал по вопросу об управлении и значит имел решающий голос, ибо насколько мне известно немыслимо, чтобы председатель имел совещательный голос. Неоднократно им же делались доклады политического характера, к нему обращались за раз"яснением политического положения и в заседании, когда назначался Колчак, все-таки подал голос, хотя это не было по вопросу законодательному, потому что не считались с теми бумажками, которые существовали.

БОРОДУЛИН. Я считаю, что со стороны обвинения дано было об"яснение по существу, как часть его обвинительной речи, раз"ясняющая как смотреть на эти бумажки. Сейчас я ходатайствую, чтобы иметь право ссылаться на них в подтверждение тех действий или равно того бездействия, которое было проявлено Красновым.

ГОЙХВАРГ. Я именно по этому поддерживаю свое возражение. Раз Революционный Трибунал это установил, но я никакой обвинительной речи не произносил.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Суд вам никакого замечания не делал.

ГОЙХВАРГ. Мне его сделал защитник через голову суда. Раз было установлено, что с этими бумажками не считались, я считаю было бы искажением процесса ссылаться на бумажки, с которыми никто не считался.

БОРОДУЛИН. Такого заявления, что эти бумажки не признавались, ни со стороны подсудимого Краснова, ни с моей стороны не было.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Я полагаю, что прошедшим перед судом материалом роль Краснова достаточно выяснена.

АРОНОВ. Я ходатайствую о приобщении к делу прошения Преображенского об отставке его и письма Вологодского из дела № 12, где Вологодский просит его еще хотя некоторое время остаться в должности министра.

ГОЙХВАРГ. Не возражаю.

АРОНОВ. По делу Василевского ходатайствую о ссылке на доклад главного строительного комитета в Иркутске, представленного в комитет труда и социального обеспечения о ревизии деятельности Василевского и об удостоверении от чешского командования о приеме на хранение от Василевского 500.000 рублей.

ГОЙХВАРГ. Не возражаю.

АРОНОВ. По делу Червен - Водали ходатайствую сослаться на разрешение совета министров от 3 декабря 19 г., где по докладу Червен - Водали отпущено 3 миллиона рублей Иркутскому земству и особое мнение министра земледелия Петрова, где говорится "категорически протестую против поддержки революционной организации и остаюсь при особом мнении. Петров".

ГОЙХВАРГ. Я не буду возражать, если мне разрешат задать вопрос подсудимому Червен - Водали, чтобы выяснить один факт. Скажите подсудимый Червен - Водали вам Шкляровский чиновник особых поручений 4-го января делал доклад, что он расследовал деятельность иркутского губернского комиссара Яковлева и нашел целый ряд преступлений что Яковлев взял мануфактуру, имевшуюся в качестве вещественных доказательств и роздал ее офицерам на несколько миллионов рублей. Вы заявили, что вы не можете этого дела двинуть сейчас потому, что вы через Яковлева ведете переговоры относительно налаживания отношений с общественностью и что дело должно быть прекращено.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Такой доклад с поименованием всякого рода преступлений мне был представлен, причем главные преступления, о которых говорил Икляровский, носили характер не тот, о которых вы указывали. Там указывалось на его прошлую деятельность, на то, что он организовал эсэровские организации, что у него весьма излюбленный человек являлось лицо с отрицательным прошлым, с указанием целого ряда ссылок на разные его деяния, в том числе может быть было и это обвинение, причем мною было замечено, что никаких об"яснений по

этому поводу я не давал, а потребовал, чтобы этот документ был доставлен в министерство внутренних дел, куда это дело и поступило. Я не принимал чиновника Яковлева, я с ним разговора не имел, а разговаривал непосредственно с заместителем председателя земской управы Петелиным и городским головой Зиссерманом. Из об"яснений их выяснилось, что население и все учреждения находятся в высшей степени плачевном состоянии, что многие учреждения в течение многих недель нуждаются в топливе, больные не получают пищи, служащие не получают жалования и т.д. Положение катастрофическое. Все это положение изложенное Петелиным вынудило меня к вопросу о созжании в спешном порядке помощи, поэтому был поставлен вопрос о ссуде в таком размере, как ходатайствовало земство. Я во внеочередном порядке поднял вопрос о выдаче в счет той суммы, которая будет проведена в нормальном порядке - 3.000.000 рублей. Таким образом я не устанавливаю никакой связи между выдачей ссуды городу и земству и теми мерами, которые были представлены Яковлевым.

ГОЙХБАРГ. Раз этот вопрос затронут, я покорнейше прошу дозволить мне огласить показания по вопросу о раздаче мануфактуры, в противном случае я должен буду самым категорическим образом возражать по поводу порядка, который был принят.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Разрешите мне просить Трибунал удостоверить, что я в своих показаниях не говорил, что я не помню, но говорил, что никакой связи между моим разговором о ссуде земству и делом Яковлева не имеется. Вопрос, который был здесь затронут, стоял совершенно в другой плоскости, в плоскости борьбы, которая стояла по отношению к эсэровской организации, которая была в большом количестве в Иркутске, поэтому я не говорил, что я не помню такого факта, я не пытался опровергать, я прошу подтвердить, что я эту мысль с совершенной ясностью излагал, не отклонял этого факта и не говорил, что я этого не помню.

ГОЙХБАРГ. /Читает/ Этот документ относится к тому, что Червен-Водали не дал ходу расследованиям преступлений Яковлева.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ тов. ПАВЛУНОВСКИЙ. Я приобщаю этот самый материал к делу и считаю вопрос исчерпанным.

АРОНОВ. Не отпускали ли вы кроме 3-х миллионной ссуды Иркутскому земству, еще ссуды Черемховским рабочим и другим.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Была проведена 3-х миллионная ссуда г. Иркутску на надобности работ земства. Был проведен законопроект о выдаче 20-ти миллионов ссуды образованному при городском самоуправлении Иркутска при участии земства, кооперации и торговли для усиления кооперации. Кроме того, в дни возстания на той стороне реки было обращено ко мне ходатайство о разрешении выдать 5 миллионов рублей черемховским рабочим из суммы, числящихся на текущем счету в государственном банке для расчета с рабочими. Мною было выдано разрешение о выдаче 5-ти миллионов рублей. Кроме того, в дни возстания было выдано 40.000 р. и передано чешскому командованию для расчета с железнодорожными рабочими.

АРОНОВ. По делу Введенского я ходатайствую о приобщении к делу заявления служащих Огнетопа.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Это может иметь значение свидетельского показания. Можно было бы вызвать свидетелей. Этот вопрос абсолютно не имеет значения.

ГОЙХВАРГ. Я не возражаю против деятельности Введенского, как крупного ученого.

АРОНОВ. Я ходатайствую в качестве подтверждения его отношения к рабочим. Я полагаю, что Революционный Трибунал не руководится формальной стороной.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Ему не инкриминируется то, против чего вы возражаете.

ЧЕРВЕНЬВОДАЛИ. Я хотел просить трибунал огласить мое письмо Хадукину, устанавливающее, что я совершенно добровольно, не избегая ответственности, явился в политический центр. Это письмо было передано Ходукину 6-го января, с указанием на то, что 5-го января я явился в политический центр.

ГОЙХВАРГ. Такое письмо имеется.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Я просил бы удостоверить, что вечером 4-го января за моей подписью была отправлена телеграмма Сычеву и Скипетрову с категорическим предписанием либо вернуть арестованных, либо передать их чешскому командованию. Ответ на эту телеграмму я узнал уже при допросе меня Поповым или Денник. На эту телеграмму последовал ответ со стороны Скипетрова, якобы не понявшего содержания и отвечающего "чехов среди арестованных не имеется". Я прошу удостоверить

этот факт либо показаниями Попова, либо других членов политического центра. .

ПАВЛУНОВСКИЙ. Мы не оспариваем.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Я хотел задать вопрос такого рода. Был ли кто-нибудь из членов трибунала или из представителей обвинения знаком с материалами национального центра, из которых мне инкриминируется ряд обвинений. Если кто нибудь ознакомился, я просил бы удостоверить,что в материалах, в которых имеется целый ряд установленных точек зрения и целая программа, совершенно нет намеков на какие нибудь реставрационные или реакционные цели.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Я с национальным центром знаком с 18 года, но установить такого факта я не могу.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. В документах на полотне устанвлен целый ряд основ деятельности диктатора, но там нет никаких фактов, устанавливающих реакционность или реставрационность.

ГОЙХБАРГ. Я возражаю против такой постановки вопроса. Из самого заявления Червен-Водали видно, что с участием подсудимого Червен-Водали вырабатывались ограничения для Деникина и других диктаторов. И это свидетельствует, что нет никаких намеков на реставрационную деятельность национального центра, для самодержца Николая также был выработан ряд пунктов.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Но если эти документы имеются, то я могу на них ссылаться.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Они имеются в деле.

МАЛИНОВСКИЙ. Я просил бы предложить задать вопрос подсудимому Ячевскому, что министру внутренних дел Тельбергу было сообщено, что мною сделано распоряжение о возбуждении уголовного преследования против лиц, принявших противоправительственную резолюцию против иркутского земства.

ГОЙХБАРГ. Я возражаю против того, что подсудимые ссылаются друг на друга в качестве свидетелей, относительно обстоятельств не имеющихся в деле, а существующих по их утверждению в действительности, так как удостоверено, что они переписываются.

МАЛИНОВСКИЙ. Это не имеет связи с перепиской, о которой вы говорите и во вторых, в этом деле имеется постановление чрезвычайной комиссии 1920 г., из которого видно, что перед чрезвычайной комиссией прошел весь материал, свидетельствующий о моей работе по министерству юстиции и был произведен осмотр этих материалов и вынесены определенные заключения. Поэтому я возбудил ходатайство об оглашении части указанных документов и моих работ, если трибунал не признает возможным их огласить, ходатайствую об опросе К.А.Попова.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Мнение чрезвычайной следственной комиссии касается оценки документов, а для суда ее оценка совершенно не обязательна. Вопрос идет не о том, какие документы имелись, а о том, как их оценивать. Я считаю, что можно ссылаться на все документы, которые прошли перед судом трибунала.

ГОЙХВАРГ. Если может быть некоторые подсудимые собираются такие ходатайства пред"являть, может быть разрешите мне сказать, что подсудимые имеют возможность какие угодно утверждения о своей деятельности здесь заявлять и то, что они подтвердят наличностью документов по своей деятельности, никто не может оспаривать.

КЛАФТОН. Разрешите установить один факт, когда гражданин защитник представил номер газеты "Наша Заря", где было сообщено о протесте к.д. против разстрелов, обвинитель сказал, что там нет моей подписи и он не знает, был ли я председателем в это время и когда я приехал в Омск. Между тем вчера вы изволили огласить телеграмму по поводу земского союза, которая подписана мною 3-го января, протестующая против безсудных разстрелов, отмеченную 12 января.

ГОЙВЕРГ. Я вчера ни одного слова не говорил, что восточный отдел посылал телеграмму, я приводил выписку из газеты "Уральская Жизнь", где сказано, что Клафтон посылал телеграмму генералу Гайде за успешную победу над красноармейцами и сегодня я не высказывал никаких сомнений, что подсудимый Клафтон был председателем и только сказал, что мне неизвестно, что когда был такой протест, подсудимый Клафтон находился в Омске.

КЛАФТОН. Я прошу удостоверить подробность, которую увидит Революционный Трибунал, мне важно, что 3 января, я был председателем

восточного отдела.

КАРЛИКОВ. Я прошу огласить показания свидетелей, которые были вызваны по инициативе чрезвычайной следственной комиссии. Я сам не успел ознакомиться, так как дело мне не было пред"явлено. Они давали основания чрезвычайной следственной комиссии не пред"являть мне обвинения. Я сам не читал показания, но из тех постановлений, которые мне пред"явлены, видно, что на основании кратковременного пребывания.....

ПАВЛУНОВСКИЙ. Это касается оценки вашей деятельности. Этот вопрос установлен судом и ссылаться на него нечего.

ГОЙХБАРГ. Можно дать дело Карликову, чтобы он с ним ознакомился.

мая 1920 г.

25 - 8-25 / ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА /.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Заседание Чрезвычайного Революционного Трибунала продолжается. По существу процесса в связи со всем следственным материалом прошедшим перед ним предоставляется для об"яснения слово подсудимому. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Прежде чем приступить к изложению об"яснения по существу настоящего дела, я прошу разрешения в очень кратких чертах остановиться на фактах моей прежней общественной и политической деятельности для того, чтобы дать возможность Чрезвычайному Трибуналу судить о моей деятельности здесь, на фоне тех фактов, которые были мною сообщены здесь и которые мною были сообщены Чрезвычайной следственной Комиссии.

Предоставленный самому себе, начиная с 5 класса гимназии и добывая средства к жизни собственным трудом, я окончил Петербургский университет по двум факультетам: физико-математическому и юридическому, причем по физико-математическому факультеру я был оставлен в университете по кафедре физики, для приготовления к профессорскому званию. Одновременно с этим, как физик, я был приглашен в Петрограде для опытов судостроительного бассейна Морского Ведомства занимающегося научными исследованиями мореходных качеств боевых судов с целью выявления наилучших качеств и наилучших типов судов. Для этой цели приходилось участвовать в постановке опытов, как в учреждении морского ведомства в опытах судостройтельного бассейна, так и производить эти опыты на судах при их плавании. Одновременно с этим я являлся преподавателем физики и математики в одном из мужских гимназий Петербурга и читал лекции по электричеству в старших гардемаринских классах морского училища. Затем уже с 1903 р. я оставил эту деятельность и переехал в гор. Тверь, приняв должность нотариуса и имея в виду приняться за широкую общественную деятельность, которая всегда влекла меня к себе. Здесь я сразу вступил в число работников по городскому самоуправлению, будучи избран в Городскую Думу с этого же года. Развернув широко работу по городскому самоуправлению и принимая самое деятельное участие во всех комиссиях и организациях городского самоуправления, мне пришлось, отходя подчас и от этой работы

заниматься самой широкой общественной деятельностью. Среди тех отраслей, которые мне хотелось бы здесь подчеркнуть, мне пришлось в период после первой революции 1905 года явиться организатором и председателем Университета, в котором читались лекции для рабочих в рабочих районах и для городской демократии в городских районах. Затем в это же самое время выяснилось, что в городе Твери, где имеются очень много фабрично-заводских учреждений - Тверская Мануфактура, Рождественская мануфактура, Вагоно-строительный завод, осталось в критическом положении около 1.500 - 2:000 рабочих. Тогда по моей инициативе городская дума создала городской комитет оказания помощи безработным, председателем коего был избран я. В это комитет были привлечены представители от безработных, для чего мною было устроено несколько общих собраний безработных и таким образом в сотрудничестве с безработными мне пришлось установить целый ряд деятельности в этом направлении . Прежде всего были сорганизованы широко общественные работы, затем был организован ряд столовых и учреждений для оказания помощи детям и семьям рабочих. Кроме того, мною было организовано 12 трудовых артелей - мыловарения кровельная, кузнечная, слесарная и др. Некоторые артели крепли и получили дальнейшую возможность работать и сохранились до последней революции 1917 года, таких было две или четыре артели. Таким образом в этой части мне пришлось много поработать и иметь близкое сношение с Городской рабочей демократией.

Когда подошло время войны, мне пришлось в качестве одного из главных руководителей, а впоследствии председателя комитета союза городов по организации помощи воинам. Затем, когда в России наступили тяжелые дни в смысле продовольствия, городская дума избрала меня председателем городского продовольственного комитета, который очень широко развил свою деятельность, привлекая кооперацию промышленников и торговцев, а также представителей рабочих от фабрик. Таким образом была широко поставлена продовольственная помощь населению, причем одновременно с продовольственной помощью ставился вопрос об организации снабжения топливом и таким образом пришлось эту деятельность продовольственного комитета развить в смысле чисто продовольственного отдела, в смысле снабжения топли-

вом и поставить опыт большого муниципального огородного хозяйства на пространстве свыше 100 десятин земли.

В этой работе я встретил нынешнюю революцию 1917 г. и по избранию рабочих, городских представителей, земских представителей, представителей в первое время замененных представителями партии с.р., крестьянских представителей замененных в первое время представителями партии с.р., я был выдвинут на роль председателя Исполнительного Комитета и Бюро, каковым состоял в течение нескольких месяцев. Здесь мне пришлось сотрудничать с представителями разных течений. В числе организаций входивших в Комитете был Совет рабочих депутатов, Совет крестьянских, военных и всяких других депутатов. Я оставался председателем в течение нескольких месяцев, а затем, будучи избран членом управы Московской Городской думы, я оставил гор. Тверь и при расставании получил полное удовлетворение в смысле признания за мною соответствующего председателю беспристрастия и умения руководить делом Губернского Исполнительного Комитета. Переехав в Москву я занялся в качестве члена Управы большим делом городской благотворительности, получив в то же самое время от Временного Правительства поручение стать комиссаром по благотворительным делам в гор. Москве. Затем уже в августе месяце 11 года я был командирован союзом городом на Юго-Западный фронт, где при моем участии был возстановлен и соорганизован фронтовой комитет союза городов Юго-Западного фронта. Возвратившись в Москву, мне пришлось встретиться с вопросом относительно того, чем мне заняться и вообще каким образом существовать. Здесь мне было предложено место во Всероссийском Союзе Торговли и Промышленности по руководству целым рядом научных и практических постановок экономического характера. Всероссийский союз торговли и промышленности об"единяя торгово-промышленные организации, сам по себе не был промышленным предприятием, а являлся чисто общественной организацией, ставящей вопросы экономические и вопросы об"единения деятельности торговли и промышленности в смысле отыскания лучших способов разрешения тех или других выдвигаемых жизнью вопросов. Тут в Москве уже после большевистского переворота в кон-

це 1918 года мне пришлось получить поручение от бывшего участника союза торговли и промышленности Федорова, который впоследствии был председателем национального центра, представить проект организации ведомства торговли и промышленности и труда по тем представлениям, которые соответствуют моей точке зрения. Эта работа мной была выполнена и передана по назначению, а затем уже в конце октября 1918 года, я ввиду высшей степени тяжелого положения в смысле продовольствия и в силу болезненности некоторых членов моей семьи и моего собственного нездоровья, я выехал на Юг, причем поехал в Киев и здесь уже вступил в организацию Национального Центра, в качестве полноправного члена. Оттуда я был направлен на юг в Екатеринодар, где я принимал участие в разработке некоторых материалов по вопросам внутреннего управления и по вопросам торговли и промышленности.

До нас затем дошли сведения об организации здесь, в Сибири, власти Колчака, причем все сведения, которые имелись на юге, относительно характера этой власти, сводились к тому, что было опубликовано то воззвание или та декларация, которая была выпещена Колчаком и в которой указывалось на стремление его довести страну до Учредительного Собрания. А затем кроме того было известно, что Председателем Совета Министров состоит Вологодский, человек социалистического направления и во всяком случае не вызывавший никаких сомнений в том, что здесь, в среде Колчаковского Правительства, имеется совершенно определенное прогрессивное настроение и направление. В Екатеринодаре мне было предложено поехать в Сибирь для того, чтобы установить политическую связь с местными общественными деятелями и правительством Колчака, причем я подчеркиваю, что эта связь должна была быть именно чисто политическая. Что же касается до военных связей и установления военных сообщений, то для этого была командирована и раньше и затем одновременно со мной делегация состоящая из военных, под руководством генерала Могаева. Таким образом я и Волков взяли на себя исключительно политическую роль и в качестве таковых мы выехали из Одессы в конце марта месяца 1919 г. Проехали мы до Владивостока, затратив на это путешествие около 4-х месяцев и таким образом только в июле месяце мы приехали во Владивосток.

Я позволю себе отметить те впечатления, которые у меня получи-

239

лись при проезде от Владивостока до Омска. Уже при проезде от Владивостока до Омска настроение в разных кругах и среди тех пассажиров, с которыми мне приходилось встречаться, до некоторой степени вселили во мне догадку, что настроение, которым живет Сибирь, далеко не то, как мы себе представляли, когда получили сведения об организации этой власти на юге. Проезжая через владения в Забайкалье, через владения Семенова, как мы впоследствии их называли, мы уже чувствовали определенное реакционное настроение и проявление определенных резких выходок со стороны представителей власти, возглавляемой там, в Забайкалье, Семеновым.

Когда мы приехали в Омск, то здесь мы познакомились прежде всего с некоторыми деятелями правительства, т.е. с Членами Совета Министров, с некоторыми из товарищей Министров. В это время Вологодского не было и председателем Совета Министров являлся Тальберг. Проживши здесь около 2-3 недель и ознакомившись с господствующими здесь настроениями и той обстановкой, при которой развивалась и действовала эта власть, для нас стало совершенно ясно, что действительная власть вся сосредоточена не в руках совета Министров, а в руках военных и что в конечном итоге, все начинания, какие бы ни производились советом министров, являлись совершенно ничтожными по сравнению с той деятельностью, которая устанавливалась военными властями, в особенности принимая во внимание, что в тот период, когда мы приехали, вся Сибирь была об"явлена на военном положении и везде были главнокомандующими реакционные генералы, с определенными тенденциями взять в свои руки все гражданское управление. Таким образом, когда меня принял к себе адмирал Колчак, я уже был достаточно осведомлен о том направлении деятельности, которое здесь в это время царило и я в совершенно определенных и ясных выражениях указал Колчаку на гибельность такого рода политики, на невозможность такого рода работы в вопросах внутреннего управления и доказывал необходимость из"ятия из кругов военных властей всю часть гражданского управления и сосредоточить гражданское управление в органах гражданской власти, установив такой режим, который об"единил бы правительство с обществом, с земствами, с городами и т.д.

~~37~~ 240

и таким образом не отдавал бы население на произвол и распоряжение тех военных генералов, которые действовали не только сами по своему усмотрению, но давали возможность действовать всем своим представителям на местах в самых мельчайших городах. Комендант и всякие другие под всякими наименованиями военные - каждый из них чувствовал себя диктатором и поэтому происходили те картины, которые с такой яркостью и определенностью обрисовали здесь, на этом процессе.

Как характерное и определенное указание на то, что гражданская власть фактически бездействует, мне пришлось говорить не только о фактах, но и о тех материалах, которые имелись в качестве предметов военного законодательства. Это именно приказ, например,- я не помню за каким номером,- который трактует о военно-гражданском управлении в пределах полосы фронта и прифронтовой полосы, а так как понятие о прифронтовой полосе довольно неопределенное понятие, то под этот приказ подходили районы до самого Омска.

сЯ до этого еще сделал доклад о тех точках зрения, которыми мы жили, которые изложены в тех документах, которые здесь имеются перед Трибуналом, Совету Министров, я сделал соответствующий доклад, с указанием тоже на невозможное положение по вопросу о гражданском управлении, но эти два доклада и у Верховного Правителя и в Совете Министров сразу поставили меня в положение оппозиции и мне, в сущности говоря, уже с того времени не пришлось видеться с Верховным Правителем и быть им принятым до дня предшествующего посоединим дням от"езда из Омска, т.е. в течение всего полугода, которые я провел здесь, я ни разу не был принят Колчаком, хотя один раз в качестве делегата от Государственного Экономического Совещания, я должен был быть у него для целого ряда сообщений, о которых я сейчас буду говорить. Эта делегация также не была принята и мне пришлось сразу встать в ряды оппозиции.

Будучи членом Государственного Экономического Совещания, я являлся участником Земской Городской группы вообще оппозиционно настроенной к Правительству Колчака и затем при разрешении целого ряда вопросов о положении вещей здесь, в Омске и в Сибири, Государственное Экономическое совещание становилось на определенную точку

зрения признания целого ряда ошибок и преступлений со стороны отдельных лиц. Была избрана специальная делегация, которая должна была представить Колчаку соображения о необходимости коренного пересмотра всей деятельности правительства и о переходе к более целесообразному и более демократическому методу управления. По этому поводу была организована делегация, в состав которой был избран и я в качестве представителя земской и городской группы. Эта делегация добивалась того, чтобы она была принята Адмиралом Колчаком, но таковая делегация не была принята и нам пришлось ограничиться разговорами с Вологодским, которому я изложили свою точку зрения о необходимости сейчас же созват. земское совещание, для того, чтобы образовать демократическое большинство, которое бы дало определенный противный тем настроениям, которые царили здесь в военно-реакционных кругах. Но этой делегации не пришлось быть принятой и только уже в конце октября месяца был вновь поставлен вопрос о необходимости сделать представление Адмиралу Колчаку о необходимости смены Правительства и отдельных лиц и в частности смены председателя Совета Министров. Опять была избрана делегация которая была принята Верховным Правителем и здесь были сообщены соображения, в которых пред"являлись требования об изменении политики, о смене некоторых, особенно одтиочных фигур, как военной, так и гражданской власти.

Вот в каких настроениях пришлось мне пережить здесь несколько месяцев в Омске и когда я уезжал в Иркутск, то я был очень далек от мысли, что могу при каких бы то ни было условиях вступить в то правительство, которое мною таким образом характеризовалось. В Иркутске произошел у меня в Пепеляевым разговор такого рода. Пепеляев сообщил о том, что он получил предложение от Адмирала Колчака составить кабинет Министров. Я одним из первых был у Пепеляева и стал доказывать, что невозможно Пепеляеву браться за эту ответственную роль потому что имя Пепеляева, связанное с Министерством Внутренних Дел и связанное с представлениями населения о его внутренней политике является совершенно невозможным и такое правительство не сможет пользоваться доверием, которое необходимо сейчас, хотя бы даже при изменившемся курсе.

В.Н.Пепеляев указал мне на то, что курс политики должен быть совершенно определенно круто изменен, что он становится на все те точки зрения, о которых я в свое время говорил в Омске и если он, Пепеляев, не войдет и откажется, то по имеющимся у него сведениям, около Верховного Правителя Адмирала Колчака велась уже работа со стороны реакционных военных кругов о том, чтобы всю власть гражданского управления сосредоточить в руках одного из реакционных генералов, который был при Ставке. Вот тогда мне был поставлен Пепеляевым вопрос: можно ли отказываться от власти при условии, если вместо нового направления, совершенно нереакционного и стремящегося найти общение с земствами и городами и вообще найти выход из создавшегося положения и если эта власть не будет создана, то будет создана реакционная власть и результат мог быть чрезвычайно печальным, как для населения, так и для всего Сибирского края. Таким образом ко мне была обращена просьба взять на себя управление Министерством Внутренних дел, что из состава старого правительства выйдут такие фигуры, против которых мы все возражали в свое время, а именно: Сукин, Гойер, Министр Снабжения, а вместо них вошли Третьяков и Бурышкин, лица относительно которых у меня имелось совершенно определенное мнение в смысле их нереакционного направления и в смысле желания создать демократическую власть. Таким образом был составлен кабинет, в который я вошел, причем как условие, как для компетентности этого кабинета, были поставлены следующие основания: созыв Земского Собора, с правом решающего голоса, с законодательными и учредительными функциями, с тем, чтобы властью Земского собора был разрешен вопрос о власти в Сибири, предрешая вопрос о прекращении характера Всероссийской Верховной власти Адмирала Колчака, это во первых; во вторых немедленное изменение внутренней политики в смысле поддержания земств и городов, в смысле общения и об"единения деятельности земств и городов с правительством. Третье условие - подчинение военных властей гражданским, т.е. Министру внутренних дел в порядке управления; четвертое - уничтожение Министерства Снабжения, с тем, чтобы вопросы постановки продовольственного дела для населения были переданы Земствам и городам, а что касается военного снабжения, то это

должно было взять на себя само военное ведомство. Затем в виду имеющихся в высшей степени разноречивых мнений и сведений о деятельности министерства продовольствия, о деятельности Михайлова, Гойера и Сукина было постановлено и принято, чтобы деятельность их подвергалась изучению вновь назначенным Министром Финансов и Министром Иностранных Дел и затем деятельность министерства продовольствия должен был осветить Министр Торговли и Промышленности Скоропов. После ознакомления с их деятельностью, они должны были сделать доклады в Совете Министров по вопросу о том, имеются ли основания для предания их суду и для назначения специальной ревизии. В связи с этим постановлением Михайлову, Гойеру и Сукину были разосланы письма, с заявлением Совета Министров о необходимости им оставаться в Иркутске до разрешения вопроса о том, что даст ознакомление с их деятельностью. Затем, следующим условием было поставлено обязательство для Верховного Правителя управлять исключительно через Совет Министров, т.е. было сделано возражение против наличия каких либо органов при Верховном Правителе и против нахождения его вне сферы влияния Совета Министров, иначе деятельность Совета Министров совершенно не могла быть проявляема, ввиду того, что Верховный Правитель очень часто производил действия и делал распоряжения совершенно не соответствующие видам правительства в целом.

Кроме того был поставлен вопрос о необходимости устранения военных и гражданских лиц, проявивших определенно незаконную деятельность. В целях достижения в особенности этих последних требований был командирован Председатель Совета Министров Пепеляев к Верховному Правителю для того, чтобы добиться во-первых смещения большинства из тех генералов, которые зарекомендовали себя определенною реакционной деятельностью; во-вторых, между Пепеляевым и Верховным Правителем шли большие дебаты по вопросу о созыве Земского Собора, причем в делах имеется между прочим лента переговоров по прямому проводу, в которых сообщается требование пред"явленное Пепеляевым в почти ультимативной форме относительно необходимости придти к этому решению, в противном случае всю ответственность он возлагает на адмирала Колчака. Затем было достигнуто устранение

некоторых из военных лиц и таким образом предполагалось, что если события не разыграются так быстро на фронте и в тылу, как они разыгрались, то возможно будет установить порядок, при котором можно совершенно миролюбиво, без какого бы то ни было кровопролития, каких бы то ни было катастроф, разрешить вопрос о власти в Сибири. После от"езда Пепеляева на Запад к Верховному Правителю, пришлось нам под председательством заместителя Председателя Третьякова провести работу в течение нескольких недель. В числе работ, которыми занимался Совет Министров, я позволю себе отметить прежде всего стремление со стороны управляющего Министерством Внутренних Дел к об"единению с органами земского и городского самоуправления. Я посетил в разное время, как представителей, так и представителей города и вел с ними переговоры относительно возможности установления такого режима, при котором земствам и городам явится возможность выждать организации земско-городского собора, который разрешит вопрос о власти в окончательной форме, а до того времени мы надеемся создать такой режим, при наличии которого население сразу почувствует облегчение. Среди тех мер, которые иллюстрируют отношения правительства к земствам и городам, можно отметить прежде всего вопрос об облегченной выдаче ссуд, как гор. Иркутску, так и губернским земствам, а затем привлечение губернского земства и города к организации продовольственной помощи населению. Таковая организация была создана по моему предложению губернским земствам и городской думою, с привлечением кооперации и представителей торговли и эта организация должна была ведать закупкой и распределением всех продуктов в Иркутской губернии.

Для начала деятельности, этот новый продовольственный орган, с закрытием Министерства продовольствия, нуждался в средствах и для этого был проведен закон о выдаче ссуды в 20.000.000 руб. на начало этой работы.

Я позволю себе остановиться на характеристике деятельности Министерства внутренних дел в этот период. Прежде всего ко мне обратились представители земств по вопросу о том, чтобы земский деятель бывший член государственного экономического совещания Алексеевский, находившийся в Иркутской тюрьме, был освобожден. Он об-

ратился ко мне с просьбой и его просьба была удовлетворена в очень скором времени, причем по выяснении обстоятельств дела, я обнаружил, что по существу никаких серьезных обвинений к Алексеевскому пред"явлено не было, все обвинение было в высшей степени легковесно. Кроме того ко мне стали обращаться с просьбами об освобождении целого ряда других лиц. Среди прочих имелось обращение относительно общественного деятеля Исая Бланкова, который числился за военными властями и мне пришлось для освобождения этого лица вести большие переговоры, как с Командующим войсками, так и с Сычевым и после нескольких дней переговоров, это лицо в конце концов было освобождено. По вопросу освобождения тех или других лиц мне пришлось встретиться с таким фактом. В Нижне-Удинске был известный общественный деятель частный поверенный, я к сожалению забыл его фамилию, в своем показании я назвал его, потому что я его тогда помнил приехавший в Иркутск по вопросам о безобразиях творившихся в Нижне-Удинской тюрьме и когда он вернулся в Нижне-Удинск, то по распоряжению генерала Марковского, командующего Красноярской губернией, в районе, который почему то был отнесен Нижне-Удинский уезд Иркутской губернии, это лицо было арестовано, причем ко мне обратился председатель городской думы Константинов, с указанием на то что этому лицу грозит расстрел, ввиду того, что он предан военными властями суду. Тогда я обратился с просьбой к Иркутскому Командующему войсками о том, чтобы он его каким нибудь образом освободил. Этого он сделать в обычной форме не мог и поэтому я настоял на том, чтобы он потребовал пересылки этого лица от генерала Марковского в Иркутск. Это было сделано и таким образом это лицо вернувшись в Иркутск, было освобождено. Здесь с полной очевидностью выявляется, насколько трудно говорить о виновности ведомства внутренних дел, о виновности его в тех арестах, которые чинились представителями контр-разведки и военными властями.

Затем я позволю себе заметить, что когда я был министром внутренних дел в гор. Иркутске происходил целый ряд собраний определенно революционного направления, в том числе заседания городской думы, которое выразилось в определенном мнении о необходимости переворота, причем в связи с этим заседанием не было произведено ни одного ареста, ни одного обыска. Таким образом.....

7-ое ЗАСЕДАНИЕ.

25 - 9.25.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Таким образом только благодаря решительному насилию со стороны правительства над военными властями этих арестов не происходило. В тот же самый период в так называемом клубе Пятых происходили почти ежедневно собрания. Также и здесь ни одного ареста за все время моего пребывания не было. Затем были очень большие демонстрации и крупные собрания в союзе земских и городских деятелей и вообще политических деятелей социалистической мысли, были собрания в театре относительно которых мне было известно, причем мною были даны указания управляющему губернией Яковлеву, что препятствий к такому собранию не имеется. Тем не менее, ко мне явился командующий войсками Яковлев, который заявил, что Иркутск находится на военном положении, поэтому он допустить собрания не может и желает принять соответствующие меря. Тогда после моих настояний эти меры свелись к тому, что собранию было об"явлено, что оно считается незаконным и должно разойтись. И тут ни одного ареста произведено не было, ни одного эксцесса. Таким образом я указываю на этот ряд фактов, которые указывают на совершенно беспомощное положение министра внутренних дел, как ему приходится просить, уговаривать и достигать соглашения. Был составлен законопроекты, которые были представлены в совет министров и которые прошли единогласно против мнения только военного министра, причем этот законопроект говорил о подчинении военных главнокомандующих в том случае, когда даже имеется на местах военное положение, министру внутренних дел и о правах этих лиц осуществлять права предоставляемые военным положением исключительно через лиц гражданского ведомства. Таким образом, все военные власти, как на местах, так и в центре, совершенно устранялись от какого бы то ни было вмешательства. Тут же был поставлен вопрос о том, чтобы вопросы о введении военного положения в той или другой мере должны были проводиться не иначе как через совет министров, но ни коим образом ни через командующих войсками или главнокомандующих, которым

подчинялись все войска округа. При разработке этого законопроекта мне пришлось встречаться с материалами, которые с совершенной очевидностью рисуют гражданскую власть в качестве совершенно безпомощной и неспособной на проявление власти.

Даже такие вопросы, как цензура и те находились в ведении ставки. И когда мною было обращено внимание на невозможное положение органов печати и сделал запрос командующему войсками иркутского военного округа, которому подчинялся заведывающий цензурой штаб-офицер, который с исчезающей категоричностью требует не пропускать ни одной статьи, которая так или иначе отзывается критически об органах власти гражданской или военной, то такие стали такие распоряжения проходить. В настоящее время контр-разведка военная находится в распоряжении командующего войсками, не подчиняясь даже военному министру, а непосредственно ставке. Таким образом в сущности говоря, в совет министров отдельный представитель власти является совершенно безпомощным и неспособным что-нибудь сделать, потому что сила всегда находится в руках военных властей и единственное средство это изменение законов, регулирующих эти вопросы. Поэтому закон, о котором я говорил, закон о подчинении министерству внутренних дел для об"единения власти административной в губернии и в то же время и военной власти, когда она занимается вопросами управления, т.е. осуществляет права, предоставленные военным положением, мог бы достигнуть результатов. Здесь между прочим указывал представитель обвинения на то, что по требованию одного из членов совета министров Петрова 30/XI было сделано представление о том, что поручается министру внутренних дел или управляющим М.В.Д. озаботиться тем, чтобы лица, осуждаемые следственными комиссиями на высылку из пределов губернии, не высылались, так как эти лица являются пропагандистами и поэтому должны быть изолированы и не выпускаться из пределов губернии. Такое поручение действительно советом министров было дано, но те инструкции, которые были даны, пред"явленные нам карточки с изображением ужасов Новониколаевска, совершенно не соответствуют тем мерам, которые были приняты. Между прочим я должен заметить, что Новониколаевск находился в районе фронта, где гражданские власти абсолютно никакого значения не

имели, тем более в том хаосе, который возникал при всеобщем отступлении, той жизнью, которая происходила в Новониколаевске, ни Совет министров, ни управляющие министерствами ответственности нести не могли. Я должен заявить, что об этом мною было сделано заявление Петрову. Был приглашен Яковлев, который указал, что такие случаи с обязательством высылки из губернии никогда и бывают, но это сравнительно редкие случаи, никакого особенного значения не имеют и ничего особенно вредного от них ожидать нельзя, а потому мною не было принято ничего в смысле изменения этого порядка. Я полагал, что это представителю обвинения известно. Я утверждаю, что в этом направлении никаких мероприятий со стороны совета министров не было. Наоборот, было даже указано Яковлеву на необходимости вести процесс и прохождение расследования, причем я должен оговориться, что при прохождении следственной комиссии права, связанные со смертной казнью отпадают. Такого рода наказания не производятся. Следственная комиссия может только продолжить задержание в тюрьме или освободить.

Таким образом я должен сказать, что все действия в период более или менее нормальной жизни в Иркутске, т.е. до появления периода восстания, проходили в стремлении осуществить те реформы и те течения, которые были намечены при вступлении моем в кабинет министра. Я должен отметить, что если бы здесь ту обстановку, при которой пришлось работать в Иркутске, перенести к тоф психологии, которая характеризует Совет в течение целого предыдущего периода, в особенности к таким событиям, как ликвидации возстаний по системе Розанова, таким событиям, какие здесь раскрывались с полной ясностью, как 28 декабря 18 г., если бы эти события отнести к этой психологии, я представляю,- каждый из присутствующих слышал эти ужасы, которые нам описывали,- представляю какие результаты должны были быть в Иркутске, если бы вместо той власти, была власть реакционного направления, которая проводила бы эти с тем изуверством и с той определенной жестокостью, какие являлись в этих случаях - эта картина была развернута здесь в период следствия. Я утверждаю, что в Иркутске в течение периода возстания гражданской властью не было произведено ни одного ареста, военными властями под давлением гражданских властей также не

было произведено ни одного ареста - обратных сведений не имеется, это остается совершенно ясным. Таким образом вся деятельность совета министров была направлена к тому, чтобы не допустить эксцессов и жестокостей.

Я позволю себе перейти к периоду возстания, где предния власть является властью в таком положении, в котором мы очутились в Иркутске властью безпомощной и роль совета министров и отдельных его представителей сводилась к роли смягчающей, посреднической и до некоторой степени ослабляющей те действия, которые со стороны военных властей могли быть направлены на подавление возстания. Я позволю себе отметить, что в середине декабря первое возстание, которое было очень близко от Иркутска, было возстание в Черемхове. для того, чтобы ликвидировать это возстание и договориться с возставшими, были приняты меры такого рода. Яковлев поручил послать одного из своих помощников, эсэровского направления, который должен был отправиться в Черемхово и выяснить картину и условия возстания и сделать попытку, чтобы возстание было ликвидировано. Эта попытка была предпринята, лицо это отправилось, но в результате никаких изменений отношений не произошло. Причем я позволю себе отметить, что уже в период возстания в Глазкове, на той стороне Ангары из Черемхова поступило ходатайство через чешских офицеров, чтобы выдать из Иркутского отделения государственного банка 5 милл. руб. для расчета с рабочими. И несмотря на то, что это был район определенно возставший, эти деньги были переданы для расчета с рабочими. Это показывает, что у руководителей власти вовсе не было какой нибудь идеи мщения или стремления ухудшить положение рабочих и вообще населения района, где является возстание. Вообще к этому вопросу придется возстатиться когда мы будем говорить о возстании в Глазкове. В тот же период, когда в Глазкове и Черемхове произошел переворот и Иркутск был осажден подходящими повстанцами, в этот период было выдано еще 40 миллионов для расплаты с рабочими на Томской ж.д. в районе, где было возстание. Затем, 24 декабря произошло в Глазкове возстание на той стороне Ангары, при условиях, когда мост не действовал, когда река была вся заполнена плывущим льдом, 26 декабря ко мне обратился бывший представитель ..... губернии Пашков с заявлением, что в земских и городских кругах имеется желание переговорить со

мною по вопросу о передаче власти. Мною было из"явлено согласие и Пепков передал представителям губерний, земств и городского самоуправления о том, что с нашей стороны препятствий не имеется к возобновлению переговоров. Я должен отметить, что почти во всех показаниях говорится, что эти переговоры велись через Яковлева. Я утверждаю, что я Яковлеву таких поручений не давал. Яковлев может быть имел какую нибудь связь с Пепковым. Я думаю, что тут какой нибудь роли в смысле смягчения ответственности это не играет, но тем не менее я устанавливаю, что эти переговоры велись через Пепкова, который явился и заявил, что в земских кругах имеется такое желание. 26 числа я принял представителей земств и городов, с которыми вел переговоры о передаче власти, причем предварительно я обменялся мнениями в совете министров, который высказался, что передача власти желательна. При таких условиях, при переговорах с представителями земств и городов, удалось установить возможность такого соглашения, причем представители земств и городов должны были с своей стороны переговорить с теми, кто их уполномочил. Я с своей стороны должен был выяснить обстановку, чтобы выяснить условия, которые намечались. Я выяснил намечавшиеся условия. Это было прекращение характера всероссийской власти, отказ верховного правителя от своих прав с передачей власти Деникину. Таким образом в Сибири прекращается совершенно власть всероссийская, а остается только сибирская и передается земству с обязательством созыва в ближайшее время земского совещания, которое должно разрешить вопрос об организации власти. Четвертый вопрос - это вопрос о золоте, которое находилось в пути и фактически находилось во власти чехов. По этому поводу с нашей стороны было указано, что мы рассматриваем это золото, как достояние всероссийское, не подлежащее передаче земству в качестве собственности сибирской, а оно должно храниться в качестве собственности всероссийской и должно находиться под охраной официально принятой на себя всеми представителями всех союзных держав, находящихся здесь, причем золото это должно храниться при условии хранения его и при участии представителей власти вновь образовавшейся. Но власть, как таковая не имеет права собственности на эту ценность, которая является ценностью всероссийской. Затем был поставлен во-

прос о гарантии безопасности личности для адмирала, как для частного лица, после того, как он откажется от своих прав, а затем гарантия всем другим представителям военной и гражданской власти, которые имеют право пропуска на восток под условием дачи честного слова о непринятии военных действий и непринятии участия в борьбе с вновь образовавшейся властью. Вот условия, которые были намечены в этом предварительном совещании. Затем, когда мы разстались, мне пришлось поставить вопрос о том, насколько приемлемы эти условия и как вообще к этому вопросу относится военная власть. И тут я с определенностью встретил заявление Сычева и Артемьева, что они имеют категорическое предписание со стороны своего непосредственного начальника Семенова, чтобы принять соответствующие меры к подавлению безпорядков, не считаясь ни с чем, не останавливаясь перед мерами определенного воздействия и ареста, так как они признают нужным. Таким образом выходило, что военная власть не подчинялась тому решению, которое могло быть принято на следующий день в связи с переговорами и таким образом эти дни переговоров, в течение которых мы устанавливали условия, являлись днями, которые можно было использовать, чтобы нарушить все условия, которые нами намечались. Таким образом определенно была угроза для нас оказаться в состоянии людей, связавшихся обязательствами и не способных их отбросить. Вот почему 27 декабря я определенно заявил представителям земств, которые явились ко мне, что дальнейшие переговоры безполезны, что видно из обстоятельств обстановки, при которой велись эти переговоры. Так как передача власти должна была состояться около 5-ти час., а в это время Сычевым было об"явлено осадное положение с разрешением выходить до 6-ти часов вечера, то чтобы гарантировать неприкосновенность прохождения по улицам означенных лиц, с которыми я вел переговоры, я должен был послать к Сычеву с просьбой прислать 8 пропусков для представителей земств и городов, которые с этими пропусками были пропущены и благополучно проследовали домой. Между тем прекратились переговоры и начался период борьбы чисто военного характера с повстанцами. Этот период, я позволю себе на нем несколько остановиться,- прежде всего характеризуется тем, что здесь власть уже всецело перешла в руки военных, которые руководились указания-

ми Семенова и гражданской власти приходится выступать здесь в роли совершенно неавторитетной власти, в роли людей, которым приходится не требовать, не повелевать, а просить и устанавливать единственно возможные решения. В первую же ночь в Модерне, где мне пришлось находиться, стали поступать арестованные контр-разведчики, причем я отмечу, что имевшимся в распоряжении министерства внутренних дел отделом охраны в течение всего этого времени пребывания в Иркутске правительства ни одного ареста произведено не было, а были приведены только арестованные контр-разведчики. Эти лица были арестованы и сохранялись в помещении Модерн, причем пользовались условиями совершенно приличными, пользовались пищей и помещением наравне с остальными воинскими чинами. Таким образом положение их в смысле содержания было удовлетворительным. Здесь я позволю себе остановиться на показании Черепанова, который заявлял, что он рассматривал их по постановлению Скипетрова или Семенова в качестве заложников, в то время, когда я утверждаю, что у меня был разговор по вопросу о назначении над арестованными военно-полевого суда. Я давал уже соответствующие показания чрезвычайной следственной комиссии, что мною в присутствии Ларионова была заявлена и дано знать Сычеву, что я настаиваю, что ни о каком военно-полевом суде речи не поднималось, потому что для этого никаких оснований не имеется. В период возстания и тех событий, которые происходили, говорить о полевом суде не приходилось и я категорическим образом возражал против такого суда. Полагаю, что из этого взгляда на арестованных, как на заложников, совершенно не водтверждается и если была мысль о создании военно-полевого суда, то значит на них смотрели не как на заложников, а как на участников переворота и намечались действия в связи с решением этого суда. Я позволяю себе это отметить, чтобы показать, что показания Черепанова не соответствуют действительности. Я должен сказать, что эти арестованные в количестве 60-70 человек были перевезены в училище за городом, Оренбургское училище помимо сведения кого нибудь из совета министров. Они были перевезены в этот период, когда положение на внутреннем фронте в Иркутске стало угрожающим, когда по-

встанцы перешли реку разграничивающую районы действий, повстанцы от самого города и только в этот период, когда полагали, что придется отступать, перевели этих арестованных в училище. Когда фронт остановился и был в том же положении, как в первые дни, мне пришлось быть в училище и я удостоверился, что арестованные находятся в целости, в помещении вполне удовлетворительном и получают пищу наравне с учениками. Таким образом я счел, что положение арестованных не внушает подозрений, так как я заговорил об арестованных, то позволю себе продолжать показания об этих арестованных. У меня не было никаких сомнений в их сохранности и невредимости и это продолжалось до 3 января, когда я, ведя переговоры с союзниками о заключении перемирия на 24 часа с повстанцами, переехал обратно на ту сторону и на заседании совета министров, где должен был обсуждаться вопрос о перемирии и условиях соглашения, было заявлено мне, что имеются сведения, будто Скипетров требует вывоза арестованных. У меня в деле это я видел уже на пути по железной дороге, имеется телеграмма Скипетрова или Семенченкова с требованием немедленно передать им арестованных. Как только я узнал в совете министров, я вызвал к себе Черепанова и спросил его, действительно ли имеется такое распоряжение. Он мне заявил, что распоряжение уже сделано, что отобрано 13 человек, которые должны быть в первую голову отправлены в распоряжение Скипетрова. Мною было заявлено, что я сейчас вызову Сычева и буду с ним говорить, поэтому прошу его не исполнять. Я обратился к военному министру с просьбой командировать кого нибудь к Сычеву, чтобы он пришел в Модерн и здесь, в присутствии моем и военного министра он заявил, что он такое распоряжение получил, но после моего требования, к которому присоединился и военный министр, он заявил, что распоряжение будет отменено и тут же отменил это распоряжение Черепанова. Таким образом я считал, что вопрос ликвидирован и арестованные никуда отправляться не будут. Через несколько часов я получил от Черепанова сведения, что вторично послано требование уже не в форме телеграммы или распоряжения, а в форме подвод и конвойных, чтобы увезти арестованных. Я подчеркиваю, это было 3 января. Я опять обратился с просьбой по-

слать за Сычевым. Сычев прибыл и подтвердил, что посланы подводы с конвойными. Но по моему и военного министра настойчивому требованию согласился не исполнять и дал мне слово, что он арестованных из Иркутска никуда не вывезет. С этим положением вещей я находился уже 4 января до выезда на тот берег для продолжения переговоров. Таким образом, пока я был на территории Иркутска, арестованные находились на месте. И я был заверен честным словом Сычева, что арестованные никуда не будут вывезены. Таким образом о том, что арестованные были вывезены уже после, для меня сделалось известным 4/I вечером, т.е. через час или 2-3 после того, как их фактически увезли, а увезли их 4-но в тот момент, когда мы вели переговоры. Увез их Сычев вместе с той группой, которая удрала из Иркутска. В этот период, когда мы вели еще переговоры с представителями политического центра, был вызван из японской миссии Ларионов и ему русские представители японской миссии заявили, что по имеющимся сведениям Сычев вместе с группой офицеров бежал из Семеновского отряда, захватив с собою арестованных. Ларионов, как он мне заявил, сделал распоряжение сейчас же по телеграфу, чтобы арестованные были возвращены, а затем была подписана телеграмма, а которой я говорил, которая была передана при посредстве чешского командования Сипайлову и Сычеву. Таким образом все, что могли гражданские власти сделать, они сделали и я полагаю, что никаких оснований для того, чтобы связывать имя тех людей, которым пришлось в это тяжелое время принять на себя бремя власти, связывать с тем преступлением, которое совершено с арестованными, я считаю, что по моему глубокому убеждению,- нет никаких оснований.

Я заканчиваю вопрос об арестованных, как один из эпизодов, особенно сильно задевающих в данном процессе меня. Я позволю себе перейти к изложению фактов, которые имели место в период ведения переговоров. Я должен сказать, что мною принимались все меря к тому, чтобы через посредство союзного командования добиться возможности вести переговоры с повстанцами о передаче власти. На приглашение мое союзного командования, чтобы вести переговоры, я получил уведомление, что оно к сожалению приехать не может, но может принять представителей правительства. Тогда 2/I я выяснив у Сычева, какие имеются виды у военных властей. Он мне заявил, что им получено распоря-

жение во что бы то ни стало держаться и додавить возстание, но тем не менее считал более целесообразным вступить ~~ихухних~~ в переговоры с политическим центром, так как он заявил, что продержаться несколько дней он может, но это совершенно безцельное кровопролитие, которое могло быть прекращено путем переговоров и заявил согласие на то, чтобы эти переговоры были продолжены. Для того, чтобы заставить их принять на себя ответственность в этих переговорах, я настаивал на том, чтобы эти переговоры велись не представителями правительства, а представителями военных властей совместно с представителями правительства, а таким образом он, как своего представителя командировал ген. Вагина, который являлся начальником штаба командующего войсками и таким образом на ту сторону с представителями союзного командования и союзной дипломатической миссии переправились мы втроем: я, Ларионов, военный министр и кроме того Вагин, как представитель воинской силы. Здесь я поднял вопрос перед союзным командованием, не возьмет ли союзное командование и дипломатическая миссия выбрать комиссию, которая должна вести переговоры с политическим центром, чтобы выяснить приемлемые условия, принять на себя те условия, которые будут выработаны договаривающимися сторонами. Немного после совещания в отдельном помещении представители союзников сделали заявление, что они не могут принять на себя эту роль посредников, а только в крайнем случае сообщат политическому центру о желании вести переговоры. После дальнейших переговоров они в конце концов согласились передать политическому центру и взять посредничество о заключении перемирия на 24 часа, с тем, чтобы в течение этих 24 часов выработаны были условия окончательной передачи власти. Таким образом уже ночью около 2 часов ночи с 2 на 3/I в политический центр находившийся в помещении штаба на той стороне явились представители союзников и здесь было подписано перемирие на 24 часа, устанавливающее что то, положение фронта, которое в данное время имелось, должно быть фиксировано и никаких перемещений или передвижений с одной стороны ни с другой стороны производиться не должно и через 24 часа должно быть установлено соглашение. Таким образом утром,- ночью мы пересматривали условия, а утром я должен был отправиться на ту сторону для того, чтобы созвать совет министров и окон-

чательно установить приемлимость тех или други условий. Оставив Ларионова и Вагина для ведения переговоров предварительно с тем, что они должны будут сообщить о результатах и условиях, выдвинутых политическим центром. Таким образом на заседании 3/I мною был поставлен вопрос принципиально, так-как мы начали переговоры без одобрения совета министров, то я поставил вопрос принципиально о желательности этих переговоров. Совет министров присоединился и таким образом были одобрены переговоры и тут-же была отправлена телеграмма Верховному Правителю о необходимости отказаться от своих прав, причем я позволю себе указать, что эта телеграмма совершенно не имеет в себе слова "умоляю", а имеет определенное слово "настаиваем" на необходимости, а не умоляем, как это сказано было в обвинительном акте и здесь говорилось. Таким образом я должен отметить, что здесь не выражалось какой нибудь мольбы или просьбы, а было пред"явлено очень определенное настоятельное выражение к бывшему Верховному Правителю о необходимости произвести этот шаг. Затем, в течение всего этого дня Ларионов вел переговоры вместе с Вагиным и с представителями политического центра, причем ни до чего определенного не договорились, а только немного определили вопросы и согласились на продление еще на I2 часов перемирия, до I2 час. 4/I и ночью только с 3 на 4 по телеграмме Ларионова мне сообщили, что достигнуто соглашение о продлении на I2 час. и общие условия намеченные политическим центром относительно которых многие являются совершенно приемлемыми, а некоторые вызывают возражения.. Таким образом на другой день 4/I после того, как в совете министров вновь обсуждались более подробно по докладу Ларионова условия, которые были пред"явлены политическим центром совету министров, заявлено согласие на принятие этих условий и таким образом в той части, которая была выслушана в совете министров по тем данным, которые были сообщены Ларионовым, я Ларионов и еще несколько лиц отправились на ту сторону, чтобы вести дальнейшие переговоры, причем я позволю себе отметить, что эти переговоры начались около 3 часов дня, причем приехав на реку, мы ~~хиндели~~ узнали, что чешский паро-

ход на котором мы должны были уехать, не пойдет, а другой оказался с поврежденным винтом и также пойти не мог. Таким образом пришлось принимать меры, чтобы дать возможность другому пароходу, который находится в распоряжении японцев, двинуться и таким образом мы приехали на ту сторону, около 5-ти часов и около 6-ти часов в русскую миссию, где находились представители политического центра и с 6-ти часов начались наши переговоры, причем в этих переговорах уже было достигнуто соглашение по трем пунктам. Первым пунктом был отказ адмирала Колчака от власти верховного правителя и прекращение действий всероссийского правительства на территории Сибири, причем вторым пунктом являлась передача власти тому земскому собранию, которое должен был созвать политический центр, т.е. политический центр брал на себя обязательство созыва земского собрания, к которому переходила власть на территории Сибири, причем эти два пункта были согласованы таким образом, что сначала политический центр настаивал на передаче власти непосредственно политическому, а потом встал на точку зрения необходимости отказа Колчака с передачей прав Деникину, но в конечном итоге мы согласились и оба пункта перерешили в том смысле, что без всякого отказа должна состояться только передача власти политическому центру. Затем обсуждался третий пункт и мы должны сказать, что то, что формулировано здесь заключением не совсем соответствует действительности. В переговорах с союзниками мы заявляли, что то, что является достоянием союзников, как таковое, должно быть принято союзным командованием под общую их ответственность для сохранения до передачи всероссийской власти, причем командование со своей стороны заявило, что оно считает необходимым такое участие в охране, как средство допустить присутствие разных, как они выражались, политических партий, так что они имели в виду создать эту власть на территории Сибири, не с тем, чтобы золото это осталось в распоряжении союзного командования, а было собственностью всероссийской власти. Вот в каком смысле состоялось соглашение о золоте и ни о какой передаче союзникам этого золота не было и речи в этом соглашении. Соглашение было принято союзным командованием и политическим центром, который после этого не возражал. Затем переговоры относительно возврата того небольшого количества золота, которое

застряло у Семенова во Владивостоке. По-видимому политический центр признал возможным принять вопрос относительно этого золота не в качестве вопроса о соглашении, ибо мы, министры дать его не могли, как власть уходящая, устранающаяся и политический центр признал целесообразным взять разрешение этого вопроса исключительно на себя. Мы стали подходить к дальнейшим вопросам, к вопросу о гарантии тех или других представителей власти, министров, отдельных лиц, когда произошел инцидент такого рода. Прежде всего был вызван Ларионов к телефону, где ему было сообщено, что Сычев вместе с группой офицеров и Семеновскими войсками бежал. В то же время представитель союзного командования дал знать избирательной комиссии, которая обсуждала вопрос о передаче власти, что Сычев с группой офицеров и семеновскими войсками бежали из пределов Иркутска по направлению к Патронной, причем попытались уходя, вывести тот небольшой золотой запас, который находился в иркутском отделении государственного банка, увезти другие ценности и кроме того, уехав, они увезли с собою тех арестованных, которые были впоследствии замучены на озере. После этого прекратились временные переговоры и мы в полной уверенности, что политический центр выяснит обстановку, нами было поручено Ларионову выяснить обстановку в городе, причем оказалось, что Ларионову было сообщено, что Сычев убежал, оставив после себя заместителя ген. Потапова и Ларионов заявил, ввиду того, что переговоры ведутся, он настаивает, чтобы никаких арестов и военных действий Потапов не предпринимал. Обстановка около 9-ти часов вечера показала, что никаких боевых действий не было предпринято и занятие Иркутска повстанцами произошло без всяких боевых действий. При занятии гостиницы Модерн, также не было ни одного выстрела.

Вот при каких условиях начались и как кончились эти переговоры. Затем мы ожидали представителей правительства на той стороне, причем до часу ночи полагали, что представители политического центра вернутся, чтобы закончить переговоры и придти к полному разрешению вопроса, который уже был намечен и почти предрешен. Таким образом мы просидели, но представители политического центра не явились. На другой день утром, переночевав там на станции, мы послали к

представителю на станции политического центра, чтобы он выяснил, имеются ли на той стороне представители политического центра или переговоры прерваны. Он нам определенного ответа не смог дать и заявил, что политический центр весь переехал с этой стороны и находится в городе. Тогда заручившись разрешением переехать на ту сторону, я переехал в город и первое что я сделал, я явился в политический центр в помещение русско-азиатского банка, но никого в помещении не застал. Я отправился в Модерн. Меня не пустили, заявив, что Модерн оцеплен и занят. Проходя по улице я заметил, что вывешены об"явления об аресте некоторых членов правительства, некоторых старших служащих и военных. Я отправился в губернскую земскую управу в расчете найти председателя, чтобы окончательно выяснить положение, при-чем его не застал, а затем написал ему письмо о том, что я в 12 час. дня 6-го января явлюсь к нему и прошу его предупредить политический центр, чтобы он не считал, что я стремлюсь исчезнуть или уехать и явлюсь в 12 час. в распоряжение политического центра. Так мною и было сделано. На следующий день я явился в губернской земской управе меня подвергли аресту и с тех пор я нахожусь в тюрьме. Таким образом я устанавливаю, что я не делал никакой попытки к бегству, шел совершенно сознательно на ту ответственность, которая мне предстояла и предстоит и никаких мер, чтобы избегнуть ответственности не принимал.

Закончено 9.25.

260 Д

VII

мая 1920 г.

25 - 10-25.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ /продолжает/ ..... не принимал.

Я хотел сказать еще несколько слов по специальному вопросу, именно по вопросу об этом злосчастном документе. Я вторично удостоверяю перед Трибуналом о том, что я, уезжая с юга в Сибирь, принял на себя исключительно политические полномочия и ни в какие военные дела и военные тайны не посвещался и поэтому я утверждаю, что этот документ у меня быть не мог, что он попасть ко мне случайно при перепытывании документов, потому что я утверждаю, что мои документы, относящиеся к Национальному центру, находились в номере 21 в отдельном портфеле, а не в той папке, в которой был представлен здесь документ. Эта папка по своим размерам несомненно больше чем тот портфель, в котором находились мои документы и поэтому я убежден в том, что в этой папке были совмещены и мои документы и какие то другие документы. Я говорил, что в этом № 21 хранилась пачка документов, планов, карт и книг, принадлежащих Пепеляеву. Я был уверен, что этот документ у меня быть не мог и поэтому единственное предположение, которое я могу строить, это думать, что этот документ попал в эту папку только случайно из документов, принадлежащих не мне, а принадлежащих Пепеляеву. Кроме того я позволю себе обратить внимание, что вчера было прочитано письмо, в котором имеются указания на военные сведения, что это письмо было направлено из Киева в Екатеринодар и по содержанию вероятно гражданин Председатель обратил внимание, что здесь идет речь о событиях на территории Украйны и о том, что на Украйне в это время велась борьба между петлюровскими войсками и гетманом Скоропадским и еще с целым рядом других организаций, а сводка об этом вопросе и являлась тем содержанием, которое нужно отнести к понятию.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Текст подлинный и это Московские военные сведения.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Насколько я помню, я считал, что все эти сведения относятся только к Киевским и Украинским событиям, и если бы это и было бы иначе, то я являюсь в данном случае вовсе не лицом, которому направлялись эти сведения, а лицом, которому они направляли для того, чтобы передать военному штабу. Но я очень сомневаюсь.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. /Оглашает выдержки из письма/. Это сведения из Москвы.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. "Вам", - это не значит мне лично, а в Екатеринодар, потому что я в военные операции не был посвещаем по соображениям, которые для меня совершенно ясны. Таким образом я вторично настаиваю в том, что этот документ у меня быть не мог и никакой ответственности на меня, я бы считал справедливым, не налагать, потому что я по характеру своей деятельности в военные сферы не вмешивался. Так например по приезде сюда, я ни с кем из военных не виделся, потому что была специальная военная миссия, я же занимался исключительно политическими задачами, причем и в данном случае, как Вы вероятно обратили внимание, все эти документы сохранились у меня - они не были использованы, потому что те настроения, которые здесь имелись, сразу меня перевели в положение оппозиционное к правительству и я ни в какие соглашения не входил и никаких разговоров об организации Национального Центра или о работах Национального Центра мне не пришлось вести. Я только принимал участие в обсуждении вопроса внутреннего управления и выяснял точку зрения Национального Центра на вопросы внутреннего управления.

Я должен сказать, что вообще здесь на территории Сибири Национального Центра или отделения Национального Центра, как такового, не существовало и деятельности Национального Центра здесь совершенно не имелось. Об этом могут свидетельствовать те, которым пришлось здесь жить во время пребывания здесь моего и Волкова, за исключением Пепеляева, который мог иметь сношения помимо нас.

Вот те соображения, которые мне хотелось дать в качестве общих соображений. Теперь я позволю себе еще очень кратко остановиться на вопросах, которые проведены по всему тексту обвинительного акта, относящегося ко мне. Если Вы разрешите, гражданин председатель.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не хотел останавливать Вас, но Ваше об"яснение имеет сходство с последним словом, которое является ничем иным, как защитой против обвинения. Об"яснение во всяком случае не должно носить такого характера, оно должно выяснить целый ряд конкретных фактов, выяснить истинную природу и осветить действительную точку зрения.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ. Я извиняюсь, если это так вышло, я к этому не стремился. Я хотел изложить факты и если это вышло самозащитой, то я просил

бы отнести к особенностям натуры, а не к желанию высказать защитительную речь. Субъективность в данном случае является результатот некоторой нервности, которая присуща всегда людям, когда они находятся в моем положении. Если разрешите, то по этим пунктам я хотел показать, что реакционных монархических идей во мне не существовало и вся моя предыдущая и последующая деятельность никогда и ни при каких условиях не проявлялась в смысле настроения реакционно-монархического. Я думаю, что это сказалось и в моей деятельности по Государственному Экономическому Совещанию и в том, что я был одним из участников по разработке программы демократического союза, который во всяком случае никоим образом не мог быть приравнен к настроениям реакционно-монархическим. Так что я считаю и в этой части я хотел бы указать на то, что во мне таких тенденций и таких идей совершенно не имеется.

Здесь имеется обвинение в том, что я стремился оттянуть переговоры. Об"ективное изложение фактов так, как я понимал и представляет может быть сообщение тех иди других ошибок, на безгрешность я не претендую, возможно, что я ошибался в тех или других обстоятельствах, но определенной цели затянуть переговоры не могло быть и было бы бессмысленно, потому что в конце концов затягивание переговоров оказалось вредным исключительно нам, потому что эти переговоры окончились так, как они кончились и мы являемся лицами несущими ответственность.

Затем здесь приводится соображение о том, что нам, обвиняемым, удалось перебросить значительные силы Сычевских банд. Я должен констатировать, что на Восток каких либо частей из Иркутского гарнизона не уходило. Ушли да и то при обстановке Вам понятной, при обстановке бегства, ушли группы военных, которым способствовать мы бы во всяком случае не имели никаких оснований, потому что тем, что они убежали, они нас поставили под удар и таким образом было бы странно предполагать, что мы способствовали тому, чтобы Сычев и те, кто были с ним, ушли. Я полагаю, что это было сделано ими в нарушение всяких основ порядочности и сознания своего долга по отношению к тем, с кем им пришлось вместе быть.

Обстоятельства относительно золота я старался выяснить так, как мог, поэтому я думаю, что и по отношению к золоту тот обвинительный акт, который здесь имеется, не совсем правильно улавливает истинные

настроения и истинные желания, которые имелись при разрешении вопроса об охране золота.

Что касается вопроса о пропуске на Восток отдельных лиц и в том числе адмирала Колчака в качестве частного лица и отдельных представителей власти, с которыми так или иначе нам пришлось сотрудничать, являлось нашим долгом и с точки зрения морали мы были бы в высшей степени обвиняемы здесь в аморальности, если бы мы предали тех с которыми нам пришлось сотрудничать. Поэтому я думаю, что эти действия вызывались соображениями исключительно этого порядка.

На этом я, гражданин председатель, заканчиваю мои об"яснения и если я в чем нибудь не смог вполне исчерпать материал, то я извиняюсь перед Трибуналом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде чем дать слово следующему обвиняемому, я еще раз заявляю, что об"яснения, которые будут клониться к опровержению обвинительного акта, мною допускаться не будут. Сейчас в об"яснениях должны быть установлены или опровергнуты факты судебного следствия, прошедшего перед лицом Революционного Трибунала без всяких формулировок этих фактов с целью разрушить обвинение,- для этого будет дано последнее слово подсудимым и будет дано слово защите. Слово принадлежит обвиняемому Шумиловскому.

ШУМИЛОВСКИЙ. Я очень часто выступал в эти дни перед Революционным Трибуналом, отвечая на вопросы обвинителя и поэтому мне не удалось осветить некоторые стороны своей деятельности. Поэтому я не буду повторяться и перейду только к тем вопросам, которые в этом процессе были менее освещены. Я, как это может засвидетельствовать Революционный Трибунал, не становлюсь на путь запирательства и не усваиваю себе метод прятания за чужие спины. Я откровенно определил об"ем и размер своей политической работы. В настоящее время я хотел бы обратить внимание главным образом на характер моей деятельности, как Министра Труда, потому что и эта моя деятельность подвергалась определенному обвинению со стороны представителя обвинения.

Я по своей природе и по своей врожденным склонностям человек мало политический, я более склонен к частной жизни и мои преобладающие склонности и способности влекли меня не к политической работе,

а к работе чисто культурной. И вот, как культурник я тяготел всегда к педагогической работе и целый ряд лет работал в средних учебных заведениях, покуда распоряжением администрации не удалался из того или другого учреждения. Я думаю, что эта моя педагогическая работа часто прерываемая административным вмешательством, дала определенные плоды. Эта же склонность к культурной работе заставила меня после двукратного удаления со службы поступить в Педагогическую Академию в Петербурге и в результате тамошней работы, тоже прерванной высылкой из Петербурга, появился ряд моих учебников, из которых некоторые вышли двумя изданиями. Эти учебники направлены к развитию способностей письменной речи в двух частях, страниц в 500 и составлен по новому методу совершенно своеобразно курс правописания по методу Лая, германского педагога. Дальнейшая мечта моей жизни на три четверти уже осуществленая, состояла в издании Сибирской хрестоматии, посредством которой подрастающая молодежь знакомилась с Сибирской природой и Сибирской жизнью и через это приобщалась чувству красоты и высокой человечности. Вот куда влекли мои преобладающие склонности и способности.

Тут я кстати отвечу на тот намек, который был брошен председателем обвинения, будто одним из мотивов моего участия в правительстве была возможность получать 2.000-ый оклад жалования. Могу уверить представителя обвинения и Революционный Трибунал, что от своего участия в правительстве я реально только потерял. Мой курс правописания предложено было мне переиздать Алтайским культурно-просветительным союзом. Представители Самары предлагали заказать 100.000 экземпляров этого курса. Относительно издания еще незаконченной моей Сибирской хрестоматии я должен сказать, что я ее мог бы закончить за это время, со мной входили в сношения союз Сибирских земских городов, и таким образом, гонорар за это издание мог конечно меня обезпечить не меньше, чем министерское жалование, тем более, что работников было мало, в любом кооперативе мне были открыты двери и такие предложения я определенно получал. Тем не менее несмотря на свои природные склонности я всю свою жизнь провел в политической деятельности,- это злая шутка, которую часто играет судь-

ба над русским интиллегентом, я - аполитичный человек, я - культурник, принимаю участие в выборах в государственную думу и два раза состою выборщиком в наиболее тяжелые времена реакции в 1907 и 1912 г.г. и не попадаю в думу только благодаря тому, что администрация путем раз"яснения загораживает мне путь. Я, который с большим удовольствием сидел за учительским столом и поучал молодежь с учительской кафедры, становлюсь журналистом и редактирую "Жизнь Алтая", затем попадаю на Румынский фронт, где работаю в комитете Румынской армии. После того, как я вернулся ф фронта, я редактирую "Алтайский Луч", я принимаю приглашение выставить свою кандидатуру от гор. Барнаула в Учредительное собрание, причем меня выдвигали представители девяти партий и список от партии меньшевиков.

Вот в таком противоречии прошла вся моя жизнь: политическая работа вклинилась в педагогическую работу, политическая работа тормозила педагогическую. Я бы мог применить к своему положению стих поэта "Мне борьба мешала быть поэтом, песни мне мешали быть борцом," но так или иначе, я этой политической работой, или революционной, или оппозиционной, занимался. И вот после двадцати лет такой работы я вхожу в состав правительства, участие в котором заставило меня сидеть на скамье подсудимых и ожидать сурового приговора.

Я должен конечно об"яснить этот скачек от прежней деятельности к бунту, как характеризует мое участие представитель обвинения. Я не стремился к власти и когда Западно-Сибирский Комиссариат предложил мне пост комиссара Труда Западной Сибири, я ответил неоновначально отказом и в этом духе Барнаульским комиссариатом, по моему поручению была дана телеграмма. Но тогда я был вызван к прямому проводу и меня долго уговаривали принять эту должность, потому что события носят тревожный характер и тому, что носит название социалистических завоеваний революции, со всех сторон грозит опасность, и если я, а других кандидатов не имелось,- не приду и не возьму этой должности, то я этим отказом буду способствовать победе правых течений. После долгих колебаний я принял это предложение с тем, чтобы нести в ведомстве главным образом определенную работу. Я в

своих прежних показаниях это подтверждаю и снова говорю, что мой преобладающий интерес был интерес работы ведомственной.

После Комиссариата я оставался во всех последующих правительствах и мотив был тот же самый, чем дальше, тем больше выяснялись опасности справа и тем откровеннее говорили и выступали враги рабочего класса и те, кто не хотели ничего слышать даже о самой идее государственной охраны труда. И как ни скромна была по необходимости деятельность министерства труда, все таки и она и в прессе и в других местах вызвала целый ряд осуждений. Таковы были статьи и заметки, помещаемые в "Сибирской Речи" органе Жардецкого, таковы были статьи очень обширные и очень агрессивные, которые писал один из Томских профессоров в Ново-Николаевской газете. Во Владивостоке была напечатана статья, носящая характерное для газеты название: "Революционное Министерство". Даже официальный орган "Вестник Министерства Финансов" и тот поместил краткую заметку, которая утверждала, что министерство труда стоит на неверном пути и что нужно заставить его изменить свою политику, так-как министерство труда преследует не интересы государства, а занято односторонней охраной интересов рабочих. Я привел только часть этих зловещих симптомов. Такими впечатлениями была полна окружающая жизнь. Стремление провести через трудное время самую идею государственного обеспечения рабочих, самую идею министерства труда и обязательство государственной власти позаботиться о пролетариате и заставило меня оставаться при всех последующих переменах власти, при переменах лиц и при переменах курса. Это было моей основной задачей, других целей я никогда не имел.

Несмотря на попытки представителями обвинения я все-таки утверждаю, что никогда ни с кем я не сливался, ни в какую группировку я не входил, никаких комплотов я не делал и сам представитель обвинения, желая парализовать мое заявление, что я являюсь одиночной и что у меня было очень немного друзей, мог против этого привести только один факт, что я на официальном снимке фотографом был посажен между Бутовым и Иваном Михайловым, тем самым, которому я очень редко подавал руку, с которым у нас все время были чрезвычайно натянутые отношения.

Позвольте мне теперь охарактеризовать ту работу, а не только те намерения о которых я говорил. Эта работа распадается с одной стороны на работу законодательную, с другой стороны на организационно-распорядительную, я затрудняюсь подыскать ей более точное название. Я ограничусь более или менее беглым перечнем и не буду утомлять внимание Революционного Трибунала и всех тех, кто присутствует на этом процессе, потому что я говорю с аудиторией, которая знакома с этим предметом и с полу-слова будет меня понимать.

Одним из первых законов проведенных мною, это был закон о Биржах Труда, задача которых состоит в борьбе с безработицей. Этот закон от 14 ноября, который напечатан в Сборнике, в конце концов наполовину не мой закон: мой законопроект подвергся сильному искажению, но я все таки не отказался от него, потому что сохранена была одна важная часть этого законопроекта, именно то, что все Биржи труда берутся на попечение государства и все содержания служащих покрываются из государственных средств. Таким образом борьбы с безработицей, возможность найти себе работу в затруднительных обстоятельствах, была обезпечена во многих пунктах.

Следующий крупный закон - это закон 8 января 1919 года о больничных кассах. И опять таки, когда я проводил этот закон, то мне пришлось встретиться со многими затруднениями: одни затруднения шли извне, со стороны тех кругов, которые не хотели нести никаких жертв в пользу рабочего класса, другие затруднения шли со стороны отдельных членов совета министров. У меня по первоначальному проекту был широкий охват страхуемых, страховались не только рабочие, но и служащие городских, земских и правительственных учреждений. Совет Министров этого не одобрил и страхование стало распространяться только на одних рабочих, занятых в чисто промышленных предприятиях. Извне отношение было еще более резко, прямо враждебное, и так часто упоминаемый здесь Жардецкий уже позднее никак не мог примириться с самим существованием этого закона и советы больничных касс он называл "совдепами", в его статьях это выражение достаточно характерно. Этот закон был принят и больничные кассы получили известную почву, известный фундамент. Сеть их была расширена, постановка дела была улучшена,

в тех по крайней мере случаях, когда к этому представлялась возможность. И когда они или обладали достаточным контингентом собственных работников или когда имели возможность быть инструктируемы моими сотрудниками по министерству. Подвергались эти кассы известным гонениям со стороны военных властей и мне неоднократно приходилось вступаться за их интересы. Когда наши войска наступали на Урал, то в Перми у окружной больничной кассы было конфисковано 2.500.000 руб., у Уральской кассы было конфисковано около I.500.000 руб., в Тагильской окружной кассе было конфисковано 800.000 руб. Когда мне эти факты стали известны, я сделал доклад Верховному Правителю и добился определенного категорического приказа, чтобы все эти суммы до последней копейки были возвращены больничным кассам и этот возврат фактически и состоялся.

Я придаю конечно больничным кассам чрезвычайно большое значение и если бы только сохранились они одни, то я знаю, что все-таки мое пребывание в министерстве уже этим самым исторически оправдано. Оправдано оно тем, что благодаря этим больничным кассам сохранены быть может тысячи жизней. В то время когда страна переживала экономическую разруху, когда санитарная часть была совершенно уничтожена, когда трудно было достать самые необходимые предметы для лечения, в это время больничные кассы работали, обезпечивая нуждающихся всеми этими предметами и выдавали заболевшим пособия. И я думаю, что потом когда минует острота борьбы, многие, вспоминая пережитое лихолетие, быть может за спасенные жизни их и их детей, вспомнят меня добрым словом.

Я уже говорил о том, что закон о больничных кассах был в значительной мере урезан в совете министров. Я внес новый закон: если нельзя ввести принудительного обязательного страхования, то может быть к этому вопросу можно подойти путем добровольного соглашения. Основываясь на практике, которая начала уже в Сибири развиваться, я выработал законопроект относительно добровольного страхования городских и земских служащих. Законопроект был принят в Междуведомственном совещании, но погиб в недрах Гос.Эк.Сов. Закон 9 января дал некоторое обеспечение рабочим и служащим при растрр-

жении договора найма, раньше таких обезпечений в этой области не было. Примирительные камеры в которых разрешались и предупреждались многие конфликты и столкновения нашли с моей стороны поддержку, пока действовал старый закон, но уже в министерстве разрабатывались новые законопроекты, а временно действовало прежнее положение. Я пришел на помощь примирительным камерам - правда в небольшой степени, ассигнованием им известных сумм на содержание членов этих камер.

Мы вместе с Гудковым издали циркуляр относительно сохранения 8-ми часового рабочего дня и 8-ми часовой рабочий день фактически в пределах Сибири не нарушался, но так-как это великое завоевание необходимо было закрепить также законодательным путем, то опять таки министерством труда был выработан определенный и обширный законпрпроект, который тоже прошел все ведомственные инстанции, но задержался Гос.Эк.Сов. Но повторяю, на практике действовали прежние распоряжения, изданные мною вместе с Гудковым и 8-ми часовой рабочий день сохранялся. Также подробно был разработан законопроект относительно инспекции труда и коллективных органов, которые должны были действовать при этой инспекции. Этот закон не успел также получить движение, отчасти благодаря тем противодействиям, которые встречались со стороны представителей ведомств, отчасти за недостатком времени. Только в последнее время я заручился обязательством перед советом министров, что эти законопроекты о 8-ми часовом рабочем дне и об инспекции труда будут проведены уже непосредственно советом министров, минуя все другие инстанции.

Следующий разряд моих работ - это работы организационного характера и по текущей деятельности. Тут между прочим указывалось на денационализацию. Мне тоже в этой денационализации пришлось играть известную роль, но роль определенную. Я не буду утомлять внимание Революционного Трибунала перечислением всех второстепенных деталей и всевозможных фактов, я укажу на наиболее характерные явления, которые могут рисовать мою деятельность и ея направление. Как только были денационализированы предприятия, сейчас же со стороны промышленников появилось стремление разделаться со всеми обязательствами, которые лежали на них по отношению к рабочим. Эти попытки были сделаны

например с очень большими предприятиями, с копями, где масса рабочих должна была быть выкинута в голодную пустыню и степь. Мы послали туда правительственную организацию, которая приняла на себя управление копями и принудила владельцев копей уплатить рабочим 500.000 р. Как они не ссылались на то, что все эти рабочие - большевики, что они ничего не делают и что никакого вознаграждения им не следует давать, все-таки мы этот долг заставили их заплатить и эти 500.000 р. были рабочим выданы.

Много внимания обращалось мною на то, чтобы так или иначе обеспечить промышленные предприятия снабжением и тут опять таки приходилось часто сталкиваться с чрезвычайными затруднениями и с прямым противодействием. Рабочие Келлеровских рудников получали никуда негодный хлеб с полынью, они начали волноваться, стали заявлять протесты и этими протестами хотели воспользоваться опять-таки с той целью, чтобы изобразить их действия, как стремление к бунту. Я собрал все необходимые сведения, опять таки сделал доклад Колчаку, повторил этот доклад несколько раз и в конце концов добился того, что под угрозой отобрания копей в казну рабочие были снабжены доброкачественными пищевыми материалами.

Мною был созван очень обширный с"езд железнодорожных кооперативов. Явились представители почти от всех железных дорог Сибири, Урала и Поволжья. С"езд этот был в ноябре месяце 1918 г. Занятия этого с"езда прошли чрезвычайно деловито и в результате я вошел с представлением в совет министров об ассигновании 20.000.000 руб. на продовольственные нужды ж.д. кооперативных организаций. Это ходатайство было удовлетворено, потом дело было передано в министерство путей сообщения, непосредственно ведавшее ж.д. и эта ссуда была потом еще значительно увеличена. Многие промышленные предприятия Урала снабжались из интендантских складов и я сам составлял проект приказа верховного правителя, который приказал рабочим железнодорожным и каменноугольных копей выдавать пайки из интендантских складов.

Перехожу к вопросу о заработной плате. Везде по моему указанию работали инспектора труда, везде создавались комиссии из представителей рабочих и предпринимателей, иногда под отдельным видом промышлен-

ности, иногда по типу заводских совещаний и там разрабатывались тарифы и ставки. Наиболее подробно, наиболее полно эти ставки были разработаны в гор. Барнауле и в результате этой работы министерства и в особенности инспекторов труда, на которых пала вся живая длительная работа, стал замечаться и оцесс, который был чрезвычайно знаменательный для переживаемой эпохи: за всю революцию заработная плата неудержимо стремилась книзу, по моим же обследованиям, касающимся трех наиболее характерных категорий труда-чернорабочих, плотников и слесарей с сентября месяца 1919 г. реальная величина заработной платы стала возрастать. Тогда, когда нельзя было добиться соглашения, я старался по крайней мере действовать принудительным государственным вмешательством. Наиболее крупные конфликты в этом отношении разыгрались в Восточной Сибири в Бодайбинском районе: там тратились миллионы рублей, на оборудование новых электрических станций, но не находилось достаточно средств для того, чтобы увеличить заработную плату рабочих и когда определенное предложение с моей стороны не достигло цели, я обратился к другим ведомствам и вместе с ними мы заставили Ленские золотопромышленное общество увеличить заработную плату. Такой же характер носило вмешательство министерства, отчасти при мне, покуда я был в Омске, отчасти в моем отсутствии, когда я ездил в отпуск и когда министерством управлял мой товарищ Василевский, когда произошел большой чрезвычайно крупный и чреватый опасностями конфликт, который разыгрался во Владивостоке, где требования об увеличении заработной платы и улучшения условий труда пред"явил союз моряков, а во Владивостоке действовал Розанов и, несмотря на то, что Розанов все время твердил о том, что самый конфликт возник только благодаря местному инспектору труда, которого поддерживает министерство, все-таки мы этот конфликт разрешили и требования союза моряков были удовлетворены.

Я не буду утомлять внимание Революционного Трибунала перечислением других фактов, перейду к следующей категории явлений.

Тяжело обстояло дело с профессиональными союзами, многие из них погибли, многие потеряли наиболее видных, наиболее энергичных и наиболее преданных своих членов. Но это была вина кого угодно, но не того министерства, управлять которым судьба заставила меня. Тут говорилось между прочим о том, что я не прочь был иногда оценить голову пойманного большевика, перевести человеческую жизнь на

определенную сумму денег,- члены профессиональных союзов, которые обращались ко мне за помощью, так не думали и в моем кабинете можно было видеть членов правления и проф. союзов, служащих и рабочих Омского ж.д. союза, закрытого, разогнанного членами которого угрожали аресты и они ко мне не боялись приходить, зная, что я их головы не расцениваю. Мне удалось парализовать с большими правда усилиями нанести и решающий окончательный удар этим профес. союзам. Вокруг Колчака тоже действовала какая то камарилья. Он тоже был окружен стеной шептунов. И вот во время одного из моих докладов, он совершенно неожиданно мне заявляет, что он закроет все профес. союзы Сибири, уничтожит их органы, журнал "Наш Путь" и над всем этим делом поставит крест. Я ответил на это решительным протестом и заявил ему, что закон 12 апреля 1917 г. такого отношения не допускает. Я добился в конце-концов того, что эта мера быть может предпринятая под влиянием возбуждения, внушенного окружающими, не была приведена в исполнение и даже редактор злополучного "Нашего Пути" не был арестован и предан суду. Но все таки повторяю, профессиональным союзам несомненно жилось тяжело и для того, чтобы дать возможность хоть в некоторых областях проявить свою деятельность рабочему классу я возстановил фактически умершие фабрично-заводские комитеты, на которые смотрели отрицательно, подозрительно, как на наследство, оставшееся от большевиков.

Я издал определенный циркуляр и во многих местах эти фабрично-заводские комитеты, не удовлетворяющие конечно требованиям момента, были возстановлены. Я приложил также усилия к тому, чтобы разрешены были с"езды проф. союзов. Об этом опять таки имеются определенные факты, которые занесены в документы хранящиеся в министерстве труда и которые напечатаны в органах текущей прессы.

С самого начала проф. союзы Сибири просили у меня разрешения о конференции, в этом им было правительством отказано. Я продолжал на этом настаивать и в конце-концов добился того, что им дано разрешение на с"езд. Был назначен даже срок, сначала 15 июня, потом I октября и не моя вина, если фактически этот с"езд все-таки не состоялся. На Урале с"езды проф. союзов при моей поддержке состоялись и прошли совершенно благополучно. 15-20 июня 1919 г. состоял-

ся с"езд сначала служащих, потом служащих и рабочих всего Уральского района. Когда мы переехали в Иркутск, я тут добился с"езда проф. союза Забайкальской ж.д. Вот главные факты, которые касаются организационной работы.

Много внимания приходилось уделять отдельным заступничеством за тех лиц, которые подвергались административным гонениям. Я не могу сейчас подтвердить этого фактами, потому что почти ни одного документа из министерства труда сюда в Омск не доставлено, все материалы сданы на хранение в Государственный Иркутский Университет, но говорю не только перед Революционным Трибуналом, я говорю перед страною и всякая моя ложь в том или ином отношении всегда может быть уличена впоследствии. Заступаясь и за отдельных лиц и за коллективы, я опять таки могу только с грустью констатировать, что влияние зла окружающего, влияние военщины, которая безчинствовала кругом, было настолько велико, что из этих моих требований и домогательств только часть и быть может незначительная часть была удовлетворена. Представители здешней больничной кассы могут вспомнить о том, что благодаря министерству труда и его хлопотам перед администрацией был освобожден член правления Титов. Члены Больничной кассы Томской засвидетельствуют о том, что только благодаря министерству труда, было освобождено разгромленное правление, которое было арестовано чехами. В Иркутске благодаря мне была освобождена известная работница проф. союза Забайкальской ж.д. Тараканова, по моему требованию было поднято расследование относительно рабочих, расстрелянных на Амурской ж.д. японцами. Мы тут не упоминали о том, что было маряжено следствие и было командировано отсюда лицо, которое должно было расследовать комнарное событие, произошедшее в г. Петропавловске. когда тыл расстреляли бывш. комиссар труда и его новый заместитель и ряд других лиц. К сожалению оказалось, что все эти зверства были совершены лицами, которые находились вне нашей досягаемости и только поэтому, а не по нежеланию министерства труда, они не понесли должной кары.

Тут между прочим было упомянуто о том, что в составе министерства труда и его национального органа находились лица, которые

раньше состояли в ведомстве юстиции,- это было показание свидетеля или обвиняемого, я уже не знаю, как в данный момент его назвать, и что Фетисов, который занимал в Министетстве Труда определенную должность попал на эту должность из полицейского участка и что он раньше был служащим полиции. Фетисов не в полиции служил, Фетисов был подполковником и находился на военной службе, был представителем родительского комитета при здешнем кадетском корпусе, работал здесь во время власти большевиков и после их ухода, после организации Сибирского Правительства, подвергся чрезвычайным гонениям и я принял его к себе. Те, кто работали в Омске, могут удостоверить, что Фетисов был на большевистской работе в здешнем штабе. И другие служащие, бывшие также на советской службе были изгнанны из других ведомств и нашли себе приют в министерстве труда. В этом отношении я с политической физиономией не считался и своих служащих отстаивал. В частности мне пришлось иметь дело с различного рода телеграммами, которые настойчиво, в секретных бумагах, требовали его немедленного увольнения. Я конечно этого требования не исполнил. Я добивался несколько раз освобождения представителей министерства труда на местах, которые там подвергались безпрерывным гонениям, два раза были арестованы инспектора труда: Шемелев в Барнауле и в Семипалатинске Бу..... Комиссар Бул..... был один из лучших комиссаров на Урале. Я с этим произволом не примирился и я добивался их освобождения. Я сам постоянно указывал на то, что главная наша работа - это сохранение законности, уничтожение того произвола, который царит кругом и об этом я говорил в одном из последних заседаний с бывш. верховным правителем Колчаком, заседании созванном по поводу Земского Совещания. Я не боялся противопоставить созыву Земского Совещания фактическое утверждение законности. Наш главный враг - это произвол и уничтожение этого производа гораздо важнее, чем созыв десятка земских соборов. Если угодно, я хлопотал в качестве министра труда не только за тех лиц, за которых я обязан был хлопотать уже по своей должности. Если можно было я хлопотал и за других лиц и Семипалатинцы может быть вспомнят арестованного капитана Либеева, который был посажен в тюрьму за то, что он отказался от участия в гражданской войне. Он согла-

шался пойти на Германский фронт, но категорически отказался открыть оружие против большевиков. Он был посажен в тюрьму и только благодаря мне он был освобожден, так как я взял его на поруки. Теперь он благополучно живет во Владивостоке.

Вот какой основной характер носила моя деятельность. Вся она вытекала из одной основной предпосылки: я не хотел мести.....

276 ~~26~~ 27

25 - II.25.

ШУМИЛОВСКИЙ. Вот какой основной характер носила моя деятельность. Вся она вытекала из одной основной предпосылки. Я не хотел мести и как я ни был затронут в прежние месяцы, я, принимая власть, всякое чувство досады в себе подавил, прошлого я не вспоминал и, как только в Барнауле произошел переворот и начались разстрелы и аресты, моей первой статьей после вынужденного закрытия "Алтайского Луча", была статья "Не надо мести", где говорилось, что над прошлым надо поставить крест. Этой основной мыслью были проникнуты все мои доклады, составленные для государственного экономического совещания и посвященные выяснению вопроса о положении рабочего класса в Сибири и тех перспектив, которые в этой области перед нами открываются. Я там говорил, что большое государственное дело - охрану трудящихся мы может осуществить только тогда, если мы откажемся от всяких счетов за прошлое, если мы забудем о чувстве мести, к этому взывает не только наше человеческое чувство, к этому вынуждает нас государственный расчет. Я не скрывал, что и в этих докладах я оставался противником большевизма, но я говорил, что с теми большевиками, которые имеются сейчас, нельзя таким путем разделываться, как разделывается большинство. Повторяю, вся моя деятельность, начиная с июня 18 г. никогда не уклонялась в сторону, об этом я уже говорил. Впечатление жизни были иногда чрезвычайно кошмарные и я под влиянием этих переживаний почти падал духом и подавал прошение об отставке. Я не ушел в конце-концов и представитель обвинения ставил мне несколько раз это в вину. Я знал, на что я шел и знал на что я шел, соглашаясь взять предложенную службу в этом ведомстве, и работать в правительстве, но я и сейчас, перед лицом той грозной опасности, которая мне угрожает, все-таки я не скажу определенно, не ошибался ли я что я этого прошения об отставке не довел до конца. Может быть я все-таки имел не малодушие, а мужество остаться на этом посту и выполнять свой долг так-же честно, как выполнял его за все 20 лет предшествующих этой злосчастной эпопее 18-19 г. и меня утешают хоть некоторые факты, которые приноминаются из этой печальной опопеи. Все ли было злом, все ли были одни гнетущие впе-

чатления. Нет, были и отрадные, а все-таки местному инспектору труда от местных железнодорожных рабочих приходила депутация благодарить его за заботливое отношение к их нуждам, мы проводили расценки, которые вводились с октября 19 г. по всем дорогам и после этого благодарность была передана мне, а в заседании Уральской комиссии, там была вынесена резолюция, что деятельность министерства труда в области страхования для служащих Сибири является хотя и скромным, но несомненным шагом вперед,а тут-же в этом районе я присутствовал на открытии фабрики телеграфных аппаратов и мне рабочие устроили авацию за те слова, с которыми я к ним обратился. А ко мне приходили боткйцы и благодарили, что они добились правды и после долгих мытарств они обнищавшие в дороге, наконец получили то, что им причиталось. Эти-то воспоминания и останутся моим утешением и может быть моей гордостью. И в этой деятельности, главным образом я прошу определять момент моего участия во власти. Я пока на этом закончу, остальные моменты, касающиеся других отправных пунктов я затрону уже в своем посоеднӗм заключительном слове. Я только хочу обратиться в Трибуналу с одним заявлением, я говорю, главным образом для истории и здесь мои слова выслушивает не только эта аудитория, здесь незримо слушает история и грядущее поколение. Она, эта история и это поколение окончательно разберутся в нашем споре. Мы не в состоянии судить друг друга с должным беспристрастием. Мы слишком ослеплены борьбой и те, кто являются победителями и те, кто ударом низвержен на землю. Но все-таки я говорю не только для истории, не только для потомства. Я говорю конечно и перед судом. И к этому суду я обращаюсь с одной только просьбой. Я не прошу о милости. Я никогда, никого не просил о милости. Я всегда принимал полностью ответственность за свои преступления, проступки и ошибки. Я прошу только Революционный Трибунал, чтобы он теперь, когда еще борьба не окончательно завершена, когда еще доносятся отдельные отголоски ее, насколько возможно, в этой обстановке сохранить объективность, разбирая мою деятельность и мою работу в этом правительстве.

ПАВЛУНОВСКИЙ. Я еще раз повторяю, что я теперь допустил форменную агитацию, для того, чтобы показать, что отживающие партии агитацией для нас не страшны.

В будущем я буду прерывать и полагаю, что дальнейшие обвиняемые не будут злоупотреблять нашей лояльностью по отношению к обвиняемым. Если они призывают суд к объективности, то и сами они не должны быть субъективными. Второго оратора или обвиняемого, который по существу был оратором, я не прерывал, чтобы показать, что мы достаточно сильны, но затягивать процесс из-за агитации я не могу, причем Шумиловский и другие имели достаточно времени для агитации при Колчаке, чтобы ее повторять.

ШУМИЛОВСКИЙ. Я только хочу сказать, что агитацией я не хотел заниматься.

ГОЙХВАРТ. В виду того, что обвиняемые произносят свое последнее слово, я должен обратиться с заявлением, что во всяком случае говорить о деятельности лиц преступных, как например, о Сетисове, - нельзя, занимая время Революционного Трибунала такими квази-об"яснениями.

279 69 III

ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА
ПРИ СИБИРСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ КОМИТЕТА.

Присутствуют:Председатель Чрезвычайного Революционного Трибунала И.П.ПАВЛУНОВСКИЙ.Члены:товарищи КОСЫРЕВ,БАЙКОВ,ЖИТИНСКИЙ и МАНОНТОВ.

Заседание восьмое.

28 мая 1920 года.

На скамье подсудимых те-же.

II-I2 ч.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Об"являю заседание Чрезвычайного Революционного Трибунала открытым.

ОБВИНИТЕЛЬ ГОЛЬБАРГ. Я имею заявление в связи с предстоящими об"яснениями подсудимых. Когда обвинитель пред"являл тот или другой обвинительный материал и по поводу актов, фактов и документов того или другого подсудимого хотели давать отрывочные об"яснения,председатель революц.трибунала указывал им, что об"яснения будут даны ими в совокупности по отношению к тем обвинительным материалам, которые предъявлялись. В действительности вчера, когда было предоставлено слово для об"яснения подсудимым, Революционный Трибунал втечение 4-х часов заслушивал так наз. об"яснения двух подсудимых, в которых сообщались обширнейшие биографии. По поводу биографий я имею заявить Рев.Трибуналу,что обвинитель считает заслушивание биографий совершенно излишним и бездельным, ибо у каждого из подсудимых имеется в деле биография одна, а у сотен очень многих и несколько. В частности у подсудимого Червен-Водали в деле имеются две биографии:одна Правительственного вестника, написанная для правительства Колчака, которую я оглашал здесь и которую он в некоторых пунктах признал биографией, вторая написана для Следственной Комиссии в Иркутске и она не содержала в себе никаких указаний на национальный центр и т.д. до представления соответствующих документов. Вчера заслушана была третья биография. Точно также у подсудимого Шумиловского имеется в деле биография написанная для Колчаковского Правительства. Так как уже здесь в Трибунале обнаружилось, что содержание биографии меняется в зависимости от времени и обстановки и так как нам представляется, что и сами подсудимые не собираются себя канонизировать и об"явить себя святыми, я считаю такую библиотеку биографий

или сборник Четьи-Минеи совершенно излишним. Я должен сказать, что у обвинителя лично нет досуга. для заслушивания не имеющих никакого зн чения для дела биографических подробностей и при их произнесении он будет считать свое присутствие здесь излишним. Во вторых, когда пред"являлись обвинительные материалы, то те или иные подсудимые обе щали давать об"яснения именно по поводу пред"явленных материалов. В частности, когда мною было пред"явлено подсудимому Червен-Водали в связи с его возмущением заявлением, что он не знал ни японских войс ни войск Семенова, что Третьяков не содействовал назначению Семенова и посылке Семеновских и Скипетровских отрядов, тогда мною были огла-шены разговор и телеграммы Червен-Водали с Третьяковым, в которой бы сказано:"шлите подмогу каждый час дорог", или сказано: "хотя бы какая нибудь незначительная Забайкальская часть прибыла сейчас сюда," или сказано, что Третьяков заявил то, что назначен Главнокомандующи Семенов, и его назначение, как выяснилось из разговоров с самим атаманом, значительно облегчает соглашение с Японией, обещанные вой сейчас направляются, подсудимый Червен-Водали обещал дать об"яснени по поводу этих фактов. Были другие факты, Подсудимый Червен-Водали отрицал, что он желал-бы перенесения антибольшевистского центра на Восток, я огласил телеграмму за его подписью и подписью Ларионова, в которой было сказано по адресу так наз. Верховного Правителя:"Ед ственная цель вынужденных переговоров, это создать возможность сохранения на Востоке антибольшевистского центра, перенесение госу-дарственных ценностей и сохранение идеи о Великой Единой России." Подсудимый Червен-Водали обещал дать об"яснения по этому поводу.Ког да я пред"явил ему удостоверения здесь в Трибунале, что он воспольз зовался документом, выданным ему из комиссии советской по выяснени вопросов,касающихся регулирования Брестского мира, он не отрицал этого и обещал дать об"яснения по этому поводу. Точно также, когд я подсудимому Шумиловскому пред"являл обвинительные материалы, дот но касавшиеся назначения наград за энергичное преследование больше виков, за подавление бунта в каторжной тюрьме, он обещал дать об" яснения по этому поводу. Когда я ему пред"являл постановление Сове та министров, в котором он наряду с другими признал действия гарни зона 22 декабря 1918 года выше всяких похвал и когда я в связи с этим опубликовал....

 280 ~~70~~ 70

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:В чем заключается Ваше предложение.

ОБВИНИТЕЛЬ ГОЛЯНТ: Он обещал дать об"яснения по этому поводу.Вместо этого об"яснения получилось нечто иное. Обвинитель мог ожидать что буде об"яснение истории с разговорами вместо этого получился разговор с историей. Обвинитель мог ожидать , что будет об"яснение фактов или действий, которые являются с точки зрения обвинителя чрезвычайно преступными, вместо этого была ссылка на поэтом, в результате чего получилась такая картина, которая может быть охарактеризована, если не словами поэта, то словами народной частушки: чай пила,да булки ела, позабыла с кем сидела." Я считаю, что такого рода замена об"яснения обвинительного материала, касающегося преступных деяний, такими безобидными и разглагольствованиями, совершенно не является об"яснением со стороны подсудимого, и так как после об"яснения подсудимых будет обвинительная речь, то я полагал бы, что в интересах самих подсудимых об"лснить те факти и те действия, которые им пред"являлись и которые они обещали об"яснить. Я поэтому предлагаю во первых. биографические рассуждения ввиду их бесцельности не допускать и во вторых предложить подсудимым давать обещанные ими об"яснения по поводу соответственно пред"являемого им обвинительного материала.

ЗАЩИТНИК АРОНОВ:Прежде всего я попрошу разрешения Рев.Трибунала процитировать статью II постановления Народного Комиссариата Юстиции в которой излагается руководящее начало по Уголовному праву.Статья II говорит следующее:" при определении мери.../ оглашается статья II-ая/ с точки зрения Революционного законодательства Сов.России выяснение условий жизни образа жизни является одной из основных задач Революц. Суда. Без выяснения образа жизни прошлого Рев.суд не может постановить своего приговора.Поскольку биографические сведения, которые даются здесь обвиняемыми, дают материал для уяснения их образа жизни, их прошлой деятельности, поскольку я считаю, что сообщение ими биографических сведений вкратце об их прошлой деятельности об их социальном положении об их принадлежности к тому или другому классу общественному, постольку я считаю что они не только имеют право, но и обязаны.Здесь указывается на то, что такие биографические данные имеются в деле. Во первых не у всех подсудимых имеются такие биографические данные, наконец сам обвинитель признает, что эти биографические данные, которые имеются в деле неполные и поэто

я считаю, что у подсудимых нельзя отнять права дать те биографические данные, которые они считают нужным дать полностью для освещения их образа жизни и прошлой деятельности. Совершенно другое дело о том, какому из этих биографических противоречий Рев. Трибунал даст веру. Я здесь не считаю себя вправе, как это делал представитель обвинения приступать сейчас к оценке того или другого материала, который здесь прошел перед Вами. Я только указываю на то, что обвиняемых нельзя лишать права дать материалы Революционному Трибуналу, предусмотренного самим советским законодательством. Что касается до того, что некоторыми из обвиняемых не отвечено на конкретные факты и обвинения, которые им были пред"явлены, то, как я уже имел честь говорить перед Революционным Трибуналом, я считаю, что необходимо дать обвиняемым говорить по каждому конкретному обвинению, которое им пред"является в тот момент, когда слушается данное действие. Но к сожалению этот порядок не был принят, был принят другой порядок и вполне понятно, что подсудимые из всего того материала, который был им пред"явлен как уличающий их, могли упустить тот или другой материал, и если обвинитель считают их ответ необходимым, то я полагаю, что как в интересах защиты и подсудимых, так и в интересах цельности судебного процесса им должно быть дано право ответить на тот материал, о котором они не успели или забыли упомянуть.

ОБВИНИТЕЛЬ ГОЛЬДАРТ. Я имею ходатайство к Рев.Трибуналу. Уже неоднократно защита в своих заявлениях указывала на неправильные мои действия и не останавливалась председателем Революционного Трибунала. Я считаю такие выговоры мною незаслуженными и я просил бы, по крайней мере, сейчас отметить, что я ни к какой оценке материала сейчас не приступал и что указание защитника в этом отношении не соответствует действительности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что это не имеет никакого отношения к делу, об оценке, запретить защите оценку Вас так или иначе, я не могу и поэтому я считаю вопрос окончательно исчерпанным. Теперь по вопросу о даче об"яснений. Бесспорно можно дать в такой форме, в какой давали Червен-Водали и Пумпловский, но такие об"яснения никакого отношения к делу не имеют и только с этой точки зрения я возражал. Я вчера сделал заявление, что давать такие заявления не буду, только в тех целях, что обвиняемый должен давать только факты и материалы, необходимые для суда, для вынесения отсюда соответствующих выводов. Из вчерашних об"яснений я увидал, что эти об"яснения носили

публицистический характер, что они не давали суду никаких материалов ни с точки зрения выяснения, ни с точки зрения характера преступлений, обстановки преступления, потому что здесь идет речь о обстановке политической, а не обывательско-правовой. Защитник говорил обо всем этом. В данном случае я полагаю, что и сидящие здесь министры не смотрели на ведение процесса с обывательской точки зрения и поэтому важно выяснение обстановки случаев основанием для преступления не обывательски-частно-правовой какой, а обстановки публично-гражданской, именно политической обстановки, потому что министры по существу политические деятели и сводить процесс министров к процессу обывательскому, это я полагаю оскорбление не только для суда, но и для самих обвиняемых, на которое они не станут. Я полагаю, что вчера эти об"яснения давались не с целью ввести суд в заблуждение, а с целью может быть неправильного понимания обвиняемыми, в какой плоскости давать об"яснения, и с этой стороны я считаю вопрос исчерпанным. Для того, чтобы об"яснения носили конкретный характер и об"ясняли обстановку политически правомерно, я полагаю, что в дальнейшем об"яснения должны носить следующий характер.: самые факты проведшие перед Революционным Трибуналом, обвиняемые имеют право выставить не в публицистической форме, а в деловой форме, -это сократит время; во вторых это даст возможность полностью уяснить себе картину. Между тем из вчерашних об"яснений Червен-Водали и Шумиловского получается расплывчатая картина и в целях нежелания стеснять обвиняемых с одной стороны и потому что суд с другой стороны интересуется, чтобы обвиняемые дали исчерпывающие судебное следствие об"яснения, я не останавливал обвиняемых. Поэтому я предлагаю в этом отношении держаться того порядка, какой я предлагал раньше и приступить к заслушанию дальнейших об-яснений. Слово для об"яснений представляется обвиняемому Краснову.

КРАСНОВ: На своей предшествующей деятельности, я останавливаться не буду, потому что в распоряжении Чрезвычайного Революционного Трибунала имеются мои показания и главным образом то заявление в служащих Государственного контроля, на которое вчера сослался защитник и где моя деятельность освещена достаточно подробно. Я хотел остановиться на тех обстоятельствах, которые излагаются в обвинительном заключении и на которые отчасти указывалось во вр

лебного следствия. Первое, на что указывается в обвинительном заявлении, это обвинение меня в том, что я как будто бы бежал сюда с определенной целью со службы/ на которой я состоял в Москве. Я уже имел возможность кратко отрицать это обстоятельство.и сейчас я совершенно чистосердечно заявляю Революционному Трибунал что когда я уехал сюда, я совершенно не знал обстоятельств здешней политической жизни, не знал о существовании правительств ни Сибирского ни Самарского, я выполнил только то служебное поручение, которое было дано мне совместно с моими сослуживцами-чиновниками контроля. Поэтому, когда я выехал из Москвы и брал направление на Уфу и Самару Тут мне было сказано о Чешском восстании в Пензе и Самаре. Поэтому я поехал на Казань и мне было дано поручение обревизовать казанскую палату. Таким образом я и поехал. В Казани я не знал еще о существовании Самарского правительства, и по прибытии в Самарскую губернию, где я оказался отрезанным, я узнал там о власти комитета членов Учредительного Собрания и о том, что Чешский мятеж принял столь большие размер Все таки почти месяц я пребывал во жил у своего брата, но когда выяснилось, что так или иначе мне служить нужно и получив предложение продолжать службу по тому же ведомству государственногоконтроля, я принял это предложение в качестве правителя дел Контрольной комиссии. Дальше служба моя прошла по этому ведомству до самой последней должности. Принимая предложение Директории занять руководящую роль в ведомстве, т.е. должность Государственного Контролера, я считался с тем законоположением, которое существовало, т.е. ,что в Сибири действовал закон 18 ноября, по которому ведомство было поставлено в совершенно независимое положение и Государственный Контролер являлся лишь присутствующим в Совете Министров с совещательным голосам для дачи заключения по тем финансово-хозяйственным вопросам, которые подлетали ведению Совета Министров. Только в виду этого я принял предложения.

Меня озабачивало только одно обстоятельство, что военно-полевой контроль, т.е. наш Государственный контроль на театре военных действий действовать в Сибири по прежнему положению, т.е. находясь в полном подчинении у военных властей и контроль не мог осуществлять свои действия. Поэтому я прежде всего принялся за

издание положения о военно-полевом контроле, независимого от военных властей и это положение было принято 30 ноября. Это был первый акт беспримерного простора контроля, когда чины контроля встали на полях военных действий в полную независимость от военных властей. Затем я начал проводить реформу контроля на более широких началах. Так что политическая моя роль, о которой здесь говорилось, что я принимал участие во всех заседаниях Совета Министров, в которых решались политические вопросы, я считаю, что я никакого участия не мог в этом принять : присутствовать я был обязан на каждом заседании, потому что почти в каждом заседании Совета Министров проходили те или иные ассигнования, требующие заключения контроля.

Теперь по вопросу о подписании журналов. Гражданин обвинитель указывал, что я эти журналы подписывал. Подписывать журналы я был обязан, раз я присутствовал и моя подпись может относиться к самому факту моего присутствования и к тем статьям постановления Совета Министров в которых я был компетентен. Те-же случаи, которые приводятся в обвинительном заключении, что нам при обсуждении вопросов о призыве войск об оказании той или иной помощи иностранной, об одобрении приказа Миллера, который, как в обвинительном заключении сказано, одобрен Государственным Контролером, я даже не вспоминаю самого факта такого приказа, потому что я даже не присутствовал, так как он меня совершенно не интересовал. Затем в распоряжении Рев Трибунала имеются еще материалы, около 2.000 пудов и можно было бы легко проверить: я ни в одном заседании Совета Министров не участвовал, в прениях по вопросам, выходящим из сферы моей деятельности, я только давал об"яснения по делу финансовому и по поводу их и было дано заключение, как Уполномоченного политического центра, так и представителей Советской власти в Иркутске, что ничего позорящего мою репутацию там не содержится. Потом обвинитель указывал, что я председательствовал в некоторых заседаниях Совета Министров и этим самым как бы участвовал. Я определенно заявляю Чрезвычайному революционному Трибуналу, что хотя я председательствовал в некоторых заседаниях, но, как это ни странно и ненормально, я все таки был с совещательным голосом, и в тех вопросах, где мне голосовать не присвоено, я не голосовал, ибо техника председательствования такова, что все таки был назначен заместитель председателя Совета

Министров, который должен был председательствовать, но однажды я был вызван Вологодским, который просил меня в нескольких заседаниях председательствовать, не имея сам возможности. Я сказал, что ведь есть заместитель, я лицо неуполномоченное и мне будет неудобно. На это мне было отвечено, что это значения никакого не имеет, тем более в том периоде, в котором мы живем, что он по своим собственным соображениям не может допустить к председательствованию тех лиц, которые являлись его заместителями. Был указа Верховного Правителя ихи о назначении Гольберга, который замещал председателя Совета Министров. Таким образом, я только вел заседание, регулировал записи, производил голосования, но должности председателя Совета Министров никогда не выполнял и таковым председателем не был. Это конечно странный факт что товарищ министра председательствует в совете Министров, но однако и это у нас было. Чаровов неоднократно тоже председательствовал. Так что я считаю, что эти факты те несколько случаев, когда я председательствовал нисколько не делают меня причастным к политическим вопросам и участником в их разрешении. Я не нарушал закона о контроле, за исключением того го случая, когда я принял участие в голосовании 18 ноября, но сам Чрезвычайный Революционный Трибунал уясняет значение этого заседания,, что это не просто заседание Совета Министров, а было заседание характера учредительного. Я явился в заседание, куда я был приглашен в тот момент, когда оно уже шло, совершенно не был осведомлен о ходе событий , для предстаВлялась картина совершенно неясная; у меня создавалось впечатление даже о гибели членов Директории и было тяжелое положение, из которого должен быть выход и когда мне было предложено принять участие в голосовании, как и присутствующему начальнику штаба я в тот момент подал записку, совершенно не придавая значения тому, могу гу я голосовать или не могу. Вот единственный факт, в котором я, если Рев. Трибунал считает меня повинным, признаюсь совершенно откровенно. Во всех остальных случаях я в голосовании участия не принимал.

Вся моя деятельность была посвящена моему ведомству . Мною было проведено и учреждение контроля и устав ревизии. Эта работа была громадная, требовалось напряжение всего совета мини-

стров и м ого времени требовалось для борьбы с теми многочисленны
ми злоупотреблениями, которые в области распоряжения казенным иму-
ществом были. На этой почве Государственным контролером был
возбужден целый ряд преследований, как против Уполномоченного
Министерства снабжения, так и интендантства, и государственный кон
троль дал наиболее ценный материала, для ведения дела Касаткина
и Зефирова. То, что эти дела не получили разрешения это вне гос-
дарственного контролера. Когда я это докладывал, как самому Вер-
ховному Правителю, так в одном из заседаний Государственного Эконо
мического Совещания, прося оказать этому делу содействие, потому
что безрезультатность преследование, т.е. не наказание виновных
содействует только росту злоупотреблений. Вот в чем заключалась
деятельность Государственного Контролера. Кроме того, деятельност
Государственного контролера заключалась в даче многочисленных зак
чений по всем законопроэктам законодательно-финансового характера.
где Контролеру приходилось высказывать свои заключения, ввиду чег
на контроль были постоянные нарекания, что он ставит палки в кол
са, о чем говорил здесь свидетель Деминов и что можно было в пре
се проследить. В последнее время у меня была официальная полемик
в прессе с одним высшим представителем ведомства, который говори
что государственный контролер ставит палки в колеса. То, что я
был совершенно аполитичен в своей деятельности доказывается тем,
что при государственном контроле по прежнему продолжал существова
профессиональный союз служащих, что я никогда не считался с поли-
тической физиономией служащих. Был целый ряд служащих, я о них
не буду говорить, которых определенно обвиняли в большевизме, ко
мне присылались фотографированные документы и несмотря на это они
были кримастим привлечены к работе в центральных учреждениях в
качестве моих непосредственных сотрудников. Затем еще один случа
младший контролер казенной палаты Городничев был председателем
коллегии контроля,- на него все время были нападки, требовали
привлечения его к суду, и отдачи его в следственную комиссию. Мн
с большим трудом стоило удержать его у себя на службе и для того
чтобы его удержать я дал ему назначение в Иркутск, где он состо
членом Совета рабочих депутатов. Затем еще вомоей личности могут
дать заявление и те, что имел со мною дело. Я слышал, что поступи
заявления на имя Чрезв. Рев. Трибунала от фабрично-заводского ком
тета сахаро-рафинадного завода Тимашева.

где я почти полгода жил, когда я вынужден был бездействовать, пок
я получил назначение в Москву. Вот все, что я имею представить Рево
люционному Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разрешите мне спросить Вас: Управляющим этого завода
был Ваш брат.

КРАСНОВ: Да, брат.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово принадлежит подсудимому Морозову.

МОРОЗОВ. По существу пред"явленного мне обвинения считаю нужным
об"яснить следующее: мне обвинитель задал вопрос относительно
избрания Михайлова председателем Административного Совета. По это
поводу я считаю нужным пояснить следующее: Административный совет
был учрежден Советом Министров и председателем этого Административ
ного Совета был назначен Министр Снабжения Серебренников. Затем,
когда Вологодский уезжал, и предстояло уехать Серебренникову в Кру
то Серебренников поручил председательствование в Административном
вете Михайлову. Михайлов, созвав первое заседание Административног
Совета заявил, что он считает такое поручение неправильным и несоо
ветствующим положению Административного Совета, где сказано, что
председатель назначается по усмотрению Совета Министров, а если н
такового, то избирается Административным Советом и он просил прои
вести избрание председателя. Так как среди нас, товарищей Министров
был только один министр Михайлов, то выбор наш остановился на нем,
как на более опытном человеке. Затем обвинитель при обсуждении дел
об отставке Патилова и Крутовского обратил внимание на два положени
то, что было составлено в один день два протокола и то, что во вто-
ром протоколе в заголовке поставлено: "в присутствии Патилова и Круг
ского." По поводу первого обстоятельства я считаю нужным об"яснить
следующее: из прочитанного здесь перед Революционным Трибуналом мате
риала была оглашена телеграмма о том, что Михайлов должен был в
9 часов вечера говорить по прямому проводу. Вот я думаю, что может
быть это обстоятельство и послужило основанием, чтобы было составле
но два протокола,- это я, как догадку принимаю. Что касается второг
то я полагаю, что в показании Председателя Чрезвычайной Следственно
Комиссии Аргунову я не утверждал, что Крутовский и Патилов присут-
ствовали, и думаю, что мои товарищи по скамье подсудимых, члены
Административного Совета Ларионов, Грацианов, Молодых и Пумиловский
рая мы не показывали Чрезвычайной Следственной Комиссии Аргунова
о том

что Шатилов и Крутовский присутствовали, то следовательно интереса нашего в том, чтобы в заголовке были помещены фамилии, не было. Если можно говорить о тех предположениях, о которых говорил обвинитель, может быть то совещание было с той целью, чтобы показать, что Крутовский и Шатилов присутствовали и в их присутствии были приняты отставки,- то ,конечно, не моим товарищам это было нужно, а кому то другому. По этому делу в своих показаниях Чрезвычайной Следственной Комиссии, я указывал, что вместе с Думиловским заявлял в заседании Совета Министров, что когда прошение было принесено в тот-же вечер без собирания сведения о том, при каких обстоятельствах Шатилов и Крутовский подали прошение под влиянием угроз, я заявлял, что обсуждение следует отложить до следующего дня, когда будут получены о них сведения. Правда это мое мнение не отмечено в протоколе, и является как-бы голословным, но я этому заявлению прошу Рев.Трибунал верить.

Затем мне вменяется в вину то, что 14 сентября был принят закон о смертной казни. Я по этому поводу давал уже краткое об"яснение о том, что в тот момент я предвидел, что Административному Совету вопрос о введении смертной казни не подлежит по формальным соображениям, и потому участия в голосовании в этот день я не принимал.

Затем здесь указывалось на то, что мной был внесен законопроект, о предоставлении военным властям права требовать для просмотра следственное производство и дознание. Я дал уже об"яснение, которое повидимому признано удовлетворительным. Относительно выдачи награды Яцкову я дал об"яснение о том, что это было не за поимку красноармейцев и большевиков, а за те суммы, казенные, которые были отобраны Яцковым и что это самое предложение в Совет Министров было внесено не мною, а министром Финансов. Относительно 300.000 руб. на ликвидацию разных учреждений и лиц, также внесенных министром финансов я дал об"яснение, что это было ассигнование разным военным учреждениям, а может быть и лицам, но относительно лиц я сейчас не помню.

В избрании Колчака Правителем я участия не принимал.

Затем следует указание обвинительного заключения на мои монархические убеждения. Я категорически заявляю Рев.Трибуналу, что я монархистом никогда не был, что касается указания на мой формулярный список, где большими буквами значится получение двух медалей с обозначением в Бозе почившего императора, то перед Рев.Трибуналом свидетельствую о том, что этот формуляр был составлен в Си-

ской

ской судебной Палате, подписан старшим председателем Науманом и прислан в Министерство Юстиции, так что отвечать за то, что там написано большими буквами я не могу. Зато относительно ассигнования 900.000 р. на посылку Пишкова в Новетскую Россию, то тут свидетель Патушинский удостоверял, что я это сделал по его поручению, а он исполнял поручение Совета Министров. Относительно указания на мой интерес к делу об убийстве семьи Романовых, я уже дал об"яснение, что следствие по этому делу было начато не в Сибири, а в Екатеринбурге, Уральским правительством и к нам только обратился штаб Чехословойск об ассигнованиии денег. Всю переписку я препроводил в Совет Министров, которым деньги были ассигнованы. Все дальнейшие ассигнования производились уже по предложению Министров .Относительно дальнейшей моей деятельности с 4 ноября 1918 года по 30 ноября 1919 года я могу сказать, что деятельность моя не носила самостоятельного характера, т.к. с 4 ноября вступил в Управление Министерства сперва Старынкевич, и кажется с 4 мая Гельберг и я, участвуя в заседаниях Совета Министров , малого и большого, исполнял только поручения Министра. Я не хочу сказать, что давая те или другие заключения высказывая те или другие мнения ,подписывая протокол совета Министров, я не являюсь ответственным. Нет, настолько то и ответственен. Но я хочу только заявить Революционному Трибуналу, что моя деятельность за этот период не носила самостоятельного характера. За этот период прошел закон о смертной казни, за бездействие и превышение власти, за уклонение от регистрации, от военной службы, за дезертирство и укрывательство, который мне вменяется в вину. Эти два закона о смертной казни, насколько я припоминаю не касались трудовых масс. Первый касался должностных лиц, главным образом военным, которые не исполняли даваемых им распоряжений и затем за превышение и бездействие власти, второй закон касался главным образом буржуазного населения торгово-промышленного класса, которое уклонялось от явки к исполнению воинской повинности.

Вот все те об"яснения, которые я считал нужным дать Рев.Трибуналу. Если Рев. Трибуналу, угодно будет выслушать мою служебную и общественную деятельность для того, чтобы знать биографические сведения, я в двух словах могу сказать: моя служебная деятельность проходила вся по судебному ведомству, куда я поступил в 1903 году и вся деятельность моя непрерывно протекала в Омске. Тут я два года был следователем, затем членом Окружного Суда, членом Палаты, а при Ин

285 ~~77~~ 75

Правительстве Керенского в 1917 году был назначен Председателем Барнаульского окружного Суда. Общественная деятельность была посвящена родному городу Омску. Я был председателем общества попечения начального образования, которое правительством впоследствие было закрыто за вредную деятельность его, затем состоял председателем попечительного совета разных учебных заведений, высших начальных училищ, в женской гимназии, в высшем коммерческом училище, в торговой школе. В 1918 году, когда мне приходилось уезжать из гор. Омска в Барнаул мне пришлось подать 22 прошения об отказе от всяких обязанностей, которые на мне лежали.

Обвинитель заявлял тут, о получении министрами и товарищами министров 60.000 руб. на представительство. Я должен заявить Революционному Трибуналу, что из этих 60.000 руб. я ничего не получал, кроме тех денег, которые мне полагались, как месячное содержание. Затем указание обвинителя на то, что не возбуждалось Министерством Юстиции преследования за то, что кроме тех денег, которые мне полагались, как месячное содержание. Затем указание обвинителя на то, что не возбуждалось Министерством Юстиции преследования за то, что приговор Военно-Полевого суда по поводу декабрьских событий был вынесен после смерти 44-х. По этому поводу я могу только об"яснить одно: я думаю, что дело не возбуждалось потому, что до Министерства Юстиции эти сведения не доходили, я сам слышал об этом в первый здесь. Моя деятельность в самом Министерстве Юстиции протекала таким образом: я был приглашен Патушинским для технической работы. Первые два месяца я в Совете Министров не выступал. Затем неожиданный выход в отставку Патушинского поставил меня в положение, и я должен был заниматься политикой и с 10 сентября по 4 ноября пер Вами прошло то, что было сделано в этот период мною. Все время я отбывал свою ведомственную работу и по поручению Министра Юсти Старынкевича я участвовал в заседаниях Малого Совета и только некоторых случаях в большом Совете, когда Министр был болен. В мая месяца, когда был назначен второй товарищ Министра, мне б поручено присутствовать в малом совете, что я и делал и там мо тельность не носила самостоятельного характера. Все законопро Министерства Юстиции разрабатывались первым департаментом, кото ведал не я. При Старынкевиче ведал он сам, а при Тельберге веда

второй товарищ Министра Юстиции. Все законопроекты проходили через Юрисконсульскую часть, затем через Совет Министров и мне уже перед заседанием Совета Министров преподносилось готовое заключение, одобренное Министром Юстиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Слово принадлежит подсудимому Преображенскому.

286 76

8-ое заседание 28 мая 12 ч.2 ч.утра

Преображенский:Прежде чем я начну давать свои об"яснения, я ходатайствую перед Рев.Трибуналом об отыскании в делах закрытого заседания совета министров в конце марта,где было внесено предложение вр.управляющим министерством торговли и промышленности Пуки ным о возбуждении преследования против военно-промышленного комитета. Мне оно понадобиться на одну минуту, чтобы цитировать его, так как гражданин обвинитель в своих вопросах заданных мне устанавливает некоторые факты из моей предидущей деятельности.Ввиду вопроса не являлся ли организатором какого нибудь учреждения. Очевидно те ходатайства, о которых здесь говорилось, что они получаются, очевидно эти ходатайства фигурируют в числе документов по моему делу и может быть , чтобы не затягивать об"яснения я позволю себе сказать, что вся моя деятельность шла в области работа по геологическим исследованиям, преимущественно Сибири и Туркестана и в области народного просвещения, главным образом по техническому внешкольному образованию. Эти работы доставили мне звание члена коллегии геологическо го комитета и я в 15 был избран заведующим географической секцией геологического комитета, а по народному просвещению, по целому ряду работ произошло то, что, когда случился переворот 19 г. и я предоставил себя в распоряжение министерства народного просвещения, мне была предоставлена должность по техническому образованию. С этого начинается моя широкая деятельность. На эту деятельность я пошел до переворота, который застал меня в Сибири. Благодаря расстройству транспорта я вынужден был очень долго двигаться от Владивостока до Оренбурга, где была моя семья. Я поступил работать в кооператив и занялся организацией той высшей вольной школы, о которой упомянул гражданин обвинитель. Причем эта высшая вольная школа должна была носить тип университета Шанявского. В апреле месяце 18 года я получил от геологического комитета предложение принять на себя работу на западном участке южно-сибирской ж.д..С целью выяснить этот вопрос, я отправился в Сибирь, проехав по Сибирской дороге в Екатеринбург. Здесь через нас автоматически перекатился фронт, вся наша группа человек в 15 очутилась в Сибири и ей предоставлена была возможность в том направлении, которое она получила от геологического комитета. Я направился в Екатеринбург, где пытался осуществить указанные мне задачи. Благодаря военным действиям недалеко около Екатеринбурга здесь мне не удалось эту задачу выполнить и заняться работой в высшей вольной школе. В октябре 18г. я был вызван из Екатеринбурга

я был вызван профессоро Салазниковым для занятия должности товарища минис тра народного просвещения и,руководясь теми имечами, которые были между прочим в составе Сибирского правительства, я был глубоко убежден , что я начну здесь опять проводить ту работу и те-же идеи, ко торые я проводил в работе временного правительства. Те изменения, кото рые были в составе временного правительства для меня,правду сказать, ничего не говорили. Некоторые имена, которые уходили и оставались, бы такие мало известны, как и те, которые фактически, как потом мне при шлось выяснить, играли видающуюся роль. В результате, приехавсюда, в начале ноября, я сделался министром народного просвещения, но затем отсюда был переведен в Томск. Я выяснил, что я занимал определенное положение по руководству техническим образованием, в то время, как другой представитель министерства народного просвещения Гинс выехал в Томск. В Томске работа шла техническая и организационная. Я должен сказать, что меня поразило бо ..ое количество хороших намерений мини-стерства и благодаря отсутствию технических сил очень часто эти намере ния оставались намерениями и больше того, некоторые ошибки, казалось бы даже мелкие, вызвали несомненно на местах очень сильное раздраже ние, потому что эти мелкие ошибки отходя от министерства к периферию уже являлись довольно чувствительными в смысле усиления сложности ведения дела, а это происходило исключительно при самых лучших намере ниях руководителей министерства и тех людей, которые были взяты для исполнения технической работы, но в сущности, ни техников этого дела известного рода недоразумения и неумение. Отсутствие минис терства на родного просвещения в Омске вызвало целый ряд затяжек в решении вопро сов. Поэтому совет министров постановил перевести министерство народ ного просвещения снова в Омск из Томска и в январе 19 г. я был вызван сюда для разрешения целого ряда вопросов и затем, так как Гинс ушел из министерства народного просвещения, то представителем народного просвещения в Омске был назначен я и таким образом началась моя дея-тельность в совете министров. Не могу сказать с совершенной точностью когда именно я получил право решающего голоса в совете министров, пот му что такое постановление было сделано специально ввиду некоторых недоразумений в голосовании , но такое постановление было сделано и мог принимать участие в решении совета министров. Совершенно естестве но, путем всякого рода соглашений образовалось в совете министров изв стного рода наслоение, на котором сказалась вся общественно политиче ская жизнь, в которой участвовал совет министров и фигуры, находящие

287 77

в правительстве обрисовались достаточно скоро. Достаточно скоро об рисовались руководящие фигуры. и в правительстве всяком совете и мн стало понятно что то расслоение, которое наблюдалось в совете министром вряд ли даст возможность работать, как мне хотелось. Нача- лась борьба вокруг военно-промышленного комитета. И настолько мало журналы совета министров отражали происходящее там, то что происходило в заседаниях совета министров, что я и хотел цитировать журнал совета министров, чтобы дать представление о действите льно происходивших событиях. Может быть гражданин обвинитель не будет оспаривать, что имеется постановление закрытого заседания совета министров, в котором сказано, что управляющему министерством торго ли и промышленности поручается произвести дополнительное расследов ние по деятельности военно-промышленного комитета.

ГОЙХБАРГ: Обвинение не возражает.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: Так, в этом постановлении выражено приблизительно в такой форме: еще раз указываю, что за отсутствием подлинного журнала я не могу его цитировать- указывается такой факт: относительно военно-промышленного комитета и его деятельности было составлено совершенно определенное мнение у целой группы лиц и эта группа лиц повела определенную борьбу с военно-промышленным комитетом и как раз в этом заседании совета министров покойный Н.Н.Покин ввел предложение о немедленно устранении всех главарей военно-промышленного комитета и назначении над ними судебного сле ствия, а в результате одним голосом министра Старынкевича мы были побиты, не потому , что это предложение было признано невозможным к осуществлению, ввиду недостаточности данных, представленных пер начальной комиссией и таким образом большинством было принято реш ние, которое цитировал я. Мне нужно это постановление цитировать только для того, чтобы показать Трибуналу что журналы совета мини стров цитированные здесь, совершенно не отражают сущности той раб ты и жизни совета министров, которая пр исходила в действительнос и свидетельствуют только о формальном присутствия членом на том или другом заседании и о том, что постановление состоялось таким то большинством и что такие то члены этот журнал подписали. И я думаю, что одни только стенограммы, когда они будут разобраны, дадут полное представление и о голосовавших по каждому вопросу и о тех прениях, которые были в действительности. До сих пор по во

су о личной отве

ответственности и личной виновности данных лиц нет возможности
зать ничего определенного. Я это говорю не с целью уменьшить
ответственность за политическую деятельность, которую я вел в I
совета министров, но для установления совершенно определенного
та и значения этих журналов. Мое представление о характере раб
совета министров и лиц его составляющих, заставили меня просить
министра, чтобы он отпустил меня на свободу, но невозможность п
хода в этот момент, это было в посту, и представитель министерс
просил не сменять меня, что заставило, очевидно, министра проси
чтобы я остался до момента переезда министерства в Омск. И дейс
тельно, когда министерство, после пасхи переехало сюда, моя отс
была принята и направлена в совет министров. Но в этот момент
причинам, которые мне совершенно неизвестны, по каким то я не з
соображениям, в которых я никогда не мог разобраться тов-к.
В.В.Сапожников неожиданно уходит из министерства и моя отставка
ально принятая, но формально не проведенная, не осуществляется,
на меня автоматически переходят ведение дел министерства. Положе
это было настолько для меня неожиданным, что я немедленно отпра
ся к Вологодскому и имел разговор , который я зафиксировал зате
в письме к нему о том, что это положение для меня совершенно нео
жиданно и я только временно на совершенно определенных условиях
могу принять руководство министерством с тем, что они немедленно
вызовут профессора Савинова, о котором одновременно со мною шла р
Если здесь имеется книга разговоров по прямому проводу, то здесь
должен иметься мой разговор с проф. Савиновым, где я покорнейше п
его немедленно прибыть для принятия министерства, потому что я жел
передать дело в его надежные руки и смотрю на себя, как на времени
заместителя министра. Вместе с тем я обратился к геологическому ко
чтобы мне дали возможность заниматься геологией и получить команди
ровку на южно-сибирскую к.т.Но проф. Савинов заболел и когда приех
в начале июня, он подал мне прошение об отставке-потому что он
был назначен товарищем министра народного просвещения и заявил, ч
ни в коем случае не останется в министерстве без меня. Еще раз при
говорить о временности и необходимости поисканья нам замес ителей
это время начался беспорядочный отход войск советского правительст
на восток и министерство народного просвещения и вопрос об его заме
телях отошел на второй план. Уже поднимался вопрос, кто согласится
сколько нибудь поддержать это дело в такую тяжелую минуту. Говори

288 ~~78~~ 78

переживало все правительство. Та борьба, которая все время продолжалась в политических группах совета министров, конечно, не останавливалась. Военщина продолжала делать свое дело и нам оставалось одно или бросить все и бежать или оставаться на той-же позиции, на которой мы были все время и делать все время свое дело. И до октября месяца я работал над законопроектом о единой школе. Всю ответственность за деятельность министерства, начиная с мая месяца, когда я сделался официальным руководителем, я принимаю целиком на себя и только на себя и никто кроме меня в ней не ответственен. Законопроект о единой школе проведен целиком мною по предварительному обсуждению и к моменту эвакуации из Омска он был готов и только желание министра председателя, чтобы от имени министерства народного просвещения перед законом был внесен в земское совещание закон о единой школе помешало мне провести его ранью. Думаю, что когда нибудь в качестве материалов он будет напечатан и тогда все могут судить об идеях, которыми я руководствовался при выработке этого законопроекта. В августе, сентябре я захворал, сентябрь и октябрь прошли с ослабленной деятельностью, даже и по министерству и в октябре я уехал в отпуск в Омск. В Иркутске я [illegible] к моменту падения власти, никакого отношения к делам не имел. Что А.В.Черкен-Вогали сам [illegible] я [illegible], тогда как целый ряд министров из правого [illegible] я переехал в город и в тот же вечер был [illegible] оказать пребывания в совете министров. Что касается предъявленных мне обвинений во время судебного процесса и заключение я могу установить следующее. Гражданин обвинитель говорит, что я перебрался или пробрался через фронт. Я не могу припомнить какое выражение но я устанавливаю факт, как это случилось, и может быть вы признаете что этот факт является совершенно определенным. Далее делается указание на мое участие в целом ряде законопроектов о введении смертной казни. Тут я должен сказать, что мое положение было очень несложным. Я говорил уже, что в первый период времени, когда я был представлен министром народного просвещения со мной, как свежим и новым человеком в министерстве не то что мало считались, но как то не привыкли и не знали что я такое и часто на некоторые заседания я как то автоматически не попадал. Но дело не в этом, а в том,

Но дело не в этом, а в том, что когда действительно я бывал на них и мне приходилось принимать участие в решении дел мое участие было не сложное. От министерства народного просвещения представителем которого я был и которое имело очень небольшой финансовый аппарат, никаких заключений не требовалось. Эти заключения обыкновенно давала, как я всегда мог твердо надеяться, юридическая часть министерства труда и я не помню ни одного случая, когда бы Л.И.Думиловский не выступал против таких законопроектов. Мне оставалось только следовать за ним. Я не выступал ни за ни против. Ни по одному юридическому вопросу никогда не выступал по своему совершенному незнанию, но я утверждаю еще раз, что только стенограммы могут подтвердить это утверждение и они могут вам сказать кто и когда голосовал за эти законопроекты. Далее идет обвинение в том, что я принимал участие в целом ряде утверждений законопроектов и постановлений совета министров, которые свидетельствуют о различных политических ассигнованиях совета министров вести эту борьбу. Да я в этих решениях принимал. Я пришел в правительство вовсе не с намерением проводить советские решения и думаю, что в этом вы меня не упрекнете. Дело в том, что я считал своей обязанностью проводить ту линию, которой я все время служил, это была линия несомненно определенной борьбы с советской властью. Это была борьба, но в совершенно определенных для меня рамках. Никогда я этих рамок, могу сказать, не переступал. Я убежден что и мои противники это признают. И тогда, когда будут рассматриваться все документы, имеющиеся по моему делу. Я не стану говорить, что было много из таких решений, я просто приведу на выдержку- посылка Наркома, затем эта извините за выражение довольно нелепая грамота Эмиру Бухарскому - я не возражал, потому что общая линия от этого не изменилась бы. Другое обвинение, которое мне пред"является обвинительным актом относится уже чисто ко мне и оно относится к деятельности министра и основывается на единственных, абсолютно голословных показаниях и даже не показаниях , а речи господина Игнатьева, которая, если я не ошибаюсь помещена в протоколе подсудимого Палечека, где товарищу министра народного просвещения Н.О.Палечеку был поставлен целый ряд вопросов о деятельности министра в смысле его передачи и тех дел, которые вместе с ним переходили. И когда Палечек ушел, в его отсутствии были те суждения, о которых говорится в обвинительном акте и буквально все эти

оттуда гражданин обвинитель перенес сюда. Я бы просил гражданина обвинителя подтвердить, что ничего того, что здесь взято из этих протоколов что он взял в обвинительный акт ничего в этих документах не имеется. Фактов не приведено никаких. Вместе с тем, я думаю, что и в деле имеются документы, которые свидетельствуют о том, что на вопрос следственной комиссии представители советской власти дали ответ, что никаких действий компрометирующих министерство/тов.Гойхбарг перебивает.Не слышно/. Далее в делах совета министров есть целый ряд документов, опровергающих те утверждения, о которых говорит Игнатьев. Я позволю себе сослаться на известного рода бумаги, имеющиеся в делах министерства, что коллежский асессор Игнатьев выставляющий себя и свои заслуги по борьбе с большевистской разрухой на фронте просит об освобождении его от воинской повинности и что эта самая оппозиционность проявилась в мести Игнатьева после того, как ему в его ходатайстве было отказано.Качество обвинителей или свидетелей такого рода и их показаний предоставляю судить Трибуналу:. В тоже самое время утверждаю, что имеется целый ряд фактов, что один факт, исходивший до министерства о преследовании, удалении или задержании лиц, подозреваемых в большевизме, не оставался без соответственного расследования со стороны министерства. Ни одного факта преследования кого бы то ни было со стороны министерства народного просвещения за принадлежность к большевизму или какую нибудь деятельность не имеется. И совершенно обратно, существует целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что педагоги, уволенные или арестованные за принадлежность к большевизму, получали не только защиту от министерства но и соответствующее назначение, потому что это были безукоризненные люди и безукоризненные работники. Я мог бы привести целый ряд фактов, но к сожалению я безпамятен на фамилии,- но я могу сказать, что директор Колыванской гимназии Бауман был освобожден, вызван в министерство и принял предложение к большому удовольствию министерства, был представителем министерства в Якутской области. Еще раз повторяю, что все подобные обвинения голословны от начала до конца. За деятельность министерства за ее характер за времяния моего руководительства я отвечал, отвечаю и буду отвечать, но оно не играло в сторону какой бы то ни было политической борьбы. Разрешите на этом кончить.

ЛАРИОНОВ: Я имею честь просить Рев. Трибунал разрешить мне пользоваться моим делом при моем ответе.

Я вступил в состав сибирского правительства в должности управляющего Алтайской ж.д. в августе 1918 г. Вступив в состав этого правления на должность директора технического-хозяйственного отдела я перешел в состав правления восточной ж.д. согласно имевшегося закона о железнодорожных служащих в военное время, когда каждый железнодорожный служащий обязан выполнять все требования правительства которые втечение военного времени к нему пред"являются, а также ,так как я числился на Алтайской ж.д. и получил приглашение в Петроград на должность Начальника дороги, так как случился переворот и министерство меня приглашало в управление.

Приехав в августе в Омск в город совершенно чужой, где я никогда не жил и никого не знал я познакомился с той работой, которая предстояла министру путей сообщения. Действительно, управление железных дорог представляло из себя только маленькую группу инженеров с небольшим количество м служащих, между тем как предстояло разрешать огромные задачи , восстановлять разрушенные войной и теми событиями, которые потрясли железнодорожный организм и огромное количество этой работы всецело заполняло мое время. Я упомяну, что первым шагом моей деятельности в Омске в конце августа 19 г. был созыв с"езда по вопросу о снабжении железных дорог. Я на этом с"езде председательствовал и тут была выяснена безотрадная картина снабжения, смазочными материалами и т.д./ а это крайне затрудняло работу железных дорог. На этом с"езде выяснился чрезвычайно острый недостаток смазочных продуктов, их оставалось на неделю-две. Я поехал лично в Самару, в район другого правительства, которое тогда там находилось. Там были большие запасы нефти, но в Сибирь их не пропускали ибо велась борьба между Сибирским и самарским правительствами. Я выехал на с"езд в Самару, но доехать до Самары мне не удалось, так как около Абдулина дорога была прервана нападением отрядов советских войск. Я вернулся с ограничившись возможностью расшивки челябинского узла. Вернувшись, я совершенно неожиданно был назначен заменять инженера Степаненко, вызванного на Дальний Восток, и этим путем, не будучи абсолютно знаком ни с ходом политики предидущего правительства, ни с лицами, которые в состав правительства входили, должен был войти в состав этого совета и присутствовать в нем приблизительно месяц. Повторяю, что я абсолютно

290 80

не знал ни руководителей этой политики ни самой политики, потому что занят был в Омске исключительно чисто технической работой, по жел. дорогами и войдя в административный совет должен был в первые недели знакомиться с теми вопросами, которые восходили на решение административного совета, а также его участниками и не только не знал их большинства по именам и отчествам, но даже абсолютно не знал в лицо. Поэтому когда пришлось подписывать журналы, то совершенно ес тественно, если бы даже просматривал этот журнал, это было бы бесполезн потому что я не знал даже в лицо многих участников административного совета, но подписывая журнал какого нибудь заседания, считал что от мечаю журнал этого заседания и считал что отмечаю свое участие в заседании, а номер или число журнала-это относится к обязанности делопроизводства и секретаря журнала и для того чтобы об"яснить, что я действительно подписывал журнал о Крутовском и Катилове совершенно не удостоверившись в заголовке, должен отметить, что самое постановле ние о Крутовском и Катилове было передано здесь несколько с отступле нием. В журнале имеется постановление не об отставке, а о временном освобождении от обязанностей до окончательного разрешения этого вопроса, в чем трибунал может удостовериться, причем это временное освобождение от несения обязанностей имеет ввиду освободить действитель но этих лиц от обязанности быть в Омске и присутствовать в заседаниях ввиду вынесшейся совершенной физической невозможности быть в Омс ске и ввиду того, что эти лица фактически во все предидущее время действительно этих обязанностей не несли и поэтому работниками правительства в действительности не были. Я отмечу, что дальше, как по вторяет обьинитель в своем утверждении, я принимал постановление о с смертной казни 14 сентября. Вчера здесь оглашено, что моей подписи по подним не было. В дальнейшем указывается о постановлении об избрании адмирала и говорится что министры охотно голосовали за самодержца Колчака. Здесь допущена неточность, ибо во первых я не был министром а во вторых мне как участнику технических заседаний, члену малого совета, даже об этой обстоятельстве совершенно не были известно и вначале я не мог. После кратковременного, как я уже указал, моего при сутствия, совершенно случайного в административном совете в течение одного сентября и начала октября 18 г. я возвратился опять к своим обязанностям директора технико-хозяйственного отдела министерств путей сообщения и нес эти обязанности до момента образования здесь директории. Директорией, по указанию от 4-го ноября 18 г. я был з

назначен товарищем министра путей сообщения. Мне неизвестно чем руководствовалась директория при это назначении, но определенно могу утверждать, что конечно, этот выбор абсолютно не стоял ни в какой связи с желанием или нежеланием пробраться в состав правительства, а во вторых, я представлял лицо определенной политической окраски, по тому что я всегда был беспартийный и в политических группировках никакого участия не принимал. Из лиц директории меня никто не знал за исключением одного Виноградова, который встречался со мной в Петрограде, где я заведывал делами центрального комитета по перевозке а Виноградов был тогда представителем от союза городов и земств и принял непосредственное участие в работах министерства в качестве исполняющего обязанности министра Некрасова по водным путям. И мне представляется, что если мое назначение состоялось, то вероятно директория имела ввиду мой служебный инженерный стаж, вероятно учитывала мою, к тому времени 18 летнюю деятельность инженера, в настоящее время уже 20 летнюю деятельность, ряд моих постепенно более ответственных должностей, ряд моих научных работ поспециальности, некоторых из которых были отмечены и вызвали оживленную полемику в специальной и общей прессе, как например , мои работы в разгар борьбы между казенными и частными дорогами в сравнении эксплоатации железных дорог, работа, которая была удостоена почетного отзыва Керзона. Эта книга была по распоряжению министерства роздана в большом количестве и поскольку известно цитировалась в прениях по этому вопросу в государственной думе. Эта книга также вероятно была известна Виноградову.

Вступив таким образом в состав правительства директории в должность товарища министра я оставался до конца существования правительства и ведал теми вопросами, которые мне поручило министерство путей сообщения государственных железных дорог, а затем впоследствии в июле месяце всеми вопросами по железным дорогам. Эта работа техническая прерывалась иногда необходимостью присутствовать в заседаниях малого совета, причем в этих заседаниях после того как мне было поручено ведать железными дорогами, моя задача сводилась к тому, чтобы присутствовать только по этим железнодорожным вопросам на заседаниях совета. Только по ним я являлся и затем с заседания уходил. Этим об"ясняется то обстоятельство, что в некоторых журналах имеются две подписи и моя и Степаненко, причем, повторяю, что подпись вовсе не характеризует ответственности по всех вопросам, и так как подпис....урнала

они

...то я абсолютно

291 778

по некоторым вопросам нам инкриминируется, то я считаю себя обязанным отметить, что глубоко интересной судьбой, глубокой душевной драмой для нас, присутствующих здесь является отнесение к Шумиловскому огромного количества постановлений против которых он, главным образом и высказывался, будучи всегда в левом крыле, выступая в качестве оппозиции, в качестве противника мер, которые ему вменяются в вину. Я считаю себя обязанным отметить, что пристуствующим здесь подсудимым, а также обвинителю ному заключению совершенно неизвестно ни обвинителю, ни трибуналу, как сложились отношения после начала 19 г. после образования правительства Колчака и как эта конструкция власти отражалась на тех или других проше ших здесь перед трибуналом событиях. Эта конструкция власти сводилась к следующему, когда признано было целесообразным, в виду исключительности переживаемых условий, выбрать руководителя власти всей страны, как гражданской так и военной, осуществление этого было поручено адмиралу Колчаку, который являлся таким образом и верховным правителем и верхов ным главнокомандующим, одновременно соединяя обе эти функции в своем лице. Дальнейшее управление сложилось следующим образом. Непосредственно при верховном правителе и верховном главнокомандующем находился его совет, состоящий из председателя совета министров, министра иностранных дел, финансов, внутренних дел, военного и начальника штаба верховного главнокомандующего. Далее шел совет министров возглавляющий отрасли гражданского управления, а из военного управления те отрасли, которые ему были подведомственны,. Затем большой совет выделял из себя малый совет, состоящий из товарищей министров, причем этому совету были подведомственны вопросы только второстепенного значения, только те, по которым уже имеется принципиальные решения и формальное согласие глав соответствующих ведомств. Эти меры отдавались только для редакционной чисто технической разработке, причем осведомления о текущей событиях малый совет, как общее правило, никогда не имел, так как члены малого совета товарищи министров не допускались в закрытые заседания, где обсуждались вопросы важные, и выслушивалась информация о ходе, как военных дел, так и внутренней. Эта информация была доступна только министрам мне известны случаи, когда приходилось спрашивать министра и получать ответ: все, что я мог сказать, я вам сказал, дальше вы можете почерпнуть из официального сообщения и действительно министры не имели возможности даже ближайших сотрудников посвящать, так как были связа тайной этих заседаний и подавляющее большинство того что мы слышали з

здесь было для нас полной новостью. Возвращаясь к характеристике конст
струкции власти я упомяну что верховный правитель был и верховным
главнокомандующим. Военные вопросы, вопросы войны и все сопряженные с
ними, он осуществлял их распоряжением через ответственную огромную орг
ганизацию через начальника штаба верховного главнокомандующего и штаб
верховного главнокомандующего, для краткости называвшийся ставкой.
Эта огромное военное учреждение охватывало все отрасли военного
управления на фронте и так называемой территории военных действий, а на
также и в тылу. Командующий войсками был подчинен по вопросам оператив
ным и военно политическим, а также чисто военным, не военному министру,
а начальнику штаба верховного главнокомандующего. Таким образом эта
огромная отрасль деятельности, чрезвычайно обширная, в сферу которой
входили все эти приказы Артемьева, которые здесь читались, все эти воен
ные оперативные вопросы они входили в смысле подчиненности не к военному
министру, не к совету министров, а к верховному главнокомандующему и
его штабу. Я сказал уже , что компетенция штаба верховного главнокоман
дующего только военного командования распространялась на территорию
военных действий. Я думаю, что общеизвестно, что на территории военных
действий существовали совершенно особые законы, в которые входили
почти все отрасли жизни военно-оперативной и громадная отрасль жизни
гражданской. Это положение о полевом управлении войск в военное время.
На основании этого положения лица, облеченные полномочиями по этому поло
положению главнокомандующие, командующие фронтом, командующие армиями
командующие отдельными корпусами отдельных армий и т.д. были облечены
чрезвычайными полномочиями , распространяющимися, буде то вызывается
военной необходимость на все без исключения отрасли жизни, и все
мероприятия карательного свойства, если они осуществлялись в пределах
этой полосы, они могли осуществляться на основании этого закона и
гражданские власти могли о них ничего не знать, а если бы и знали, то дей
действительно не в состоянии были бы ничего сделать. Я позволяю себе
это утверждать на основании того опыта, который я имел лично, по опыту
железнодорожников. Железные дороги входили в территорию и тыла и фрон
та и в отношении т.п. фронт мог расширяться и железнодорожники вынесли
колоссальную борьбу и ряд чрезвычайно тяжелых переживаний. Когда я поп
пытался осуществить свои права, в частности свое право защищать желез-

292 82

железнодорожников от тех насилий, которые творились в полосе фронта распоряжением безответственных начальников, действовавших на основании закона о полевом управлении. Эти насилия персональные, о которых я упоминал здесь, еще больше сказались в насилии техническом именно в захвате подвижного состава, в совершенно нерациональном использовании перевозочных средств. Как пример, укажу, что под одним эшелоном держалось по три горячих паровоза на случай, если понадобиться сделать передвижение. И особенно пришлось вести борьбу за нефтепровод, который был душой всей железной дороги, ибо без смазочных материалов машины работать не могут. Все это побудило нас к необходимости приведения в движение машин электрической нефтекачки, как например на самаро-Златоустовской дороге. Затем, десятки тысяч и даже миллионы пд. скитались под этими паровозами, стоявшими без движения. И хотя мы находили большую поддержку в лице товарища министра Введенского и указывали на необходимость сохранения этих продуктов, которые необходимы для работы дорог, мы получили ответ, что нет, военное командование, главным образом, командование чешское считает необходимым действовать так, хотя можно было переделать нефтяные паровозы на угольное отопление, что впоследствии и было сделано, когда явилась возможность действовать нам в этом районе. Я говорил об участии товарища министра Введенского и обязуюсь доложить, что эти настоящия нам пришлось довести до того, что мы составили специальную депешу на имя верховного правителя. Эта депеша была доложена, но все таки никаких реальных результатов не имела, так как военное командование, главным образом чешское, так как чехи занимали Урал, нашло наши требования неосновательными и не показало их осуществить.

ГОЛЬДБАРГ: Не разрешите ли мне спросить до какого часа или времени будут продолжаться так называемые об"яснения подсудимых. Обвинение считает возможным для себя, ввиду выявившегося характера об"яснения не присутствовать и так как неотложные дела вызывают меня в другое место, то я мог бы себя считать свободным и возвратиться к тому времени когда закончатся об"яснения.

ПАВЛУНОВСКИЙ: До 5-ти часов.

ЛАПИНОВ: Как я уже говорил полномочия военной власти распространялись на территорию военных действий. В эту территорию военных действий вошла огромная зона от Иртыша на запад. К ней присоединились другие районы где начинали действовать какие нибудь части, где начинались права отдельных частей. Так, тогда появился около Семипалатинска особый

маленький фронт и ему были предоставлены права отдельного корпуса на территории военных действий. Это огромное положение военное действовало одновременно с гражданской властью и создавало ту перспективу, благодаря которой обвинитель в своем заключении мог приписать совету министров и в частности присутствовавшим здесь вовсе не составлявшим колчаковское правительство и второстепенным персонажам целый ряд действий чисто военных, происходивших в обстановке может быть боевых действий, влекших за собою те массы жертв, а может быть эксцессов, которые никоим образом не могут быть поставлены в вину присутствующим здесь, а может быть я думаю, что это так, и совету министров вменено в вину быть не может. При совем положении обвинитель трактует как общее правило, что подпись под журналом означает уже ответственность подписавшего за точ, что в журнале находится. Как я уже показывал по некоторым вопросам, я присутствовал имея только полномочия министра путей сообщения по железнодорожным вопросам. Так,в моей памяти сохранился журнал от 15 сентября. Там я был по своим железнодорожным вопросам, голосовал за них и ушел, но подписал журнал, ибо моя подпись свидетельствует о моем участии по этому вопросу. Оговорок по вопросу я не делал, ибо таков а уже вина делопроизводства, что оно отмечает наше участие Я должен указать, что присутствовавшим в совете министров по всем вопросам было бы совершенно несправедливо ставить в вину все постановления которые в заседании выносились. Я отмечаю как пример Думиловского, а также и вменение ему постановления о смертной казни, которое ему вменено в вину быть не может. Я присутствовал при этом совещании, но абсолютно не могу вспомнить, ибо дела совета министров на пред"являемые не были для ознакомления и только впоследствии я восстановил в памяти, ввиду совершенно случайного совпадения, как это происходило. 9-го июля я уехал на линию по экстренному поручению для принятия неотложных мер для расшивки узлов, для открытия новых водоснабжений, и дата эта твердо сохранилась в моей памяти Накануне 8-го июля я был вызван Уструговым, тогда больным, к нему на квартиру., где он дал мне эти поручения о командировании на линию. Сделал целый ряд указаний, в то время просил побыть в совете министров, так как Степаненко был болен. Я поехал в совет министров ,приехал не помню в какой части заседания, но во всяком случае большую часть пропустил и будучи там, я был вызываем втечение не менее трех раз к телефону, так как ввиду моего от"езда

 293 В 85

на линию, мои сотрудники спешили получить указания и министра
так же делал мне дополнительные указания и фактически совершенно в
этом заседании не присутствовал, но так как я в нем был, по неко-
торым вопросам я вочень небольшой части, то я этот журнал подписал
впоследствии, когда вернулся из этой поездки. Вот каким образом
получались наши подписи на журнал. Между тем эта механический при
знак совершенно не являющийся доказательством, кажется обвинител
вполне достаточным, чтобы по этому механическому признаку устан
вить оценку имеющих несчастье сидеть здесь на скамье подсудимых
лиц и называть их участниками. Я все таки считаю что малый совет
этого не знал. Наше эпизодическое участие в малом совете не давало
нам кода законодательства в определенных вопросах и те обращения,
которые сделаны в обвинительном заключении являются по многим
вопросам попрежнему чрезвычайно для меня непонятными и во всяком
случае не подтвержденными основными доказательствами. Я позволю се
бе перейти к содержанию фактических обвинений против меня. В част-
ности моя фамилия фигурирует по двум абзацам, причем при перечисле
нии имен говорится, что во всех этих мерах активное участие прини
мали такие то. Эти меры следующие: здесь говорится что министер
ство путей сообщений отдало в распоряжение иностранцев все желез
ные дороги Сибири. Я покорнейше прошу ознакомиться с теми данными
на основании которых это утверждение сделано. Я имею смелость
утверждать, что тако...

Прес. Павлуновский: Подсудимый Ларионов это опровержение дан-
ных судебного следствия, это уже дело защиты, вы дайте об"ясне
ние по фактам, которые прошли перед судом Трибунала. Никакой
суммировки фактов для опровержения данных судебного следствия
я дать не могу.

Ларионов: Я позволю себе огласить факты, которые я имел ввиду
привести. Факты относительно железнодоротных случаях. Прежде
всего железнодорожным соглашением, которое было достигнуто с боль
шими усилиями, которым принес величайшую пользу России министр
путей сообщения Устругов на Дальнем Востоке, железные дороги Сибири
ри были обеспечены помощью союзных держав, главным образом по
мощью по снабжению техническому. Но управление жел. дорог факти
чески оставалось и мысли не было о том, чтобы отдать эти желез
ные дороги иностранным державам и правительствам. Я указываю

и полагаю, что его чрезвычайно легко установить формально тем, что все учреждения дороги оставались что министерство в моем лице распоряжалось этими дорогами, что ни одна копейка не поступила в карман иностранцев и установить что железные дороги чрезвычайно много приобрели при посредстве этой международной помощи которая выразилась в создании международного комитета. Для того, чтобы подтвердить это, я позволю себе обратить внимание на тот факт, что после того, как Россия вышла из строя держав, борющихся с Германией, огромные заказы, отчасти заказы на чрезвычайные цели и на важное для России дело: дорожное имущество были задержаны заграницей и в Россию не были высланы причем некоторые уже были в пути. Здесь имела место задержка громадного количества паровозов и вагонов, которые были заказаны и были задержаны в Америке. Когда удалось заручиться соглашением с иностранными державами, мы в первую голову добились, что эти старые заказы и старое имущество были в Россию отправлены и мы, действительно, начали через представителей международного комитета получать и получили очень большое количество паровозов Декапот, большее количество вагонов и частей. Эти паровозы были получены и собирались в Харбине и Владивостоке и оттуда отправлялись на всю сеть. Когда я был в Иркутске на томскую дорогу было отправлено 30 Декапотов и мы получили их, несмотря на противодействие китайской дороги, которая не хотела расставаться с паровозами и отправлять их. Таким образом заручившись согласием иностранцев, Россия получила чрезвычайно ценное имущество и из старых и из новых заказов, которые делались в счет кредита, который я частично отпустил для этих целей. Между прочим эта помощь сводится к диспечерским телефонам, которые являются чрезвычайно важным улучшением в их оборудовании, которое было поставлено здесь при помощи иностранцев. Я упомяну про те же нефтепроводы, которые мы не имели возможности за деньги получить ибо Америка отказала нам их давать и лишь при посредстве международного комитета мы получили возможность получить это имущество, оно было получено и железные дороги могли работать. Затем здесь имеется упоминание о передаче предприятий иностранцам. Я обязан отметить тот факт, что как по эксплоатирующимся, так и по строящимся дорогам заведывал этим делом товарищ министра Степаненко. Ни одной копейки здесь не было от иностранцев и ни одного вопроса, насколько мне известно об этих концессиях не поднималось.

Что касается перевозки воинских сил, то считаю необходимым указать, ямхах на существование тарифного учреждения, ведающе го отправкой и перевозкой по ж.д. дорогам о ходе всех перевозок международного командования, как персонального, так и воинских и грузовых все эти перевозки отправлялись по чрезвычайно выгодным для нас коммерческим тарифам, причем исчисления численне этого тарифа было произведено чрезвычайно выгодное для нас, а именно не в русских рублях, стоимость которых фактически стремительно падала, а в золотых рублях, об этом имеется специальное постановление совета министров. Такие исчисления действительно производились, причем ж.д. дороге возмещались национальностью следуемые суммы и если имеются указания, что бесплатные перевозки были, то вероятно обвинение нашло возможным ним приписать это указание, ссылаясь на постановление совета министров от 28 октября о бесплатной перевозке чехов. В таковом заседании я не участвовал, так как я выехал со своим эшелоном в Иркутск и повторяю, что эти перевозки и постановление совета министров или совершенно в разрез с тем порядком, который действовал раньше и все перевозки иностранного командования оплачивались. Затем я позволю себе указать, как фактическое подтверждение, что все указания, которые здесь были сделаны: " они сносятся с японским командованием об усилении Иркутска японскими войсками." "уговаривают чехо словацкие войска соединиться с ними против Советской России," " отсылают для продвижения в Японию золота в количестве 2.000 пд." " просят Японию о посылке войск на запад"- и здесь указывается, что в таких то и таких то случаях принимает живое участие и Ларионов. Я был крайне поражен, так как ни об одном таком постановлении не слышал и узнал только здесь из оглашенных обыкновением материалов, что такие постановления уже имели место, одно 30 октября, когда меня уже не было в Омске, другое 3 декабря когда меня не было в Омске. Я категорически утверждаю, что во всех этих постановлениях я не участвовал, что легко проверить по просмотру журнала, так как я не был в Омске. В этих постановлениях моя фамилия фигурировать не должна и это фактически опровергает мое участие в заседаниях. Я считаю необходимым установить некоторые фактические данные от

носительно случаев, утверждаемых в обвинительном заключении. Тут указывалось, что Степаненко с Ларионовым установили такой порядок на железных дорогах при котором рабочие никакой защиты с нашей стороны в отношении своих прав не имели. Я уже указывал в своих показаниях перед Чрезвычайной Следственной Комиссией, что такое утверждение совершенно не соответствует действительности и опровергается целым рядом фактов, которые я могу огласить, которые могли быть подтверждены свидетелями вызвать каковых нам к сожалению было отказано. Эти факты следующие: с самых первых дней моего заведывания железными дорогами, как только к нам стали поступать известия о тех насилиях и незаконностях, которым подвергались железнодорожники, я самым решительным и определенным образом выступил на борьбу с этими злоупотреблениями и защиту железнодорожников. С этой целью я дал циркулярную телеграмму неоднократное подтверждение которой можно найти в соответствующих делах, железнодорожникам вменить своим линейным агентам в обязанность о всех случаях насилия немедленно сообщать, устанавливая воинское звание, принадлежность к определенной части тех кто это насилие проводит. Немедленно телеграфно сообщать ближайшему начальнику своего управление, а также непосредственно мне. Это исключительное положение, которое в данном случае было получено, так как агенты обыкновенно не имеют право сноситься с центром. Это доказывает какую важность я придавал этому обстоятельству и я начал получать такие сообщения и принимать меры, чтобы прекратить насилие в дальнейшем, причем часто имели место такие случаи, о каких нибудь случаях неправомерности получались сведения окольными путями. Я требовал об"яснения, почему мне не было донесено, и я не имел возможности что нибудь сделать. Оказывается что зачастую железнодорожники были до того терроризированы, уже с момента беспорядочной демобилизации наших войск, и где им пришлось нести ужасные испытания, что они боялись защищаться от совершаемых над ними насилий, чтобы только не попасть в историю. И мне приходилось рядом повторных телеграмм которые в делах можно найти требовать, чтобы во чтобы то ни стало было сообщено о всех случаях и я установил такую систему, которая определенно до последних дней проводилась, что я обращался

делах. Что касается министра Устругова, который всегда был
в левом крыле правительства и отстаивал...

295

Павлуновский: Я вынужден
к высшему начальнику виновников этого насилия по принадлежности
к военному министру, к начальнику штаба верховного главнокоман
дующего непосредственно или к начальнику военных сообщений или
к военной миссии, если это было со стороны чехов, с категори
ческим требованием предать насильников суду, заслуженному на
казанию и принять меры пресечения повторения в будущем подобных
случаев. У меня в министерстве регистрировались случаи насилия
и я пользовался этим, чтобы доводить до сведения всех, кого
возможно. Я припоминаю, что когда я был вызван на доклад к
Михайлову, о его поезке на томскую дорогу, когда он сообщил
о тяжелом положении железнодорожников, о той тяжелой нужде, к
торую они терпят, я воспользовался этим и принес этот синодик
того, что делается на железных дорогах и огласил его в пленуме
совета министров и министру степаненко было предложено принять
меня, к прекращению этих насилий? Таким образом причина этих
насилий была не в нас, мы принимали против них все меры и
это может быть подтверждено всеми материалами, имеющимися в
делах. Что касается министра Устругова, который всегда был
в левом крыле правительства и отстаивал...

Павлуновский: Я вынужден ограничить ваше время еще 5-ью ми
тами в виду того, что подсудимые не ограничиваются освещением
фактов. Я вынужден вообще ограничить время для всех подсудимых
I5 минутами.

Ларионов. Постараюсь быть возможно кратким. Это заявление я
отправил за своей подписью в комитет законности и порядка и
товарищ министра Малиновский легко может этот факт подтвердит
Комитет законности и порядка рассмотрев мое заявление, издал
циркуляр, которым вменялось в обязанность военным чинам
защищать железнодорожников от насилий и незаконных арестов и
предавать виновных следственной власти. На этот циркуляр
я опирался и прибыв в Иркутск я потребовал от начальника вое
сообщений, что он сделал по охране железнодорожников. Ввиду тог
что я вынужден быть кратким я приведения фактических данных, ко
рые говорят о совещании и по финансовым предприятиям. Я должен
доложить, что этим совещанием отпускались ссуды железным дорога
Они отпускались потому, что необходимо было финансировать жел.д
которые иначе работали в дефицит и если бы правительство их не
субсидировало, они вынуждены были бы закрыться и все рабочие

и служащие, которые находили на них заработок, потеряли бы свой хлеб и были бы облечены на величайшее бедствие. Попутно с этим я вынужден остановиться на документе, который был здесь оглашен документе относительно моей деятельности от общества алтайской ж.д. Доверенность, переданная мною Лепицкому была выдана мне в 17 году, когда я был управляющим Алтайской ж.д. и выдал ее на совершенно законном основании. Я имел доверенность с правом передоверия на случай моей отставки или болезни, уполномачивающую меня произвести действия. Когда я перешел на службу в министерство, вместо меня был назначен инженер Федоров и возник вопрос, каким образом можно было облечь Федорова всеми формальными правами, распоряжаться средствами, которые принадлежали Алтайской дороге, как частному предприятию. Я обратился к своей юридической части, которая нашла возможным формальный, совершенно законный выход, чтобы я не имея возможности возвратить свою доверенность обществу Алтейской ж.д. выдал доверенность инженеру Федорову, и я такую доверенность выдал. Таким образом, то формальное право которого я не осуществил так как перешел на службу в министерство, я передал другому лицу, и этим ограничилось все участие с моей стороны. Таким образом, то освещение, которое было дано этому факту здесь совершенно не соответствует действительности, ибо я совершил только формальный акт передав в 19 г. мою доверенность, а доверенность Липского была мне возвращена, причем вознаграждения от Алтайской ж.д. не получал ни одной копейки. Никаких действий, которые являлись бы покровительством Алтайской дороге я не делал, тем более, что еще в 17 году я просил об увольнении с Алтайской дороги. Мне это было обещано и наконец мой перевод совершился. Здесь было указано, что мною была послана бумага относительно продвижения дороги на юг. Такая бумага действительно была, так как я вообще интересовался этой дорогой, считая ее чрезвычайно важной в государственном отношении. Я получил копию этого постановления и этим ограничился. Это постановление лежало у меня, никаких шагов я не предпринимал и с инженером Степаненко даже об этом не разговаривал.

Пред. Т.Павлуновский: Предоставленный вам срок истекает.

Ларионов: Что касается расходования сумм, о которых здесь говорят то это было совершенно законное перемещение из одного банка в другой. Это был счет служебный, который делается под видом подписки,

296 86

выдаваемой государственному банку при его открытии. Такая подписка была дана и из этого счета почему то обвинитель выделил только два распоряжения, но забыл другие. Например, мною было переведено 10 миллионов на уплату служащим и рабочим томской дороги, на оплату ленской дороги Что касается моего участия в тройке в Иркутске, я отвечу, что я приехал в Иркутск в качестве товарища министра, абсолютно не принимал участия в политической жизни и руководстве политикой, вел чисто техническую работу и участвовал в заседаниях малого совета Только 11 декабря я вступил в исполнение заместителя министра и даже в это время в закрытом заседании совета министров не участвовал. И во многих заседаниях, когда я приходил в заседание совета министров, я вынужден был ждать пока закончится закрытое заседание, а иногда уходил поздно ночью, так как заседание до моих вопросов не доходило. Только 20 числа, когда стал председателем Червен-Водали он пригласил нас в заседание закрытого совета и только тогда я получил участие в большом совете. Мое участие в переговорах с политическим центром сводилось только к переговорам 2,3 и 4 января. Об этом подробно изложено в моих показаниях имеющихся в моем деле. 2 и 3-го мы мы поехали с Ханчиным, чтобы добиться согласия на переговоры и его добились. 3-го мы вернулись вместе с Вагиным и вели предварительные переговоры, результаты которых на другой день был доложен Червен-Водали, и затем совету министров. 4-го когда мы после чрезвычайных технических трудностей явились туда, я присутствовал на этих переговорах, где было достигнуто соглашение по основным пунктам и был вызван к телефону в японскую миссию. Председатель тов. Павлуновский. Ваше время истекло, я мог продлить еще на 2 минуты.

Ларионов: И здесь впервые мы узнали об уводе Семеновым 31 арестованных. Я отдал распоряжение немедленно их вернуть и дал распоряжение передать командующему войсками оставленному Сычевым, который ждал в Иркутске, что заключается мир и поэтому оставшиеся войска не должны стрелять. Вот эти два действия были единственными моими действиями, сделанными во время этих переговоров. Полагаю, что из них никоим образом не следует агрессивный характер этих действий, а наоборот. И узнав в заседании совета министра я послал телеграмму с приказанием Сычеву вернуть арестованных, которые тогда же были отправлены через чешское командование. Я утверждаю, что я не знал, что имеется распоряжение Скипетрова отправить арестованных. В документах Червен-Водали имеется предписание от Скипетрова 3-го января,

т.е. тогда, когда я находился на том берегу и вел перговоры и от города был отрезан: Возвращаясь к этому вопросу, я подтверждаю, что Червен, Водали в качестве председателя отдавал распоряжения, или вернее настойчивые требования, чтобы никаких военно полевых судов не было и что Сычев должен принять охрану неприкосновенности личности этих арестованных, на что и было из"явлено согласие. Этим я заканчиваю об"яснения.

Павлуновский: Об"являю перерыв, чтобы подсудимые суммировали свои об"яснения. Больше 15 минут для об"яснений я давать не буду, иначе получается, что подсудимые будут иметь двойное последнее слово.

297

28 мая 1920 года/ после перерыва/.

2-3 ч.

Председатель: Заседание Рев.Трибунала возобновляется, слово принадлежит подсудимому Степаненко.

СТЕПАНЕНКО: Западно-Сибирским комиссариатом я был приглашен в ведомство путей сообщений главным образом, как специалист по жел. дор. делу , т.к. 30 лет своей жизни непрерывно работал в этой области собрания народных ценностей. Здесь за мною числятся некоторые работы, которые имеют общегосударственное значение, как напр. организация и осуществление огромного и чрезвычайно ответственного и сложного дела во Владивостоке- сборка американских вагонов. Согласившись на восстановление транспорта в стране в тот момент я тем не менее осведомился о возникшей власти, вполне убедился в том, что возникшая власть совершенно не стремится к восстановлению старого, что наоборот возврата к старому не может быть, что она стремится восстановить государственный строй на демократических началах, что отвечало моему настроению и я спокойно принялся за техническую работу по восстановлению транспорта в стране, участвуя в правительстве лишь постольку, поскольку к этому обязывало меня мое положение. При Сибирской Директории я участвовал с совещательным голосом. В административном совете мне не пришлось участвовать, так как я имел служебную поездку на Дальний Восток, а в Совете Министров, я принимал лишь спорадическое участие. Таким образом я работал, как специалист и никоим образом как политический деятель, да я и не мог быть таковым по своему душевному складу. Но в области своего ведомства я не мог проводить эту политику возвращения к старому, что главным образом инкриминируется мне, не только по своему душевному складу, но и потому, что я думал, что транспорт в стране должен стоять вне политики, которая руководит всеми методами и приемами, это политике целесообразности для работ транспорта как такового. И вот исходя из этих мотивов целесообразности и был предпринят мною тот ряд мер, на которые между прочим указывается в обвинительном акте. Так напр. мною прежде всего было введено единоличное управление на местах и в центр. Раньше

были всюду коллегии. Так напр. Омская ж.д. упразднив должность Начальника дороги и его помощников установил правление совета ..... помощнико установил правление совета ж.д.депутатов, который состоял из 80-ти лиц и из него выделялся исполнительный орган, который состоял из 16 или 20 лиц. Очевидно, что что такая коллегия требовала массу специалистов, которых не хватало, и раньше, это во первых, а во вторых в таких коллегиях никто не чувствовал определенной ответственности между тем, как для того, чтобы управлять этим делом необходимо сознавать точно свои обязанности и свою ответственность. Это было первое, ч о заставило меня решиться на меру введения единолично го управления на местах, так как на каждом участке тяги или пути была коллегия, которая отрывала массу полезных средних служащих и рабочих от их прямой обязанности, где они были более полезны, чем в правлении, в котором они оказывались недостаточно компетентны и другим методом управления была организация центрального управления приглашение надлежащих сотрудников, в том числе и Ларионова, затем предоставление большей инициативы на местах, децентрализация власти и т.д. и благодаря этим принятым мною методам все таки в результате в течение времени моего заведывания транспортом при Сибирском правительстве с июля по ноябрь транспорт непрерывно рос. Ежедневные, неуклонные, беспристрастные цифры, показывали, что количество перевозок с Востока на запад ежемесячно увеличивалось. Кроме того, брошенный произвольно и оставленный владельцами водный транспорт был взят правительством в свои руки и этот водный транспорт втечение навигации осуществил огромную работу по перевозке десятков и сотен тысяч пудов В это время были осуществлены государственные мероприятия чрезвычайно важные в роде устройства и сооружения Илимского тракта А.....тракта была реформа водных округов с целью предоставления большой инициативы на местах, затем шоссейные дороги были об"единены для упорядочения этого дела еще ряд других мер. Основано было особое совещание для урегулирования вопросов между предпринимателями и рабочими, вопросов труда и т.д. Таким образом этим все мероприятия совершенно не исходили из общей государственной политики и хотя некоторые приемы здесь представляют собою вращение якобы к старому, но я повторяю, что это было таря

298

т требование целесообразности, а не возвращение к обще- государ
ственной политики, каковая здесь не имела с виду. Что
касается обвинения по отдельным инкриминируемым пунктам, то
должен доложить, между прочим, что относительно введения мили-
ции я уже указывал, что введение железнодорожных жандармов
не находится ни в какой связи и это те м более меня удивляет
что эти жандармы были именно мною уволены. По крайней мере меня
переворот застал во Владивостоке и я прежде всего уволил этих
жандармов, здесь же была обыкновенная милиция. Что же касается
двух пунктов законов, которые караются смертной казнью, должен
заявить, что я принциниальный противник смертной казни вообще
говоря и считаю высочайшим и гуманнейшим государственным актом
отмену таковой, где бы она ни была. Что же касается подписания,
то здесь было достаточно об"яснено предшествующими ораторами,
что это часто являлось совершенно вне воли и об"ясняется
совершенно иначе. Вчера между прочим было недостаточно раз"яснено
и мое участие в том, что было назначено вознаграждение за пода
вление восстания в Тобольской тюрьме: сколько я припоминаю
это был доклад Министра Юстиции по докладу Начальнику губерн
нии он заключался в том, что подавление восстания произведено
было не тюремщиками, а гарнизоном награды же даны были тюремщик
кам за то, что они потерли некоторую часть своего имущества.
Этим же об"ясняется и разница в сумме этой выдачи. Пенсии
были назначены не только полицейским властя, а вообще всем граж
данским чиновникам и все они регулировались общим законом ранее
прошедшим и утвержденным и не было оснований возражать в конце
против этого. Относительно тех правопорядков, о которых го
ворится в конце этого обвинительного акта, я должен сказать, что
что вопрос относится ко времени существования Сибирского прави-
тельства, когда мне непосредственно приходилось в этом участвов
вать. Но я должен сказать, что здесь вероятно имеется ввиду пр
проведение и реформирование проф. союза, потому-что на этой
почве можно подумать о нарушении прав рабочих и т.т. и должен
сказать, что я встретился с необходимость проведения единолич
ного управления на местах и это обстоятельство создало недоволь
льство и сопротивление проф. союзов. Не было совершенно мысли
и идеи об упразднении таковых, но так как проф. союзы пред"я
вляли требования о праве вмешательства в дела управления, что

сделало бы невозможным организацию этого дела, то нужно было устранить вмешательство их в дело управления. Поэтому представилась необходимость реформировать эти союзы по иному принципу: не по территориальному, а по профессиональному принципу и это обстоятельство устраняло от возможности вмешательства в технику управления, но все же не было речи об упразднении проф. союзов. Может быть это носило в себе некоторое несовершенство и требовало в будущем исправления я этого не оспариваю, потому что в строительстве делается приблизительные штрихи того или иного начинания.

Я хочу два слова сказать относительно той революции, которая мне инкриминируется- на секретное отношение министра внутренних дел или Военного министра относительно забастовки. Эта бумага от 19 или 20 апреля подписана мною и аддресована начальнику дороги. Та было указание, что возможность возникновения забастовки вследствие низкого уровня заработной платы и вот моя резолюция исключительно к этой области и относится. Так как это вопрос чрезвычайно сложный, так как Министерство дает только директивы об установлении сдельной или премиальной платы и так как это чрезвычайно сложный и трудный вопрос, то выработка нормальной и правильной оценки есть функция известного времени ли процесса. Нужно присмотреться к обстановке и тогда говорить о сдельных ценах, тем более, что я лично уверен, что никто в Министерстве не сносится непосредственно ни с какими контрразведками. Это была бумага от министра, а не от контр-разведки. Кроме того я не помню чтобы в апреле месяце была забастовка, было восстание ничего общего не имеющее с забастовкой, но чтобы были эксцессы я не помню, и сколько я не собирал сведения, я этих сведений не могу получить Кроме того гражданином обвинителем была прочтена телеграмма Гайда где он требовал суровых мер над забастовавшими рабочим водного транспорта. Он вероятно адресовал ее Министру Путей Сообщения, но кроме того должен сказать, что по этому вопросу и посредственных сношений с Гайдок не могло быть, он распоряжался в пределах фронтовой полосы. Кроме того эта забастовка не осуществилась, о ней ходили слухи, но она не имела таких последствий, какими грозил в своей телеграмме Гайда. На такую телеграмму я бы не мог реагировать, я себе не могу приписать этой телеграммы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово принадлежит подсудимому Жуковскому.

ЖУКОВСКИЙ. Моя работа по министерству Иностранных дел началась в 1909 году и втечение 15 лет я проходил свою службу исключительно по консульской части. В 1914 году по возвращении в Петроград в связи с началом Европейской войны я посвятил свои силы призрению сирот воинов, причем работал три года в качестве ревизора при председателе Совета Министров. Затем переехал в Самару в 1918 году по тем соображениям, что средств не хватало на жизнь в Петрограде, занимался преподаванием музыки в народной консерватории и в конц. 1918 года я получил предложение вступить в состав Министерства Иностранных дел в Омске. Здесь мне была отмежевана именно та часть, которая была связана с моим консульским опытом. В большой внешней политике, которая исключительно лежала на управляющем ведомством, я никакого участия не принимал, ни у одного из иностранцев никогда не был и ни один иностранец со мною сношений не поддерживал. Я ни разу не имел доклада у Верховного Правителя, ни разу не сталкивался с Верховным советом, и никого не знал из тех лиц, которые стояли близко к Адмиралу. Когда началась эвакуация, то мне было предписано сесть в поезд Адмирала, чтобы расшифровывать телеграммы от Управляющего Ведомством и получать от него указания. Целые дни и ночи мы с моим помощником сидели над распутыванием этих телеграмм. Что касается до данных обвинительного акта, то там указано мое участие только в двух заседаниях малого совета, касавшихся каких введения смирительных рубашек кандалов назначения пособия тюремщикам Тобольской тюрьмы. По этому поводу и припоминаю, что по этому делу был доклад Грана, который говорил, что недостаток средств чрезвычайно затрудняет тюремную администрацию. В другом деле шла речь о подавлении восстания гарнизоном, когда пострадало имущество надзирателей и в возмещение этих убытков Малый совет принял ассигнование. Мне остается только сказать о тех стихах, о которых упоминал обвинитель. Я прошу Рев. Трибунал обратить внимание на то, что это является моим интимным переживанием, стихи не предназначались для пропаганды, а только выражают мое собственное интимное чрезвычайно тяжелое переживание того времени. В связи с деятельностью моей, как чиновника и гражданина, они не стоят. Как чиновник я был аполитичен и пойдял к тому правительству, которому я служил, и

которое оценивало мой опыт и знания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит подсудимому Писареву.

ПИСАРЕВ: Я скажу немного и буду краток. По положению главном управлении по делам Исповеданий я, как товарищ Главноуправляющего, не имел права решающего голоса и таким образом ни в одном из актов правительственной деятельности политической и военной я не имел права решающего голоса. Я не участвовал ни в заседаниях Административного Совета, ни в Военном Совете, у Адмирала Колчака я ни разу не был, в Большом совете я участвовал только иногда когда мне приходилось замещать главу ведомства, но и здесь я не имел права решающего голоса. Отсюда ясно, что те обвинения, которы помещены в обвинительном акте не могут быть приписаны мне ввиду моего пассивного положения в правительстве. По поводу обвинений которые были выставлены против меня, как например неправильная отчетность, которую за меня произвел чиновник Начальник отделения Чернавский/ на 40.000 , будто бы за счет 100.000 кредита получе ного мною на культурно-просветительные цели, я заявляю, что эти сто тысяч на культурно просветительную деятельность были израсходованы и учитывались по особому учету. 40.000 это была совершенно другая сумма по другим ассигнованиям, причем здесь было указано, что они были отосланы моей жене. Это полнейшее недоразумение потому что я жене послал совершенно особые деньги, которые я дал ему, как частный человек частному человеку. И эти деньги я послал в Бийск. Что касается обвинения в контр-революционности на основании статей "Сибирского Благовестника," где я был редактором по поручению Томского Соборного Совещания, то я должен сказать что те статьи, откуда обвинитель почерпнул инкриминируемое мне обвинение, не могут мне ставиться в вину, потому что они мне не принадлежат. Это статьи ведомственные, они составлялись с специальным представителем. Между прочим это было в то время, когда я еще не был товарищем Министра, а был членом Высшего Церковного управления, больше года тому назад. Этот журнал я сознательно не продолжал и прекратил его редактирование на второ номере, потому что он не соответствовал моим убеждениям. Вот все те об"яснения, какие я нахожу нужным высказать по поводу тех обвинений, которые были выставлены обвинителем. Если Вам у дно я могу указать, на мою прошедшую деятельность.

300

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Суд не считает достаточным Ваше об"яснение. Слово принадлежит подсудимому Клафтону.

КЛАФТОН: Меня обвиняют в сознании клеветнической печати в в измене и вместе с тем надо мною висит тягостное обвинение выразившееся в шести пунктах. Я уже неоднократно излагал Рев. Трибуналу обстоятельства, в которых отдельные советские деятели обратились ко мне с просьбой и по отношению к этим советским деятелям я выполнил свою роль. Здесь фигурировал , как нейтральное лицо, в добросоветсность которого верили и эту часть задачи я выполнил и с этого дня я считал себя свободным человеком и мог возвратиться к той деятельности, которуя я вел всю жизнь: Я все время был журналистом и земским деятелем. Те обвинения, которые мне предявлены возможны только по тому,у, что я здесь чужой человек, на родине и там, где я работал, такое обвинение было бы немыслимо. Сюда да меня привезли больным брюшным тифом. Гражданин обвинитель говорит, что ему неизвестно, когда я приехал, - по домовым книгам можно установить, что я привезен 20 октября. Тиф протекла в чрезвычайно острой форме и осложнился сиокардитом со всеми последствиями сердечной болезни. Когда я встал с болезни около Рождества, я застал сложившуюся государственную власть в лице Колчака, а также и тот Восточный Отдел партийного комитета, деятели которого просили меня принять участие в качестве его председателя. Они ко мне обратились потому не самому, почему обратились ко мне и советские деятели. Я долго не соглашался, но когда встал передо мною вопрос, что нельзя избрать никого, кто бы сохранил в чистоте принципы партии Народной Свободы, когда мне указали, что в противном случае здесь будет просто закрыта вся организация партии Народной Свободы, я согласился временно быть председателем с тем, чтобы в это время партия подыскала сибиряка имеющего большое русское имя, так как я для сибиряков неизвестное лицо. На это согласились и я лично указал на Востротина, с которым вели переговоры, причем я заявил, что если никто не пойдет, я созову конференцию, которая изберет президиум.

Моя деятельность в качестве председателя партийного комитета была чисто декоративная, она сводилась к тому, что я сохраняя все положения партийной программы, но с каждым днем моего пребы

вания мне становилось все более и более ясно, что я был поставле
во главе восточного комитета для того, чтобы противопоставить ка
кое нибудь влияние той группе, которую здесь неоднократно назы
вали. С первых дней началась эта сперва глухая, а потом совершен
но открытая борьба. Я уже рассказывал какие меры мною приняти
для того, чтобы парализовать деятельность этой группы. Фамилии
которые здесь оглашались были связаны с фигуральным выражением"
"шептунов" и как представитель партии- не те представители партии
которые были занесены Революционной бурей 1917 года, а как старый
партийный работник, я не мог взять на себя роли обратного
шептуна и шептать влево, когда другой шептал вправо и я ограни
чился только обузданием тех элементов, которых нужно было
обуздывать. Что касается политической роли, то мне, как и всем
другим здесь на этой территории находившимся казалось, что в
лице Колчака мы имеем честного национального вождя и патриота,
вокруг которого группируются демократические элементы и мы искр
но верили в демократические декларации, которые издавали и Верх
ний Правитель и Правительство, веря в то, что в этом правител
стве находятся люди безусловно демократически мыслящие и чувству
ющие. Мы видели, что у этого правительства не существует програм
что оно не имеет никакой власти, это нам было ясно по конструкци
этой власти, было ясно, что оно не может быть сильным, потому чт
оно создалось в силу тех исторических причин, о которых здесь
нельзя говорить и о которых будет написан целый ряд книг,- но
тогда еще не было ясно, что мы не имеем диктатора Колчака, а
имеем игрушку в руках целого ряда атаманов с одной стороны и с
другой стороны той ставки и военщины, о которых здесь говорили: был
диктаторы, но не было диктатора. Судебное следствие подтвердило
с ужасающей ясностью это положение. В то время, когда совет ская
власть, которая не боится эксцессов, здесь не создалось ничего,
ни армии, а развился тот букет жестокостей и ужасов, который
является признаком бессилия. Но у нас была вера, переворот на
отбросил в сторону элементов, которые поддерживали правительств
и нам казалось, что это было нужно. Я уже сказал, что события
застали меня в такой роли, которую никоим образом нельзя под
вести под понятие участия в бунте. Я

301

Лично никакого участия в бунте и восстании не принимал и во всю свою жизнь не принимал участия в заговорах, бунтах, и восстаниях. Моя деятельность протекала в другой области, и если я согласился быть председателем Восточного Отдела, так только в силу тех обстоятельств, о которых я говорил. Между тем мне брошены такие обвинения которые бы могли быть брошены в том случае, если бы ~~министрами~~ я был товарищем министра, министром или чиновником. Та деятельность, которая началась I июля 1919 г. в качестве Директора Русского Бюро Печати, не подходит не под одну из этих категорий: тут можно говорить о клеветнической печати, но не о моем участии в правительстве и ответственности за мои действия. Моя деятельность была качественно отлична, она охватывала круг идей, которые проводило правительство но не больше: Этот круг- единая Россия, правовое государство, Учредительное собрание и т.д. Поскольку мы проводили эти идеи и их декларировали о правительстве, постолько деятельность наша совпала, но ни я, ни мои сотрудники не были связаны со всеми остальными выступлениями правительства. Мы могли в любое время закрыть свое учреждение перейти на другое положение. Самый тягостный из всех пунктов - это пункт - обвинение в убийстве. Я должен сказать, что я лицо окончивший медицинский факультет, по самому своему образованию не могу защищать или одобрять такое положение, но как раз в первые дни моего пребывания в качестве председателя Восточного Отдела партии Народной Свободы совершились те события, которые я здесь узнал на суде из оглашенных здесь показаний, из допроса Рубцова и т.д. Я должен Вам сказать, что обвинитель, который сомневается в том, что этот документ-протест состоялся под моим председательством, высказывает такое сомнение совершенно напрасно. Когда я об этом узнал/я созвал не только Восточный Отдел, но и пребывающие здесь Комитеты Сибири и беженцев на собрание в количестве 50-ти человек и я лично выступил с речью о том, что невозможно терпеть то, что произошло. Вы может быть мне не верите, когда я вам скажу, что в числе этих 43 человек погиб мой ученик Георгий Сап . . . . ., так что среди общих причин, были причины личные. Этот протест, в котором мы высказывались, указывая на безсудные расстрелы, создали чрезвычайно тягостное положение для нас,

302

и я его заявил Г авноуправляющему Делами Совета Министров Дельбергу и Пепеляеву.В этом протесте мы указывали на необходимость предания суду,на полную нетерпимость в государстве такого положения,что оно колеблет государственныйаппарат,что оно колеблет правовое сознание в народе и что государство при таких условиях не может существовать.Обвинитель говорил о земском Союзе в Америке,что этот земский союз уловляет большевиков.Я должен указать в ответ на этот намек один факт:приблизительно в мае месяце я получил бумагу от председателя Барнаульской следственной комиссии о том, что ко мне обращается подсудимый с просьбой,не могу ли я подтвердить,что он меньшевик с.д.и сказать все,что я могу сказать о его деятельности. Я немедленно отметил на эту бумагу,он был освобожден,он принял участие в восстании и теперь состоит членом Совета Рабочих Депутатов.Согласитесь, что бросать мне намек на такое деяние могут только в Сибири где меня не знают.

Главное обвинение - это обвинение в клеветнической печати.Здесь я должен сказать,что я лично в течение 30-ти лет состою журналистом. Будучи 19 летним юношей я был привлечен к процессу "Народной Воли",просидел в крепости,был три года в ссылке,создал в России целый ряд газет,Первый Всероссийский орган,в котором принимали участие деятели больше визма,и меньше изма и кадетизма,в котором принимал участие П.П.Маслов.В 1906 г. я был привлечен за пропаганду рабочих.Затем в моей Вятской газете принимал участие Максим Горький.Эта газета бы а закрыта за разоблачение Распутина в 1916 г: и сказать,что я здесь позволял себе бороться с большевизмом путем клеветы,это значит ничего не знать моего прошлого.Меня можно обвинять в заблуждениях,ошибках и в преувеличениях,как во всякой агитационной литературе я допускал может быть карикатуру и гиперболы,но ни в коем случае не клевету.Насколько мы были далеки от клеветы указывает те источники,которыми мы пользовались и которые заслуживают полного доверия.Это была Пермская профессура, Вотканские и Ижевские рабочие,которые бежали и которым мы не могли не верить.Это был период вашей власти и оценивая так или иначе этот период мы могли допускать ошибки,но были далеки от клеветы. Обвинитель здесь указал на то,что для заграничной агитации мы создали целый ряд учреждений и тут я о ращаю внимание на фактическую ошибку:было указано,что у нас было отделение в Пекине,на самом деле

303

его не было и не было да е корреспондента. Я прошу Революционный Трибунал обратить внимание на те документы, которые были в деле.

Мне брошен упрек в том, что Русско Бюро печати пользовалось народными деньгами. Документ на миллион четыреста тысяч рублей, который я немедленно передал членам правления, показывает, что ни одной копейки нет на моей совести и что наоборот я не получил двухмесячного жалованья, что деньги лично мои и я лично никаких денег не расходовал.

Обвинение в том, что я мог быть близок к таким реакционным группам, как Кардецкий, я уже опроверг. Когда я стал директором Русс ого Бюро печати, я стал добиваться удаления от "Сибирской Речи". Я ставил условия сотрудникам, чтобы никто не работал в "Сибирской Речи" и это повело к тому, что у меня произошел полнейший ра рыв с Кардецким, который кончился прекращением знакомства. Почему меня упрекают близостью к эт й группе, я не понимаю. На открытии конференции, на которой я в конце концов заявил о своем отказе, я говорил о полной невозможности возврата к старому строю- не к советскому, а к старому строю, -ни в политическом ни в экономическом смысле. Когда я был на аграрном совещании я говорил, что нельзя изменять тот земельный уклад, который был завоеван революцией и протестовал против всякого изменения земельных отношений. На конференции я заявил, что мы можем настаивать на том, чтобы наша программа 1917 г. осталась в чистоте, и конференция единогласно постановила, что она остается верная принципам 1917 г. Я заявил, что нашим идеалом остается представительный строй на началах демократии. Я был противник большевизма и был директором Русского Бюро печати, но это не было явление клеветнического порядка, это было явление идейной борьбы, от которой я не имел выгоды. Между тем дата то акционерное предприятие, в котором я был директором распорядителем, было ограничено прибылью в 5 %. Я не могу дать об"яснений по этому поводу, потому, что я не в курсе дела, но я знал, что по расчетам с казной было 7.000.000 р.

В дороге осталась великолепная типография ,одна осталась в Екатеринбурге, одна в Иркутстке.Я ссылаюсь на "Известия Иркутского Революционного Комитета",которые при нали нашу типографию лучшей в Сибири.Согласитель,что одна типография стоит больше 7.000.000 р. сибирскими деньгами.Поэтому я не могу понять упрека втом,что в области метариальной мы нанесли трудовому народу какой-нибудь экономичес ий ущерб.Нам удалось создать такую т пографию,которая является национальным не расхищением,а приобретением.

Я вов при адлежал к так наз. трудовой интеллигенции,никогда я не имел никакой собственности и в этом отношении не могу быть причислением к этой группе,которая здесь инкриминируется,как группа промышленников и помещиков,вдохновляющая пр авительство. Я был очень очень далек от группы,которой руководил Мардецкий,я должен сказать,что эта группа ничтожная по самому существу,но я далек был и от той группы,которой было присвоено имя Лопухина. Лопухин после того,как имя его было привлечено к разоблачениям военно-промышленного комитета должен был уйти из членов нашего правления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово при адлежит подсудимому Цеслинскому.

ЦЕСЛИНСКИЙ. Из обвинительного акта я узнал,что деятельность моя возведена на неподобающую высоту.Должность моя была приравнена к должности министра и Главноуправляющего,между тем дело обстояло совершенно не так.Директория назначила меня на должность Начальника Главного Управления почт и телеграфов,затем при рассмотрении сметы и утверждения инструкций Главного Управления было упомянуто, что конституируется главное Управление почт и телеграфов на основании законоположений №№ 319 и 356,в силе чего я не имел права участвовать в заведании совета министров и поэтому те упреки которые мне поставлены здесь за участие в Заседании Совета Министров 7 ноября прошу с меня снять,ибо в этом отношении себя виновным не призна ю.В дальнейшем мне инкриминируется,что вместе с губернатором Пильцем скрывал факт непередачи депеши . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это было сказано в качестве характеристики, а не в качестве обвинения.

ЦЕСЛИНСКИЙ. Это было известно тем лицам,которые меня направ-

305 95

ляли на должность Главноуправляющего и власти в Иркутске также знали, об"яснением фактов моим удовлетворялись и ко мне никакого обвинения не имели. Я очень прошу принять во внимание это мое заявление. Дальнейшее обвинение состоит в том, что я закрывал издание газеты. Оно тоже не соответствует действительности. Газет я не закрывал, распоряжений по этому поводу сделано не было и это обвинение является необоснованным: если мне председатель разрешит я воспользуюсь и доложу каким образом я попал на должность Начальника Главного Управления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это не так важно. Ваше дело вполне конкретно. Вы нам скажите по существу выдвинутых в процессе обвинений и фактов.

ЛЕОНТОВИЧ. Что касается стеснения образования Профессионального союза, то в данном случае, как Начальник Главного Управления Почт и Телеграфов входящего в состав Министерства Внутренних Дел, на правах Директора Департамента, я совершенно не вел внутреннюю политику. Политику вел министр внутренних дел и этот вопрос о стеснении проф.со за тем циркуляром, который подписан был покойным Пепеляевым, исходил уже из его канцелярии, затем он был предоставлен в Юрисконсультскую Часть и препровожден ко мне. Таким образом я виновать в том, что я скрепил этот доклад, но я позволю себе доложить, что прежде, чем опубликовать его я послал в Сенат справиться о юридической правомочности этого циркуляра. Мне ответили, что в никоем случае он сенатом признан не будет и при первой жалобе будет отменен. Я об этом докладывал министру, Министр с этим не согласился: "Я сам юрист, потрудитесь это исполнить". Я это исполнил, но при встрече с Шумиловским я просил принять меры к урегулированию вопрос о профессиональном союзе, Шумиловский мне обещал
выразил свое содействие, мы договорились до того, что будет созвано междуведомственное совещание, чтобы восстановить закон 12 марта 1917 г., по которому каждый гражданин волен участвовать в образовании проф.союза. Таким образом здесь я не могу признать себя виновным, как лицо действующее самостоятельно, а только, как лицо, которое скрепило эту подпись. Ответственным за этот проект по закону является Министр Внутренних Дел.

306

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. . . .Слово принадлежит подсудимому Ячевско му.

ЯЧЕВСКИЙ. Я состоял в должности Министра Внутренних дел около шести месяцев 1919 г.Предлагая мне должность товарища Министра,Министр Пепеляев категорически мне заявил,что политику он оставляет за собой,от меня он будет /требовать черновой работы по будничным текущим делам.Так это и было и только во время отлучки министра мне пришлось его несколько раз замещать в заседаниях Совета министров,когда я непосредственно соприкасался с политическими вопросами.В это время Пепеляев вызывал меня к прямому проводу,требовал от меня доп ладов по самым важнейшим текущим делам и давал мне определенные указания,которые должны были быть для меня обязательными.Я далек от мысли сва ивать с себя вину на тех,которых нет более в живых.Я сознаю необходимость вести соответственную ~~часть~~ долю ответственности за деяния,в которых я участвовал соразмерно той роли,которую я играл в ряду правительственных деятелей.

Переходя к тем частным конкретным пунктам,которые отмечены во время судебного процесса,я считаю долгом доложить Трибуналу мои нижеследующие об"яснения.Первый пункт касается того постановления Совета Министров,который подписан в числе прочих и мною - выдачи трехмиллионного дополнительного вознаграждения железнодорожным служащим по случаю работ во время эвакуации.Это деяние представитель обвинения квалифицирует, как разрушение народного достояния.Эта квалификация,смею думать,не вполне отвечала действительности.На самом деле дело обстояло гораздо проще.В со те министров был вопрос о воз награждении ж.д. служащим за сверхурочные работы и полагаю, что это вознаграждение должно было быть отпущено и поэтому я подписал журнал спокойно.Другое обвинение - поручение Министру финансов Гайеру войти с японскими представителями в сношение в связи с ~~предполагаемым~~ увеличением японских гарнизонов на Востоке для несения охранной службы.Я должен сказать,что вовлечение иностранных войск на внутреннюю бо ьбу составляет страшные страницы в каждой стране.В данном случае,если я не выступал ,то это было по двум причинам:во первых к тому времени на Дальнем Востоке давным давно охранную службу несли отчасти американские войска,отчасти японские и в данном случае передо

307

мною стоял вопрос не впервые уже возникавший в Совете министров. Это был дальнейший ход событий, начавшийся гораздо раньше и события вся подвинулись так далеко, что возражать против этого в то время было совершенно безполезно в особенности, если возражение исходило от случайного участника в Совете Министров, каковым я в то время являлся. Во вторых я присоединил свой голос между прочим по тому, что дело шло главным образом о сохранении железных дорог. Ясное дело, что с уходом чехо-словацких войск и за отсутствием наших войск, наша единственная железнодорожная магистраль осталась без всякой охраны и более чем вероятно, она делалась бы ареной внутренней борьбы, а это грозило полным разрушением народного достояния, следовательно мою подпись под деянием, цель которого была сохранить это народное достояние, не могу себе поставить в вину. Третий пункт брошенный мимоходом представителем обвинения касается моего препроводительного письма товарищу министра Юстиции Малиновскому. К этому письму был приложен проект циркуляра комитета законности и порядка и вот это письмо навело гр-на обвинителя на предположение на существование каких-то таинственных подозрительных сношений между товарищем министра Малиновским и мною. Ничего подозрительного из себя это письмо не представляет для всякого знакомого с канцелярским делом это письмо типичный пример отношения одного товарища министра к другому, чтобы это попало именно тому тов. Министра, к которому оно должно было попасть. Малиновский являлся заведывающим всем делопроизводством комитета и докладчиком по этому делу и ему должны были направляться все документы и бумаги, долженствующие в последствии быть предметом суждения в комитета. Вот почему моя препроводительная бумага была послана на имя Малиновского и ничего подозрительного в этом не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит подсудимому Палечек.

ПАЛЕЧЕК. Во время судебного следствия обвинителем был задан вопрос относительно моей прежней службы вообще и в частности службы во время министерства Кассо, чему обвинитель очевидно придает значение. Позвольте мне сказать, что в Минитер-

308

ство Народного Просвещения я вступил через три месяца по окончании университета, в 1902 году, работал в области ученых учреждений и высших учебных заведений, преимущественно по вопросам финансово-хозяйственной части. Проходя все служебные стадии, я к концу 1907 г. занял более или менее самостоятельное положение в первой моей крупной работой был законопроект о народном Университете Шанявского в Москве. Законопроект этот был выработан еще в Министерстве Кауфмана, был внесен в Государственную Думу, я должен был являться представителем Министерства для дачи об"яснений, но в окончательном виде этот законопроект встретил некоторые изменения, так как следующий министр нашел его слишком либеральным, он взял его обратно, а меня отстранил от об"яснения государственной Думе. Хотя этот университет стал прототипом у свободного русского университета, все же он явился не в том виде, как я его вносил. С 1908 года я занял место заведывающего учеными учреждениями и высшими учебными заведениями и здесь я работал по учреждению материального положения ученых учреждений и высших учебных учреждений. По этой должности мне приходилось касаться и вопросов, на которых так или иначе отражалась политика Министерства, именно личного состава студенческого [illegible] отдела. Когда министром Народного просвещения стал Кассо, то уже в течение первого месяца из моего ведения был из"яты эти две отрасли. Первый мой доклад был по [illegible] поводу одного из профессоров, которого они утвердили: они убедились, что они во мне не найдут того, что они хотели и выбросили меня под предлогом обременения меня большой работой, оставив на меня [illegible] исключительно область финансово-хозяйственную и за этот период 1911-1915 год все ученые учреждения начиная с Академии наук и кончая обществом исследования Сибири, получили кто новые штаты, кто большие ассигнования. Вот чем характеризировалась моя деятельность при Кассо. Мне очень жаль, что обвинителя здесь нет. Я по своей службе в Петербурге был близко знаком еще с одним учреждением - Психоневрологическим институтом если он не был разогнан, то только благодаря тому содействию, которое я ему оказал. Затем я продолжал службу с Игнатьевым. Здесь моя деятельность была расширена и кроме заведывания учеными учреждениями и высшими учебными заведениями мне пришлось познакомиться с деятельностью Министерства, и так она продолжалась до 25 октября

309 Д-99

1917 г.Как вам известно этот период охарактеризировался политической забастовкой,в этой забастовке участвовало и Министерство Народного просвещения.Но я должен отметить,что через десять дней после переворота,я в комитете случаних указывал на ошибочность этой забастовки и если бы каждому из нас были пред"явлены несовместимые с нашей деятельностью требования, мы бы должны были выйти.Эти требования пред"являлись в феврале месяце,поэтому я принял участие в делегации к Луначарскому. Он заявил нам,что считает наш отказ государственным преступлением,но он понимает,что эта была политическая ошибка,поэтому Советская власть нас амнистировала и не видит препятствий к нашему обратному поставлению на службу,если встретится необходимость.Первого марта я был единогласно избран Советом Пермского Университета.В Перми я оставался все время.Вам известно, что в конце 1918 г. Пермь времено вышла из обладания советской власти,но Пермский Университет не эвакуировался и продолжал существовать.В апреле 1919 г. я получил от Министра Сапожникова предложение вернуться в министерство для той работы,к которой я был подготовлен всей моей предшествующей деятельностью. Познакомившись с общим бюджетом Министерства Народного просвещения меня интересовала возможность работы в Сибири,так как я знал,что эта огромная часть государства оставалась вне того максимального влияния,которое онадолжна была привлечь,и возможности работать и изучать состояние народного образования в Сибири, мне казалось очень приемлемым.Кроме того работа с Сапожниковым борцом за автономию высшей школы,давала мне гарантию,что ни о какой реакционной политике Министерства Народного просвещения не может быть и речи.Вот при таких условиях я занял свое место в качестве директора Департамента Министерства Народного Просвещения.Здесь я работал исключительно в области бюджетного права и создания бюджета министерства Народного просвещения.16 мая я получил звание товарища министра,для того,что мне те распоряжения бюджетного характера могли бы без задержки от имени министерства устанавливаться.17 октября я был утвержден в этой должности с совмещением с должностью директора Департамента.Вот если бы

обвинитель мог познакомиться с материалами Министерства не по отзывам такого сомнительного лица, как Игнатьева, который спекулируя своим званием подписался как член Политического Союза и как член Кооператива, то он по делам министерства мог бы убедиться, что в количественном отношении за все время существования Министерства не было открыто такого количества школ, как в 1918 - 19 г.г. Кроме того им собран громадный материал по народному образованию в Сибири, который представляет из себя громадную ценность.

Участия моего в заседаниях Совминистров было епорадическое, только тогдакогда не было на лицо другого министра товарища. Я не хочу с себя снимать ответственности, но хочу с азать, что доля моей ответственности ограничится только этим моментом. Что касается 60000 на предоставительство Министрам и товарищам Министров, то я из них ни одной копейки не получал. Затме я считаю нужным отметить, что я не участвовал в постановлении относитель о возможности на льготных основаниях получить мены, так как у меня не ижи было намерения уехать на Дальний Восток.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об"являю перерив до 5 часов.-

311 ~~дот~~ Т 191 IX

28 мая 1920 г.

ЗАСЕДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

при Сибирском Революционном Комитет

Присутствуют: Председатель Чрезвычайного Революционного Трибунала ЧЧП. ПАВЛУНОВСКИЙ, члены: т.т. КОСАРЕВ, ПАЙКОВ, ДЕТИНКИН и МАМОНТОВ.

5425 - 6-35

Заседание девятое 28 мая 1920 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Заседание Революционного Трибунала продолжается. Слово принадлежит подсудимому Грацианову.

ГРАЦИАНОВ. Я вступил в состав Сибирского Правительства в конце июля 1918 г. по предложению Томского Городского Общественного Управления, чтобы содействовать вообще общественной жизни и помочь ей выйти из того критического положения, в котором общественная жизнь находилась благодаря последним условиям нашей внешней и внутренней войны. К сожалению я мог в этом отношении немного делать, отчасти потому, что я был в составе правительства всего 9 месяцев, отчасти потому, что я в Совете министров пользовался совещательным голосом, а право решающего голоса имел только в Административном Совете. Большую часть времени, когда я находился в с"езде общественных деятелей в Томске и в Малом Совете я участвовал очень мало, потому что вышел в отставку. С другой стороны я не успел много сделать из за того, что руководящие элементы правительства мне оказывали сравнительно малую поддержку в том деле, к которому я был призван. На меня было возложено общественное управление и принадлежащий к нему Отдел Медицины, Санитарии и Ветеринарии, затем общественное государственное призрение. Из обвинительного акта видно что я обвиняюсь во первых в том, что содействовал прохождению закона об из"ятии милиции из ведения Земств и Городов. Идея эта принадлежит не мне, а министру внутренних дел Крутовскому и законопроект был внесен в Совет Министров по просьбе этого последнего. Моя роль свелась только к тому, чтобы я привлек на прилегающих земств и городов к городу Омску и об"яснил им, при чем городские и земские деятели в высказывались против из"ятия милиции из ведения Земств и Городов, а городские деятели высказались за это из"ятие. Они об"яснили это тем, что городская милиция совершенно не организована и требует массу средств. Совету министров я передал все это в точности и свой личный голос Совету Министров я передал все это в точности и свой личный голос подал за то, что надлежит милицию передать из ведения городов в ведение Министерства Внутренних Дел и чтобы все содержание Милиции взяло на себя правительство. Разработка вопроса передана была Министру Юстиции Старынкевичу, но последний все-таки возложил содержание этой милиции на города, по поводу чего я внес мотивированное предложение в Совет Министров. Далее обвинением приписывается мне участие в издании законопроекта по вопросу о перерыве занятий в Областной Думе. Когда министр внутренних дел Крутовский явился в Омск и заявил мне, что он привлек между прочим и по вопросу о том, чтобы задержать прохождение этого законопроекта в Административном Совете, я ему определенно указывал на то обстоятельство, что было бы удобнее, если бы он с представителями Областной Думы явился в Совет Министров, которым бы они информировали, чтобы вопрос этот не решался в уменьшенном количестве состава Совета Министров, т.к. их было всего трое, а передал это на разрешение всех заинтересованных ведомств. Он ответил, что ведомства не имеют никакого отношения к этому вопросу, что они не имеют права разрешать этот вопрос, а решать этот имеет право Совет Министров. Я подписал закон о перерыве занятий Областной Думы за от"ездом Министра Внутренних Дел в г.Томск. Я присутствовал на заседании Совета Министров потому что в качестве представителя общественного Управления было бы странно, если бы я не присутствовал. Этим об"ясняется то, что моя подпись имеется и очень многих законопроектах. В Совете Министров не проходило почти ни одного законопроекта, который в большей или меньшей степени не задевал бы интересов общественного управления, которые мне самому приходилось защищать. Мне приписывалось здесь то, что я мешал прохождению законопроекта о больничных кассах. Когда был вопрос этот я нисколько не высказывался против больничных касс, но я говорил, что было бы легче

312

об"единить действие больничных касс с деятельностью земств и городов, потому что они служат одной и той же цели. Больничные кассы имеют сравнительно небольшой круг лиц, которым они помогают, город имеет свои лечебные заведения и санитарное устройство, чего не имеют больничные кассы. Больничные кассы имеют большие средства, но не имеют сил осуществить то, что нужно и потому я ни коим образом не высказывался против больничных касс. Когда я был городским головой, мы сговорились с министерством труда и министерство Труда оказывало мне содействие.

Далее мне указывается на выборный закон. Я должен здесь заявить, что выборный в общественное управление закон от первого слова до последнего принадлежит мне. С законом Керенского, который передавал всю власть политическим партиям, я никак/ по обстоятельствам времени не мог согласиться. Политические партии, пока они были в подполье, были кристаллической чистотой, но когда они вышли из под подполья, они не могли ориентироваться, в них хлынула такая масса народа, которая ничего общего с целями партии не имела. Очень многие преследовали свои личные интересы, а партии старались как можно больше завербовать членов, чтобы получить наибольшее количество голосов. А так как общественная жизнь совершенно развилась и требовала работников из всех слоев населения и чем больше, тем бы лучше, то в виду того, что пополнения среди политических партий не было достаточного количества таких работников, ввиду того обстоятельства, что многие уклонялись от записи в политические партии, с одной стороны потому, что не хотели итти вместе с другими, а с другой стороны потому, что у всех был в памяти 1905 г., когда только за одну запись в политическую партию правительство жестко преследовало, многие уклонялись. Чтобы об"единить все эти силы я и представил этот законопроект в Совет Министров, перед этим законом все граждане были одинаково равны и все партии могли пройти в Городскую Думу. И действительно во многих городах прошли все партии, включая и партии социалистов, а правые не прошли. В Иркутске прошли социалистические партии, в Томске прошли политические партии в том числе и представитель Советской власти. Далее я городам оказал всяческое

содействие в смысле проведения ссуд и пособий. Мне удалось от имени Совета Министров издать такой циркуляр, в котором города имели полное право на получение средств на просветительные цели какого бы рода они не были. Далее я провел в Совете Министров положение о местном управлении Медицины, санитарии и ветеринарии,

государственном призрении на самых широких началах, но я в этом отношении не встречал поддержки со стороны ближайшего начальства Министра Внутренних Дел. Министр Внутренних Дел все время указывал, что полномочия городским общественным управлениям даются очень широкие, и было время, когда я получил бумагу от Министра Внутренних Дел об уничтожении общественности в прифронтовой полосе. Я говорил, что этого нельзя делать, потому что назначение одного городской головы встречало бурю негодования со стороны населения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время истекло.

ГРАЖДАНОВ. Если можно я просил бы две-три минуты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дело в том, что Вы не даете об"яснения по существу, а против пред"явленного Вам обвинения Вы будете возражать в последнем слове. Слово для об"яснения подается для того чтобы Вы об"яснили факты, а Вы даете исторический очерк о своей деятельности. Слово принадлежит подсудимому Молодых.

МОЛОДЫХ. Гражданин обвинитель спросил меня, когда я выехал в Сибирь. По этому поводу я скажу, что я уехал также, как уехали тысячи и десятки тысяч: едешь, покуда доедешь, неизвестно, а останусь я там или тут, в одной полосе или в другой, это все равно уж как выйдет. Затем меня спрашивали относительно записей телефонов, которая осталась в моей походной записной книжке. Дело в том, что этого без некоторого предисловия нельзя об"яснить, ибо, как сибиряк, уж оторвавшийся от Сибири, лет шесть-семь не работавший непосредственно с Сибирью, все-таки сохранил о ней память и заботы, и вот до революции 17 года я был в числе инициаторов и первым Управляющим делами при Сибирском Бюро Совета С"ездов Торговли и Промышленности и сельс ого хозяйства, где мы разрабатывали разного рода предположения, планы предприятий по экономическому усовершенствованию и улучшению Сибири. Затем после октябрьского переворота я решил, что нужно как нибудь перенести свои работы в Сибирь и постарался около сгруппировать сибиряков, которые интересовались теми же вопросами. Я просил своего защитника ходатайствовать о вызове свидетеля Потупинского, который бы засвидетельствовал то, что я с ним дальше, т.к. он присутствовал при образовании этой группы. В программе этой группы никогда не было речи о какой войне, потому что Сибирь так мала по населению что она не могла бы вынести никакой войны, ибо население слишком разжижено. Это доказывается еще и тем, что мы совершенно открыто

существовала в Петрограде и газета, нами издаваемая некоторое время, издавалась в Петрограде и не была закрыта, а она сама закрылась вследствие того, что у нас не было средств т.к. все мы раз"ехались. Но я работая очень долго в Сибири имел кое-какую литературу, касающуюся экономической области. Я пользовался некоторой известностью, и когда у нас было совещание в союз часто заходили и спрашивали меня, и в тех случаях, когда мне было некогда, когда я был в Государственном Совете и отказывался принимать, то оставляли свой телефон и я записывал эти номера телефонов, а потом со мной переговаривались. В моей книжке имелось масса адресов и телефонов, между прочим был телефон одного английского гражданина, не помню его фамилии - который ко мне заходил и спрашивал меня о Сибири. Все, что я знал о Сибири, я ему сообщил и этим дело кончилось. В большинстве я заходил к Озанову, потому в продаже не было его книжки "Организация Хозяйственной Части Земств и городов", по той отрасли, в которой я работал. Я взял у него эту книжку и ушел. Познакомился я с ним тогда, когда он председательствовал в Петрограде на собраниях, на заседаниях по выработке земского положения для Сибири и Архангельской губ. Дальнейших связей я с ним не имел. По приезде в Сибирь я ориентировался - что и как, потому что я лет 8 не был в Омске. Я не принимал никаких мер к вступлению в правительство, пока не приехал один из выбранных Думой - Серебренников, с которым я тогда и познакомился. Мы с ним лично не были знакомы раньше, но знали друг друга по работам . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Все Ваши пояснения об"яснения никакого отношения к делу не имеют.

МОЛОДЫХ. Я определяю, зачем я с Озановым разговаривал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам пред"является конкретное обвинение. Если тут вопрос о записи телефонов, то речь идет о записи адресов национального центра, а Вы с точностью передаете: "я записал, а потом по телефону говорил."

МОЛОДЫХ: Я не знал, принадлежал ли он к центру, потому говоря я о нем, что меня могут подозревать в связи с Центром.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не подозревать, а Вам пред"являют конкретное обвинение.

315

молодых. Никогда я не имел свидания с Овиновым по этому поводу. Телефон был написан потому, что мне сообщили, что он интересовался меня видеть, но я не пошел, потому что мне и не было интересно и мне некогда было. Я считаю необходимым это об"яснить, потому что в дальнейшем я знаю, что это могло указать на то, что имел какую нибудь связь в центром. Серебрянников предложил мне вместо того, что он обременен работой политической . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю лишить Вас слова, потому что опять таки Ваши об"яснения не имеют никакого отношения к делу.

молодых. Мне было предложено быть тов. Министра Снабжения Серебрянникова. Я в тех целях, которые он преследовал видел чисто хозяйственную экономическую область, которая необходима при всех родах правительства, будь оно правительство Сибири или что-нибудь другое. И вот эта работа в качестве товарища Министра и поглощала мое время. В Совете же я участвовал только тогда, когда не было Серебрянникова. Мне было об"явлено в обвинительном акте шесть пунктов. Моя роль, как товарища Министра, уже достаточно выяснена и я повторять не буду, а скажу только, что никак не мог настаивать на закрытие областной Думы. Затем относительно Милиции я совершенно согласен с тем, что говорил Гращанов, т.к. я смотрел на вопрос так, что Земства и город не могут справиться сейчас этим делом, и боялся, что раз они не справятся с этим делом, то это будет только увеличением атаманщины. Что касается избрания Колчака, то это конечно отпадает, т.к. я там даже права голоса не имел. Затем имеется обвинение в розыске семьи Николая Романова . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам осталось две минуты, я дал Вам 15 м., но Вы никаких об"яснений не даете.

молодых. Я хотел сказать, что в декабре я уже не бывал в Совете, а затем вследствие того, что я оказался неудобным для Военно-Промышленного Комитета, с которым вел ожесточенную борьбу Министерство само было уничтожено, а я был оставлен за штатом. Так ми образом я работал около 4-х месяцев в Правительстве, но участия в Совете не принимал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит подсудимому Дмитриеву.

ДМИТРИЕВ. В Сибири я работал с 1909 по 1921 год, из коих 7 лет я работал в Иркутской губ. и следующие 12 лет я работал в Акмолинской обл. Жил я постоянно в Омске и заведывал про-

316

довольственным делом и казенными зернохранилищами, находящимися в Акмалинской области, в Тобольской губ., в Томской губ. и Тургайской области. Вступил я в Министерство Продовольствия тов. министра 14 июня 1918 г. Я тогда же поставил условием министру Продовольствия Зефирову, что мне будет поручено продовольственное дело, которым я ведал 12 лет и заведывание теми зернохранилищами, которые я лично создал здесь в Сибири. Это условие министром продовольствия Зефировым не было выполнено. Я почти с самого начала своей деятельности товарища министра был от заведывания продовольственным делом в чистом виде, т.е. заготовки и снабжения продовольствием и семенами населения и заведывание зернохранилищем был устранен и дело это было передано второму товарищу министра Продовольствия Знаменскому, который являлся в местителем министра министра Продо ольствия, как в Большом Совете, так и Малом по всем сложным и ответственным вопросам ведомства. На этой почве у меня с самого начала начали происходить разногласия с Министром Продовольствия и окончилось это тем, что мне пришлось выйти в отставку в январе 1919 г. Перед моей отставкой произошел инцидент с чаем, который заставил Зефирова уйти со скандалом через 1 1/2 мес. после моего ухода. Дело в том, что в Сибири чая было мало . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопрос о чае ни в коем случае не поднимался ни разу не инкриминировался Вам. Давайте мне об"яснения по существу пред"явленного Вам обвинения с фактической стороны. Я полагаю, что такие замечания я делал министрам, которые в состоянии разобраться в пред"явленным им обвинениям.

ДМИТРИЕВ. Во время пребывания в Министерстве Продовольствия мне было поручено произвести расследование деятельности Монгольской экспедиции, заготовляющей мясо. Я остановлюсь на этом, потому что в ни заключены обвинителя, ни в судебном следствии которое прошло через Чрезвычайным Революционным Трибуналом мне не вменяется в вину участие в заседаниях Совета Министров Большого и Малого. Я не подписал ни одного постановления ни Большого ни Малого Совета министров, я выехал в конце июля по делам монгольской экспедиции в Бийск и Семипалатинск. Со мной поехал представитель от Закупсбыта и от Всероссийского С"езда С"ездов. В Бийске было собрано мною в Сибири совещание из представителей кооперации, волостей, с которыми на этом совещании было

вынесено постановление в виде журнала о том, что монгольская экспедиция может произвести работу в Бийске и уезде, причем это совещание там не рабиралось в отчетностью монгольской экспедиции, т.к. главная контора Монгольской экспедиции была в Семипалатинске. Из Бийска я выехал в Семипалатинск, куда я прибыл 9-10 августа там мною было также устроено совещание из представителей кооперации, земств и городов, т.е. от тех же группировок, представители коих были в Бийске, причем со мною был в Семипалатинске и член Правления Монгольской экспедиции З.Л.Вульфсон, показания которого имеются в моем деле. Там совещание постановило избрать комиссию, которая могла бы ознакомиться с отчетностью и деятельностью монгольской экспедиции в Семипалатинском районе. Я просил К.А.Попова захватать все те дела по расследованию деятельности Монгольской экспедиции, которые случились бы приложением к моему делу. Если они захвачены, то там имеются протоколы этой комиссии, в которых член правления монгольской экспедиции Вульфсон . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Судебное следствие закончено в этой части и таким образом говорить о документах, которые не представлены и не проходили перед Трибуналом я полагаю излишне. Еще раз повторяю: давайте об"яснения по поводу действий и не давайте исторических очерков.

ДМИТРИЕВ. В этих протоколах комиссии имеются указания самих членов Правления Монгольской экспедиции на то, что в делах Семипалатинского Отделения Монгольской экспедиции имеются должностные преступления и за эти должностные был мною устранен от должности А.Л. Горбунов. После этого Горбунов был арестован по постановлению Семипалатинской Следственной Комиссии . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вынужден буду не давать слова, если дальнейшие об"яснения будут протекать так, как протекали Ваши об"яснения. Я прошу давать об"яснения по существу в об"яснение всех материалов прошедших перед Революционным Трибуналом.

ДМИТРИЕВ. Мне именяется в вину только это обстоятельство и только по поводу этого я и говорю. Дело в том, что Горбунов был арестован в Семипалатинске, но он продолжал заниматься отчетностью и по показаниям его супруги он через 21 день был выпущен из тюрьмы, сдал отчетность и таким образом я получил сведения о том, что дело это закончено. Теперь мне здесь ставится в вину, что я будто бы являюсь попустителем убийства Горбунова. Я выехал из Семипала-

318

тинска I-г сентября, так никаких отрядов Анненкова я не видал, ибо заявление здесь свидетельницы, сестры покойного Горбунова, удостоверено, что Анненковские отряды появились после моего от"езда из Семипалатинска через I I/2 мес., так что по каким обстоятельствам был взят Горбунов отрядом Анненкова мне совершенно неизвестно, т.к.я в это время был Иркутске.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется подсудимому Харлинову.

ХАРЛИНОВ. Так как на по обвинительному акту, ни по ходу судебного следствия я не мог заметить какие конкретные обвинения мне предъявляются, то я в своих об"яснениях имею в виду дать картину своего назначения на ту должность, которая привела меня сюда на скамью подсудимых . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Только ради бога не картину, дайте мне целый ряд фактов.

ХАРЛИНОВ. До назначения меня на должность товарища Военного Министра, я в течении полутора лет был Начальником Военно-Учебных Заведений, которые из Оренбурга были в янва е 1919 г. эвакуированы сюда в Сибирь, в Иркутск, где в это время сосредоточилось около пяти кадетских корпусов. Должность, которую я занимал, меня вполне удовлетворяло, какпо моему характеру, так и по состоянию моего здоровья и никаких попыток занять какую-нибудь другую должность я не делал. Занял я ее по предложению Военного Министра генерала Хаустина и соглашаясь на его предложение я указал ему, что я по состоянию здоровья не в состоянии буду справиться с этим

. . . . мне пришлось выполнять. Никакого участия в Большом Сов ете Министров я не принимал, и полагал, что нести ответственность за деятельность Совета Министров я не могу. Политикой никогда не занимался, ни политическим ни общественным деятелем я никогда не был. При назначении на должность Помощника Военного Министра, ни характер деятельности правительства Колчака, ни колебания его курса мне не были известны. Во время пребывания в Оренбурге, где застал меня Сибирский переворот, никакой связи с Сибирью не было и мы были не в курсе того, что происходило. Затем в течении 4-х месяцев вместе с корпусом я скитался, то походным порядком, то по ж.д. пока к маю мес. не прибыли сюда в Иркутск. За время скитания мы не имели никаких сведений кроме насущной заботы о детях. Привез я в Иркутск с собой до 200 душ, начиная с 10-ти летнего возраста. Они вышли из Орен-

319 ~~109~~ 109

бурга пешком, захватив только то, что они имели на себе и на тех пяти подводах, на которых мы могли захватить запасы продовольствия. Придя в Иркутск пришлось потратить массу энергии и труда, для того чтобы завести интернат, столовую, кухонные принадлежности, обувь и т.д. . . .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я считаю Ваши об"яснения окончеными. Слово для об"яснения принадлежит подсудимому Введенскому.

ВВЕДЕНСКИЙ . . .

320 110

9-ое заседание 29-го мая 6.35 - 7.25.

ВВЕДЕНСКИЙ: Перед лицом Чрезвычайного Трибунала относительно меня прошли всего два факта. Относительно дела, в котором я упоминаюсь всего один раз, как участник малого совета и еще один случай, в заседании совета министров, принята высшая мера наказания за разрушение во время войны и смутисладов путей сообщения, мостов пароходов и т.д. Так как роль малого совета, в котром разбирались дела маловажные или принципиально принятые большим советом, выяснилось, что мне осталось только оттенить меру своего личного участия, что могу сделать, очертив свою деятельность, если это будет мне разрешено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Поскольку это не выяснено судебным материалом.

ВВЕДЕНСКИЙ. Я указал, что здесь имеется только два факта о том, что мной было сделано и если мне будет разрешено на этом остановиться, я много времени не займу. Я инженер путей сообщения. Приглашен в Томск для приготовки к профессорскому званию, где и занимал кафедру. До 17 г. нигде не служил, в 17г. мой сослуживец, профессор Томе получил должность по топливу. К сожалению он захворал 17 мая и мне было предложено заменить его. В июне я был назначен председателем комитета по топливу, так как в апреле комитет был распущен и вместо него была назначена коллегия, которая на начала меня в качестве консультанта. Через месяц уже произошло чешское выступление и западно-сибирский комитет оставил меня в качестве уполномоченного. Кончилось это тем, что в декабре 18 г. я был назначен товарищем министра торговли и промышленности для об"единения топливной политики, так как я был специалистом по топливному делу, а государственное регулирование этой отрасли приходилось проводить до самого конца. Однако мы встречали сопротивление, что заставило меня выступать в защиту регулирующей деятельности государства, но все же я был товарищем министра и когда проходили ведомственные дела, я к тому же был профессор и инженер путей сообщения, когда министр по болезни или кратковременной отлучки не мог сам присутствовать в заседаниях малого совета министров, я мог его замещать и меня туда командировали. Таких случаев было весьма немного. Все, что я сказал я отношу как об"яснение моего участия - четыре-пять случаев на все ре-

321

мя в совете министров. Этим об"ясняется тотфакт, что я забыл те пункты, которые от меня спрашивал гражданин обвинитель. Дело в том, что раз я заведывал только топливной политикой, я не заведывал юридической частью и каждый раз должен был наспех готовиться и в моей памяти очень много из этих ответственных дел не удержалось. Прошу принять во внимание, что после этого была 40- дневная эвакуация в Иркутске и все последующие события.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ: 16 лет я занимался исключительно строительно инспекторской работой и поступил в ведомство труда думая, что близкое знакомство с бытом рабочих дать мне возможность быть полезным. 15-го июля 19 г. я был назначен товарищем министра труда и разрабатывал мероприятия к охране труда и рабочее законодательство. Приблизительно в этих числах министр труда отбыл в отпуск и мне пришлось посещать заседания совета министров. Обвинение инкриминирует мне участие в заседаниях малого совета и принятие 260 - 268 с.ст. военно-морского устава. Это законопроект был рассмотрен юрисконсультской частью и утвержден в совете министров. В этих статьях начальная мера наказания за преступления, предусмотренные этим уставом. Второе обвинение это участие в заседаниях совета министров, где Розанов был назначен начальник края Дальнего Востока. Те права, которыми пользовался ген. Розанов и намерения Розанова об уничтожении министерство труда достаточно характеризуют мое отношение к ген. Розанова. Когда на Дальнем Востоке были волнения, мне пришлось категорически говорить о назначении межведомственной комиссии и конфликт был разрешен благополучно. Больше участия я не принимал, так как незначительное время был в составе правительства и за время с 15 июля по 1 октября был в служебных командировках и совершенно эвакуировался из Омска в Иркутск. Сначала я уехал в Красноярск, а когда переворот стал совершившимся актом, в Иркутске я являлся в политический центр и дал подписку о невыезде.

РОЙЗАРД: Так как в общем порядке теперь следуют об"яснения подсудимого Третьяка, а он признал себя виновным и давал об"яснения. Эти об"яснения не представляется необходимости давать теперь.

НОВОМЕРГОВСКИЙ: Я профессор, доктор административного права, прожил в Сибири 24 года, работал в разных ее местах, по своей степени доктора административного права я был шестым на всю 170-миллионную Россию до Революции. Я не занимался политикой, а зани-

322 Нб/12

малося больше наукой и эта наука привела меня в правительство Колчака. Как можно из материалов, находящихся здесь на столе, я был приглашен в помощники товарища министра тузомных дел с возложением на меня обязанности председателя учебного комитета. Автоматически, после уничтожения Сибирского правительства я вошел в Директорию, а затем в правительство Колчака, а последние два месяца и несколько дней, в январе, я подал прошение о увольнении и во второй половине ушел. Вот почему я думаю, что мне конкретно пред"является одно обвинение. По обвинительному заключению я обвиняюсь в участии в избрании Колчака. Но здесь было судебным следствием установлено, что я не голосовал, не подписывал и стало быть не избирал. Ушел я из правительство Колчака, потому что для меня стало ясно, что это правительство неминуемо придет к катастрофе. Для меня вычислялась роль атаманщины польских войск, чешских войск и внутреннего ядра правительства, которого, к сожалению, здесь на скамье подсудимых нет. Я ушел, полагая начать общественную работу, не для поддержки правительства Колчака, а после того и в связи с этим является и та газетная заметка, которая мне гражданином обвинителем была пред"явлена. Таким образом я не имел связи никакой с выборами Колчака. Кроме того, мне пред"явлено обвинение по трем заметкам, они не мои, не мной подписаны, в газете, с которой я 4 раза судился и последний раз уже после революции. В первой заметке указывается на мое казачье добровольчество. Это опровергается тем, что в университете есть документ о назначении меня казачьим информатором. Но почему я, будучи товарищем министра, пошел в казачьи информаторы потому что с 1-го октября я получил назначение . . . . Это обстоятельство можно установить из доклада министра финансов и удостоверить теми свидетелями, в вызове которых нам отказано . . . . . экспортно-национальный банк. Это смесь невероятного цинизма, авантюризма государственного, а может быть и глупости. Провалив эту затею окончательно своим докладом, я полагал войти от Томского университета в экономическое совещание. Сельхозяйственный Совет выдвинул меня в это совещание, я отверг это, предполагая более свободнее работать со стороны. Вторая заметка в той же газете - о том, что я произнес речь в обществе духовных беженцев. Я уже дал о "ясения, что эта речь произнесена не об организации дружин, моя речь была посвящена общему вопросу. Наконец, третья заметка, которая передает ругательства по адресу боль-

323

невиков. С полной основательностью я должен сказать, как признающий классовое государство и необходимости господства трудящихся масс, я много писал и на публичных лекциях говорил по этому вопросу и с этой точки зрения конструкцию советской власти признаю. Но я много раз говорил на публичных лекциях и писал, что не признаю коммунизма и это я подтверждаю здесь, по тем соображениям, о которых нет надобности говорить здесь и если я был ученым, а я остался им и сейчас, если я пользовался репутацией хорошего лектора, то каким вздором кажется эта газетная заметка о ругательстве. Но если вы вспомните, а у нас есть сведения, что эти газеты писали о большевиках, то не удивительно, что и об этом они дали отзыв. Вот, собственно эти три заметки, которые относятся к моей публицистической деятельности. Они не дают основания, чтобы занимать ваше внимание здесь, в суде Чрезвычайного Революционного Трибунала в качестве члена Колчаковского правительства. С этим правительством я в свое время покончил и вел продолжительную и упорную борьбу. Между прочим я являлся к Колчаку с указанием на хищения, беззакония и необходимость законодательного совета. Как было установлено, один из участников был выслан, а я был вызван для увещания, но я борьбы этим не ограничил. Я вступил в редакцию деловой газеты, которая была разгромлена станкой за три месяца до прихода советских войск. И когда станка прикрыла нас разгонять и расправляться по своему, мы во время предупредительные разбежались. Был арестован только юридический редактор. Вот мое содружество и моя борьба с правительством Колчака. Раз мне приписывается такая ругня по адресу коммунистов, мнения которых я фактически не разделяю и не разделяю, ибо 600 тысяч коммунистов, а 100 миллионов населения, по крайней мере сейчас в России, то я должен сказать, как я относился к отдельным советским деятелям. Если некоторые, работающие сейчас в Омске советские деятели, которых я спасал от преследования сибирского правительства. Если будет дозволено я назову. Из вагона смерти Анненкова вырвался в Семипалатинск председатель земской управы Троицкий. Я его никогда не видал. Через своих знакомых он просил, чтобы я принял участие и просил об его освобождении. Этого освобождения мы добились, но он заразился в тюрьме тифом и умер. Для установления факта я просил вызвать директора института Татова. Во-вторых, был заключен в тюрьму некий Воронов, сотрудник внешколь"

324

ного отдела. Когда он обратился за защитой, я его защищал и освободил от преследования. После одного из преследований рабочих в Атаманском хуторе был захвачен доктор с оружием и большой суммой денег. Доктор этот в компании трех рабочих был захвачен контр" разведчиками торжествовавшими, думая, что захватили большевитский штаб. Доктор этот Рожнов, с которым раньше только мельком встречался подлежал предании военно-полевому суду, но я вырвал его от преследования и вместе с этими тремя рабочими. Рожнов служит на Советской. Я ходатайствовал об его вызове. Он подтвердил бы эти подробности. Четвертый случай подвергался преследованию заведующий Земельным Комитетом Беляев. Я ходатайствовал за него не по его лично просьбе, а по просьбе друзей. Я считал, что этого достаточно, хотя есть и другие лица. Итак, я был за конструкцию Советской власти, как государство экономическое и политическое, трудовое государство, но я был против коммунизма, как теории, таким я был и сейчас остаюсь, но я не нуждаюсь в ругательствах, потому что достаточно получил образование, чтобы при помощи аргументов защищать то, во что я верю и бороться с тем, во что не верю.

ХРОНОВСКИЙ. Здесь по содержанию заключения гр-на обвинителя и заключения, которое угодно было дать гражданину председателю, мне предоставляется в настоящее время выяснить вопрос, какое отношение было у меня к деятельности и начинаниям бывшего правительства в смысле солидарности с ним и в частности выяснить причину, почему я не принимал участия в заседаниях совета министров. Поэтому я заявляю, приняв на себя предложение вступить в состав правительственной власти в качестве товарища министра финансов, я далек был от той мысли, чтобы стать слепым, безсистемным орудием выполнения даваемых мне сверху директив. Для меня были совершенно ясны и определенны те задания, которые мне предстояли. Именно задачей моей было проведение податной реформы. Над этим вопросом я много лет работал, собрал богатый фактический материал и старался усвоить себе нужную фактическую подготовку, и первыми моими шагами вступления в новую область было помещение исторической справки в . . . . . Я старался провести основную мысль, что финансовая реформа неразрывно связана с широкими реформами управления и что не может быть поставлена задача самоуправления без связи ее с реформой податной. Эта справка касается я между прочим сельского обложения, в ней проводится мысль, что старая податная система привела к тому извращен-

325 Ф5 115

ному представлению об общественных нуждах, об общественных доходах, что выход может быть найден только путем принятия решительных мер и они могут быть проведены в срочной форме в мелкой земской единице, во вторых, необходимо предоставить этим учреждениям широкие права самообложения и, наконец, введения денежного налога поимущественного в тех формах, которые соответствуют культурному возрасту населения. Эта работа моя не встретила возражений со стороны учреждений которым она докладывалась и мне оставалось только проводить ее в комиссии, которая была учреждена. Много мне пришлось затратить работы, чтобы узнать отзывы населения, чтобы познакомиться с теми течениями, которые пришлось проявлять земству и во всяком случае все эти работы и труды они нисколько меня не разубедили, но наоборот подтвердили ту мысль, что я стою на верном пути, но мне пришлось встречаться с противодействием со стороны публики, которая была не правой и не левой, а просто публикой, которая противилась всему, что представляется крупной реформой. К этому присоединилось еще то осложнение, что я не соглашался с министром финансов по целому ряду других вопросов о таможенном управлении. Я не буду утверждать революционный фибунал поречем всех этих осложнений. В результате мне пришлось занять самостоятельную позицию и вследствии этого мне пришлось заявить министру финансов, что я считаю своим долгом довести свой труд до конца и дальше мое пребывание в министерстве финансов не мыслимо. Работа по составлении проекта продолжалась до июля месяца, но к этому времени пошатнулось положение Михайлова, ушел сам Михайлов и как новый министр выразил пожелание познакомиться с моими работами и провести мои пожелания, которые сводились к тому, чтобы ссуды городам и земствам производилось в срочном порядке. В силу этого я должен был задержаться некоторое время Все время я не терял надежду, что мне удастся провести мою работу по податной реформе и эта надежда все таки не была потеряна несмотря на весь уклон от демократического курса, все таки положение тех лиц, которые играли выдающуюся роль, было недостаточно прочно. Это давало мне уверенность, что мне удастся провести свой законопроект. Но когда дело приняло оборот, при котором стало несомненно, что надежду эту не удастся осуществить,

326 116

я подал в отставку.При этих условиях я должен констатировать, что отношение к правительству,которое все мои мероприятия отверг ло,конечно,не дает основание считать,что я был солидарен с этим правительством.Мне не приходится краснеть за свои принципы.Они проведены в таком согласии с демократическими началами,что могут быть приняты любой демократической властью.Таким образом утверждение,что деятельность моя является антидемократичной,противуправительственной или противонародной,невозможно.Я полагаю,что в общем и целом я не могу признать себя ни солидарным с деятельностью правительства,ни участником в действиях,которые упоминаются в заключении гражданина обвинителя.

МАЛИНОВСКИЙ. Я был назначен на должность 6 мая 19 г. и следовательно я никакого отношения не имел к реформам и событиям,которые были до 6 мая 19 г.Сначала я был назначен на свободную должность второго товарища министра юстиции.В виду того,что министр юстиции отвлеченный занятый работой политической не мог уделять достаточно времени часто ведомственной деятельности деловой работе и к участию в юридической работе в первый департамент министерства юстиции был приглашен я,как второй товарищ министра юстиции.При этом министр юстиции не возлагал на меня обязанности участвовать в заседаниях совета министров,так как в заседаниях большого совета министров участвовать должен был сам министр,а в заседаниях малого совета, как здесь установлено и выяснено участвовал подсудимый Коровов, как первый товарищ министра.Работа по первому департаменту сводилась к разработке законодательных предположений юридической части и наблюдению над делопроизводством.Министр юстиции,вступавший только что в должность руководящего начала стал вести борьбу с закономерностью,с произволом насилиями в разных их проявлениях.С этой целью был учрежден комитет законности и порядка.Задача эта была возложена на меня,как товарища министра.В виду того, что я не принимал участия в заседаниях и в работах вообще,я не подписывал ни одного из тех инкриминируемых в обвинительное заключении гражданином обвинителем постановления совета министров,которые были выяснены в прошедшем перед нами судебном следствии,а поэтому мне не приходится останавливаться на этом следствии, потому что до 6-го мая я не состоял в совете министров,а кроме того и потому,что я вообще не принимал участия в совете министр-

ров.Выдвинуты два факта и судебно-следственная гр-ном обвинителем. Это посылка телеграммы Иркутскому земству.По поводу этой телеграммы мною даны соответствующие об"яснения.Угодно здесь Чрезвычайному трибуналу поверять подсудимому, что эта телеграмма послана по распоряжению непосредственно министра юстиции. Не угодно ли посылку этой телеграммы, как акт совершенный я принимаю на себя всю ответственность и, наконец, второе, что мне указывалось гр-ном обвинителем во вчерашнем заседании - повестка о назначении меня председателем особой междуведомственной комиссии.Назначение этой комиссии состоялось перед самой эвакуацией из Омска.Работ она не производила и не собиралась. Следы этой работы из моей памяти исчезли, но в общем задачи ее сводились к тому, чтобы упорядочить движение на железных дорогах и бороться с дезорганизацией, которая там была, а об этой дезорганизации говорил товарищ министра Ларионов в своем об"яснении.Он указал, что комитет по обеспечению порядка и законности издал особый циркуляр, он оказывается, что здесь циркуляр не имел надлежащего эффекта и нужно было принимать меры в административном порядке, чтобы уничтожить эту дезорганизацию на железнодорожной линии.С этой целью и была образована комиссия.Говорить о работах этой комиссии, не видя работы, конечно, трудно. Была она политически вредной, реакционной или наоборот, это большой вопрос и в настоящее время при наличии одной повестки, что я назначался председателем, об этом не представляется возможности, конечно, судить.Ведомственная работа и инструктива юстиции по первому департаменту была чужда какой-нибудь реакционной тенденциозности и протекала в плоскости борьбы с реакцией и произволом во всех ее проявлениях и такое компетентное учреждение, как чрезвычайная следственная комиссия в Иркутске это констатировало постановлением 7 февраля 19 г.Судебная следственная комиссия вынесла постановленное заключение...

ПАВЛИНОВСКИЙ: Следующая часть прения сторон и вынесение приговора.

ГОЙХБАРГ. Прежде всего я имею заявить, что на основании правил судопроизводства обвинитель может ссылаться на все документы, имеющиеся в делах и может ссылаться на факты общеизвестные, поэтому я имею заявить, что это не относится

328

ни к одному из оглашенных или не оглашенных в заседании документов и на все документы, имеющиеся в делах и по мере надобности ссылаться по ходу. Затем если будет предоставлено слово для обвинительной речи, я просил бы сделать перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Объявляется перерыв на 15 часов.

329

9-ое заседание /После речи обвинителя/.

Председатель тов.Павлуновский: Товарищи к порядку.Слово предоставляется защите.

АРОНОВ. Товарищи, члены Революционного Трибунала, есть нечто трагическое в положении людей, для которых нет и не только надежды на оправдание, но и надежды на снисхождение.Слишком страшны преступления.Перед Вами здесь прошла картина кошмара и ужаса, которыми характеризировалась колчаковская власть.Я не буду восстанавливать здесь перед вами всех деталей этой картины расстрелов, расправы, насилия, уничтожения людей, уничтожения имущества, сожжения сел, деревень и целых волостей.Вот ем характеризировалась эта власть адмирала Колчака, и эти люди, которые сидят на скамье подсудимых, они были членами этого правительства которое возглавлял адмирал Колчак.Страшные, невиданные в истории преступления совершены этим правительством и встает вопрос. Зачем.Для чего нужна защита в этом деле.Слишком страшные преступления на лицо.Преступления, которые констатированы всей историей и недостаточно ли этого, недостаточно ли проведных здесь картин, чтобы Революционный Трибунал удалился для того, чтобы совещаться и вынести свой приговор.Не лучше ли замолкнуть защите в этом деле.Но нет, члены Революционного Трибунала.Не затем учреждена защита властью рабочих и крестьян в Революционном Трибунале, чтобы она молчала, когда разбирается дело в Революционном трибунале.Здесь говорил обвинитель и его устами говорило обвинение.Здесь говорила вся Советская Россия устами обвинителя, здесь говорили все рабочие и крестьяне, устами обвинителя здесь говорил мировой пролетариат, который предъявил счет правительству Колчака, правительству богачей и кулаков. Здесь устами обвинителя говорили все, говорила все против этих 22 человек.Все, который предъявляли свой счет этим 54 человекам, все говорила устами обвинителя против одного.Граждане, члены трибунала, какой не был бы этот суд, если бы этого одного, если бы у этого гражданина, если бы за этого одного не нашлось голоса в его защиту, какой был бы это суд, если бы на этот счет, который предъявлялся всеми, не поднялось голоса, который рассмотрев бы этот счет, напряг все силы разума, чтобы выяснить все в этом счете что возможно отнести на счет каждого подсудимого и нет ли чего нибудь, что не принадлежит ему, что должно быть отнесено

другим.И несмотря на то,что кошмарная картина Колчаковской власти прошла перед вами,что защита не считала себя в праве на одним словом уменьшать те краски,которые рисовал здесь обвинитель,больше того,защита считает,что то,что прошло перед вами блекнет перед теми фактами,ужаса и террора,которые совершались за время Колчаковской власти.Но несмотря на это,защита свой робкий и слабый голос осмеливается поднять здесь перед вами,членов Революционного Трибунала.Здесь перед вами были оглашены основные положения уголовного права,вырабатанного властью рабочих и крестьян.И в этих основных положениях уголовного права есть статья 12,которая говорит,что когда обсуждается виновность, когда обсуждает вопрос о применении наказания,то Революционный Трибунал - это совесть и разум революционное рабочего и крестьянина - должен внимательно ознакомиться с личностью,с деятельностью,с прошлым данного лица.Вот,члены Революционного Трибунала,к ознакомлению с личностью,с деятельностью каждого из обвиняемых ,я вас призывал.Я хочу вкратце остановиться на том,как эти лица здесь перед вами заявляющие о том,что они не желали вреда рабочему и крестьянину,как эти лица,на которыми имеются некоторые заслуги перед рабочими и крестьянами,вдруг оказались в той группе,в том правительстве,которое именовалось Колчаковским правительством.Основной пункт обвинения,которое пред"явлено подсудимым - это есть обвинение в пункте о восстании при помощи и поддержки иностранных правительств против власти рабочих и крестьян.И здесь перед Революционным Трибуналом, должен быть поставлен вопрос,зачем и как попали эти лица в Сибирское правительство. Пошли ли они туда затем ,что они участвовали в бунте и восстании против рабочих и крестьян или они были привлечены по другим условиям и на других основаниях. Данными дела установлено,что некоторые из этих лиц до падения власти в Сибири не принимали активного участия в движении враждебном партии большевиков.Никто из этих лиц не принимал участия ни в каких боевых организациях,поставивших целью свержение Советской власти в Сибири.Таких данных на этом куде не было,да и свержение Советской власти в Сибири произошло помимо какой нибудь вооруженной силы.Передо мной,граждане,члены революционного трибунала,

331 Zl 121

нота народного комиссара по иностранным делам Чичерина, опубликованная от 25 февраля 1920 г., в которой народный комиссар по иностранным делам Чичерин, излагая обстоятельства выступления чехо-словаков в Сибири, свергнувших со всею власть в Сибири, говорит следующее: "В настоящее время - говорится в ноте, - вполне достоверно известно, что посторонее влияние и давление извне . . . ./читает/. Прав в, эта точка зрения не совсем разделяется чехо-словацким правительством. И в ответной ноте министра иностранных дел чехо-словацкой республики Бенеша, 10-го апреля, указывается на и которые неточности в этой ноте. Но, бесспорно, что выступление чехо-словаков в Сибири произошло помимо давления сибирских русских сил. Затем, обвинитель в обвинительном заключении говорит по поводу этого обстоятельства следующее: он говорит, что во время похода Колчака на Дальнем Востоке, или после организации империалистических правительств, подняли мятеж чехо-словацких войск. Итак, с несомненностью устанавливается, что выступление чехо-словацких войск в Сибири произошло под влиянием агентур Антанты, помимо влияния русских сил и не доказано, что в этом выступлении вооруженные силы приняли какое-нибудь участие. Но в результате выступления чехо-словаков, советская власть в Сибири пала. Перед Сибирью встал вопрос об организации власти на всей этой огромной территории. Вопрос этот естественно можно было разрешать в трех направлениях: 1/ создание власти в руках иностранных государств, опирающихся на вооруженную силу, 2/ уступка власти реакционным кругам и 3/ попытка построить власть на демократических началах. Правые социалистические элементы Сибири, как и России, находились в глубоком убеждении, что пролетарская власть в России не может существовать.

ГОЙХБЕРГ: Я должен сделать заявление. Я сейчас слышал обвинение в качестве судебного материала ноты Бенеша, у нас проходил материал Головина и т. д., ноты Бенеша мы не знаем. Во вторых, мне кажется, что защитник, говоря о правых социалистических партиях, повидимому придается личным воспоминаниям. Здесь о них никто не говорил. Никаких партий не рисовалось. Здесь правителем их был свой деятель Пепеляев. И я поэтому самым категорическим образом возражаю против того, чтобы защита превращала судебный процесс в методы воспоминания относительно собственной деятельности.

Председатель тов.ПАЛУНОВСКИЙ :Продолжайте.

ААРОНОВ. Я не думал здесь перед вами излагать идеологию правых социалистических элементов.Я не думал здесь также перед Вами приводить те обоснования,которые носители этой идеологии черпают из анализа хозяйственных и политических условий русской жизни.Я как защитник ,который желает установить причины и обстоятельства,при которых эти лица вошли в состав правительства,я считаю необходимым отметить только факт существования такой идеологии,существования наличность которого не станет отрицать и мой критик обвинитель и наличность которых несомненно известна и членам революционного трибунала. К тому и внешние обстоятельства вполне благоприятствовали этой идеологии.Условия Сибирской жизни ,казалось,давали все основания демократической власти рассчитывать на поддержку широких слоев сельского населения.Иностранные вооруженные силы в своих заявлениях указывали на то,что они будут поддерживать только демократическую власть .Вот эти условия,мне кажется, и послужили тем основанием,почему представители всероссийской Сибирской областной Думы провозгласили на этой территории власть Сибирской Думы,по этому же соображениям,как мне кажется,нашли возможным поступить на службу к этой власти и те правые социалистические элементы,представители которых здесь имеются и демократические элементы.Я говорю поступить к этой власти на службу,но я подчеркиваю,что эти лица никакого отношения к перевороту,совершенного чехо-словаками,не имеют .Не встретили препятствий к тому,чтобы пойти на службу во вновь образовавшуюся власть и прежние служащие разных учреждений.

Гойхбарг: Я позволю себе напомнить,что здесь идет суд над участниками бунтовщической шайки,восставшей против рабочих и крестьян.Защита повествует о какой то образовавшейся власти,к которой идут на службу.Я считаю совершенно недопустимым,ввиду существования законной Всероссийской власти . . .

ПАЛУНОВСКИЙ: Я вам слова не давал по этому вопросу.Я не могу суд обращать в митинг.

Гойхбарг: Я вынужден заявить,что я как представитель Всероссийской Советской Власти . . .

ПАЛУНОВСКИЙ: Считаю это не допустимым,призываю Вас к порядку,мы также представители советской власти,призываю вас к такту. . . .

333 123

Продолжайте.

ААРОНОВ. И вот, эти прежние служащие, прежних учреждений, так же нашли возможным для себя вступить на службу к этой власти. Они политически нейтральны, готовы служить власти разных политических направлений. Они исполнители. Они пришли на службу не для того, конечно, чтобы направлять политику, чтобы руководить ею. Каждый из них пришел для того, чтобы налаживать ту часть аппарата, с которой он был знаком и по своим знаниям и по своему практическому опыту. Так, инженер, Ларионов пришел налаживать транспорт. Ларионов, имеющий и признанные обществом научные заслуги, и бесспорный знаток практического дела. Так пошел налаживать судебное дело Морозов, старый юрист, старый судебный деятель, так пошел и был привлечен к налаживанию работы Кумановский может быть более других на тусклом фоне сибирской интеллигенции знакомый с рабочим законодательством и жизнью рабочих. Но вот они пошли туда, они стали работать. А между тем здесь существовали анархические силы, которые хотя формально признавали вновь образовавшуюся власть, но в действительности они существовали независимо, как государство в государстве. Одной из этих сил была атаманщина. Буйная, разгульная и жестокая атаманщина своим вмешательством во все области управления, во все области народной жизни, она дезорганизовала порядок. Своими насилиями над мирным населением она вызывала ропот и недовольство, она вызывала протесты, которые в конце концов превратились в цепь непрерывных восстаний крестьянства. Была и другая сила - это иностранные вооруженные силы, которые вели себя не так, как подобает иностранцам в дружественной стране. Вооруженные силы чехо-словаков в обеспечения тыла сохранили силу за собой. К действиям этого так наз. чехо-словацкого контроля и на счет других войск, которые здесь действовали, нужно отнести не мало тех зверств и злодейств, которые здесь совершались. Но была и третья сила. С того момента, как был установлен прежнесоветский фронт и под напором советской армии стали двигаться на восток, в Сибирь хлынула волна беженцев, преимущественно из беженцев, преимущественно из помещиков, дворянства и буржуазии прибалтийских городов. Разоренные они бежали в Сибирь, чтобы компенсировать то, что они потеряли. И здесь одиночки из бежавшей во время войны буржуазии хищнической, спекулятивной и своекорыстной, они по меткому выражени

334 124

свидетел. Патушинского стали стремиться к реваншу. Они стали стремиться получить то, что они потеряли во время власти Советов. И естественно, что на пути к этому стремлению их была эта вновь организовавшаяся власть эсеров. И вот почему все эти три класса об"единились вместе, для того чтобы сбросить эту власть. И они добились своего. Власть так наз. Сибирского правительства пала. Наступила диктатура Колчака. Перед вами прошла картина Колчаковской власти. Я не буду возвращаться к ней. Но здесь естественно спросить, почему же оставались у этой власти и те, кто пошел туда из принципов демократизма и те специалисты, которые пошли туда для того, чтобы налаживать, а не разрушать работу, как это было при Колчаке. Те элементы, которые разделяли демократические принципы, они отторгались от родственной им организации, своими собственными силами решили бороться с тем произволом, который характеризовал Колчаковскую власть. Вы слышали здесь показания обвиняемого Шумиловского, который сказал, что при той постановке вопроса, которая была в совете министров, он

28-мая 1920 г.

9-45 - 10 -45.

К.

ЗАЩИТНИК АРОНОВ. /продолжает/ . . . .и даже тот обвиняемый,к которому обвинитель представитель обвинения относится с доверием,Третьяк, показания которого нельзя подозревать в этом отношении, даже он,Третьяк, здесь говорит,что не эти лица,а те,которых здесь нет,являлись главными руководителями дела.И естественно,что эти руководители,все эти дела, все эти преступления совершали в своей среде,они скрывали их перед теми лицами,к которым у них и сомнения не могло быть такого доверия,которое существовало не ду нами.И вот почему тогда в заседаниях видели все эти события вызванные атаманщиной,вызванные этим монархическим офицерством,против которой так трудно гражданской власти бороться ,совершались перед судящими здесь на скамье подсудимых,и в частности перед Думановским встал вопрос:как быть,как лучше,передать ли эту власть атаманщине,передать эту власть Анненкову и Красильникову или согласиться на зло,но все-таки меньшее зло,согласиться на передачу этой власти Колчаку.И он согласился на передачу этой власти.Правда,быть может,если бы у них были эти документы,если бы они знали о том,что сам Колчак принимал участие в этом перевороте,если бы они знали оглашенные здесь телеграммы,что сам Колчак давал распоряжения Розанову уничтожать село и деревни,расстреливать каждого десятого,они не остались бы так,нам нет основания не верить подсудимому Думановскому,когда он это говорит.И он остался не для того,чтобы содействовать атаманщине,не для того,чтобы расстреливать рабочих,он остался для того,чтобы своими усилиями как нибудь уменьшить то зло,которое он видел.И вот мы видим эту работу.Мы видим,что несмотря на реакцию,которая здесь была,несмотря на влияния,которые здесь имели буржуазные,реакционные круги и военные круги,все же Думановскому удавалось провести незначительные,куцые,слабые,но все же некоторые законы,ограждающие интересы трудящихся.

Все же ему удалось провести закон в больничных кассах,о страховании рабочих,о минимальной заработной плате и т. д.Все же Преображенскому удалось отстоять интересы школы,все же Преображенскому удавалось отстаивать правительство от наскоков и расправ этой самой атаманщины.И можно конечно считать эти усилия тщетными,можно считать эти попытки в борьбе

336

надежным, ненужным, как попытками Дон Кихота, можно смеяться над правильностью оценки исторического хода вещей, на неправильностью ницы общественных взаимоотношений, это так и может быть после того прямо здесь перед нами, это именно так, либо то незначительное зительное, что сделано ими, что это в сравнении с теми разрушени-, с тем кошмаром, что был совершен за время Колчаковской власти. И жет быть все подсудимые сейчас перечивают трагичье ун кнуту, но где ли видит, что в действительности представляло собой Колчаковская власть ведь нельзя не отнести то, что совершалось Колчаковской властью, их счет, нельзя приписать им, что своими действиями они имели виду реставрационные цели, что они именно виноваты в по их приказа- расстреливались рабочие и крестьяне, что по их приказаниям совер- лись эти разрушения. Нет, они боролись с этими разрушениями, боро ись быть может как Дон Кихот, но другие недостатки, но другие поняли их на месте. Тем легче было остальным так. наз. спецам: ливаясь своим делом практическим, как всегда, хотя и в меньшей степени е не производительным, они не замечали всей силы разрушительных тен- ций проявляющихся в движении. Им казалось, что эти разрушения есть временные времена, знамение гражданской войны и ее неизбежный спутник, к на той так и на другой стороне. И эта частые изменения в составе вительства, изменения его курса, не так быстро, не так непосред- венно и не так незаметно влияли на их работу. Они замечали, что влияние разрушительных тенденций. Здесь, перед Вами, давал показания Ларионов, торый подробно говорил о том влиянии, которое имели напр. чех-войска транспорт, о том разрушительном влиянии, которое имела всеобщая и ядерное давление; здесь указывалось всеми ими на то гибельное ние и на те препятствия на пути, которые они встречали при их рабо- е. Но они были убеждены, что эти разрушительные влияния переходящи и они оставались на своей работе.

Вот граждане, та обстановка и те условия которые как мне кажется, послужили основанием тому, что эти люди вошли в правительство не ушли из него. Я думаю, что ни мы не считали большим то зло, которое совершено Колчаковским правительством, как ни было велико то разрушение народного хозяйства, которое совершено им, но все же отнести их счет это разрушение, отнести на их счет это зло мне представляется не вполне справедливым. Как я уже сказал, здесь перед

Вами, перед Революционным Трибуналом очерчивается и судится не правительство в целом. Каждый из подсудимых предстал здесь перед Вами своей отдельной личностью, своей отдельной жизнью, своими отдельными интересами и своими отдельными целями, и поэтому в отношении каждого из них вы должны будете здесь взвесить все то, что они сделали и оценить все то, что здесь перед Вами прошло.

Я в кратце остановлюсь на деятельности каждого из них. Вот перед Вами Шумиловский, занимавший пост министра Труда. По своему социальному положению он никакого отношения к буржуазному классу не имеет: он учитель, пролетарий, он работал в провинции, работал над созданием учебников и хрестоматий, над обучением молодежи. Он принимал участие в просветительных учреждениях и, как официально здесь засвидетельствовано был неоднократно выбираем левыми группами выборщиком в Государственную Думу. Вы видите, что в прошлом он не связан с буржуазией и с ея интересами, что сходство его с буржуазией может быть весьма сомнительна. И он вошел в эту самую власть. Я уже сказал те мотивы, по которым он вошел и продолжал с ней оставаться, но Вы видели и то, что он делал. Вы видели что он принимал все зависящие от него меры, и все что он мог дать при тех условиях к тому, чтобы придти на помощь рабочим, которые также за это преследовались во время Колчаковской власти. Он издавал законы, он протестовал против истязания и расправ, он протестовал против убийства рабочих, он вправду-правду быть может тщетно, быть может это был глас вопиющий в пустыне, но все же несомненно, что он звучало, ибо это точно зафиксировано в тех протоколах заседания Совета Министров, которые были здесь оглашены. По его требованию была назначена комиссия по расследованию факта убийства комиссара в Петропавловске, по его требованию был назначены другие комиссии по расследованию этих обстоятельств. Наконец, другие обвиняемые утверждают единогласно, что пролей, горькой пролей звучит, когда принятие закона о смертной казни приписывается Шумиловскому, тому Шумиловскому, который в Совете Министров возражал против принятия этого закона. Я думаю, что заподозрить искренность этих показаний нет никакой

оснований. Мы знаем, что некоторые рабочие учреждения здесь существовали, мы знаем, что здесь существовали больничные кассы, и быть может многие из рабочих и их семей, которые получали помощь в этих кассах, скажут то слово, о котором говорил Шумиловский. И так вы видите эту деятельность Шумиловского, - и разве можно Шумиловского обвинять в том, что он сознательно и умышленно вел к возврату старому. Быть но ет участвуя там он косвенно и оказывал это содействие, но содействие это было несознательно и не умышленно. Здесь говорили о том, что его именем прикрылись, его именем социалиста говорили за границей, но здесь был оглашен документ, относящийся к раннему периоду деятельности Шумиловского, в котором Шумиловский, желая снять всякую ответственность социалистических элементов за свою деятельность, категорически заявляет, что они ни в какой партии не состоят и что он просит рассматривать его деятельность, как не принадлежащего к какой либо партии, а как лично его, и Шумиловского, деятельность. И поэтому я считаю, что вменить эту вину Шумиловскому нельзя. Шумиловский быть может виноват в том, что он был там, но он не заслуживает той жестокой кары, о которой говорил здесь обвинитель.

Я обращаюсь к другому обвиняемому - к Грацианову. Его процесс также не свидетельствует о том, что он приверженец монархии, о том, что он спит и видит монархию. Здесь был оглашен документ, относящийся к 1905 г., который свидетельствует о том, что Грацианов за свои мысли, за свои безпроитратные мысли, которые он высказывались по поводу расстрела агитаторов в 1905 г. в Томске был уволен Томским губернатором, за эти мысли он подвергался гонениям и преследованиям, и конечно не Грацианову думать о возвращении монархической власти. Его деятельность проходила всегда, как деятельность общественная, как деятельность муниципального работника в качестве такого деят ля, он был привлечен в состав правительства, он работал и занимался именно в этой отрасли деятельности. Я думаю, что Грацианову также не может быть предъявлен жестокий счет, который ему здесь предъявлялся.

Я перехожу к следующему обвиняемому Преображенскому. Что заставило его войти в состав этого правительства. Здесь ему вменяется измена Советской власти, а именно: находясь на службе у Советской власти, он перешел к власти антисоветской. Я думаю, что едва

ла основания к такому обвинению. Преображенский об"яснил, что он как геолог Геологического комитета был командирован для геологических исследований, и что его переворот застал как раз на рубеже. Он остался здесь, он продолжал свою работу, но затем как бывший товарищ министра Всероссийского Временного Правительства Керенского он был привлечен этим именовавшим себя также Всероссийским Правительством на должность товарища Министра. Допустим, он совершил это преступление. Желал ли он возврата к прошлому, к монархии и ея восстановлению. Зачем, какие помыслы были у него, когда он в нее вошел. Я думаю, что об"ективные данные следственного материала указывают на то, что этого не было. Здесь была оглашена речь Преображенского, с которой он обратился в момент вступления и принятия на себя власти в которой он изложил свою программу, и из его речи видно, что Преображенским не цели монархизма и реставрации руководили. Он говорил там о демократической единой народной школе, он говорил там не об уничтожении просвещения масс, он говорил там о сети народных университетов, о внешкольном образовании, он говорил о том, что возврата старому не будет.

Я перехожу к следующему обвиняемому - к Введенскому. Здесь в обвинительном материале нет почти ничего, что относилось бы к деятельности Введенского. Его роль в министерстве была чисто техническая и это удостоверяется этими данными. Он работавший и с Советской властью и в качестве председателя совещания по топливу, он в Сибирском масштабе на эту же роль был приглашен и Сибирским Правительством и по своей специальности он продолжал работать. Здесь говорят, что эти люди все же принимали участие в всех заседаниях Совета министров, в котором проводились и кровавые законы о смертной казни, что они все же принимали участие в тех заседаниях Совета министров, в которых проходили законы об ассигнованиях на борьбу с Советской властью. Но какова доля этого участия. А ведь Революционный Трибунал, для того чтобы судить, должен точно взвесить долю этого участия и я думаю, что нет основания к тому, чтобы не считать, что доля участия Введенского была минимальная.

Следующий подсудимый Васильевский. Инженер строитель поступивший в министерство Труда, но почти никакого участия не принимал в работах Совета Министров. Он заменял Шумиловского только на время его отсутствия и здесь в присутствии Васильевского прошли два закона: закон о смертной казни и приказ о назначении гене-

Розанова. Подсудимый Васильевский Вам говорил о том, что он голосовал против закона о применении смертной казни. Говорил сам обвиняемый о том, что Милевский также всегда высказывался против этого закона и вообще министерство Труда не высказывалось за этот закон. Что касается назначения Ген. Розанова, то он только что был впервые в этом заседании и о деятельности ген. Розанова он знал только отрицательное. Он знал, что ген. Розанов ведет борьбу против министерства Труда, которое позволяет себе протестовать против тех насилий, которые совершал ген. Розанов над рабочими Енисейской губ., и он говорит Вам, что он голосовал против назначения ген. Розанова.

Перейду теперь к подсудимому Ларионову. Я не буду характеризовать его прошлой деятельности, я не буду останавливаться на причинах, которые побудили его вступить и сделали для него возможным быть в составе правительства. Вы уже достаточно ознакомились с этими причинами. Ларионову также, как и другим вменяется принятие закона о смертной казни и всех постановлениях Совета Министров. Но это подтверждается только голыми журнальными постановлениями, которые не отражают, как это в действительности установлено, всего того, как происходило в заседаниях Совета Министров. Не установлено, чтобы именно Ларионов голосовал за эти законы о смертной казни и чтобы его голосом эти законы проходили, но с другой стороны Вы видели, что те же самые министры принимали всякие меры к тому, чтобы бороться с тем произволом и насилием, которые производились над железнодорожными рабочими. Он принимал меры к тому, чтобы обеспечить нужды рабочих, удовлетворить их материальные требования. Здесь перед вами был оглашен целый ряд протоколов заседания Совета Министров, которые утверждают о том, что именно по докладам министерства Путей Сообщения отпускались средства для удовлетворения нужд рабочих. Ему вменяется в вину эвакуация, ему вменяется в вину разрушение транспорта, но я думаю что здесь в достаточной мере выяснена та власть, которая в действительности являлась хозяином положения на этой территории, в достаточной мере выяснилась власть военными, против которой гражданская власть была бессильна. Я думаю, что указания Ларионова на хозяйничанья этой военщины, на то, что никакое вмешательство в распоряжения военных не помогало, это указание заслуживает полного доверия. Я думаю, что и военным положением и положением о военном управлении, вполне устанавливается, что распоряжение железными дорогами в прифронтовой полосе принадлежит не гражданской власти путей сообщения, а всецело находится

341

в распоряжении военных властей, кто и это разрушение железнодорожного транспорта не может быть отнесено на счет Ларионова, а на счет тех виновников, которые в действительности это совершили. Здесь Ларионов который работал в качестве технического руководителя в ведомстве, в последнюю минуту своего пребывания в правительстве и в последнюю минуту существования этого правительства занялся и политической деятельностью. Он был членом так наз. политической тройки, которая образовалась в Иркутске в последние дни существования Колчаковского правительства. Но каковы были условия, при которых образовалась эта тройка. Каковы были задачи этой тройки. Перед Вами в достаточной степени было охарактеризовано это положение. Вы видели, что по существу гражданская власть в Иркутске была лишена возможности какой либо власти и какой либо силы, вся власть принадлежала военщине, ген. Сычеву, затем вся власть перешла к генералу Семенову и его ставленнику ген Скипетрову. Власть этой тройки была власть безпомощная, тройка занималась тем, что она просила, уговаривала, она упрашивала их эту военную власть не совершать тех злодеяний, которые они совершали. Вы видели, что совершала военщина при аналогичных условиях. Перед вами прошли кошмарные ужасы Омских дней 18 го декабря. Перед вами прошли все ужасы Колчаковского ига властвования и властвования военщины, но справедливость требует установить, что за время этой политической тройки в Иркутске никаких ужасов не произошло.

Мне приходится остановиться на событии, имевшем место на Байкале - убийстве 32 арестованных. Но здесь мне кажется, в достаточной степени установлено полная непричастность Ларионова, как и непричастность Червен-Водали к этому убийству. Здесь по показаниям свидетелей заподозрить которых нельзя, установлено, что когда Ларионов и Червен-Водали узнали о том, что арестованных требует Семенов, то они принимали все зависящие от них меры к тому, чтобы воспрепятствовать передаче этих арестованных Семенову, и под их влиянием эта отправка несколько раз приостановилась. Только тогда, когда вынужденные необходимостью переговорить с Политическим Центром уехать на другую сторону реки Ангары, Червен-Водали уехал, в это время хорошим образом эта шайка ген. Скипетрова увезла арестованных.

Когда они об этом узнали, они все же пытались сделать последнюю попытку к тому, чтобы спасти арестованных . . . . . .

342 132/32

И вот, когда они узнали об этом, они все же попытались сделать последнюю попытку, чтобы освободить арестованных. Ларионов делает распоряжение вернуть арестованных, а когда это не помогает, он дает телефонограмму, чтобы их передали иностранному командованию, где они могли быть спасены. Не в его силах было воздействовать на банды Семенова, и . . . они погибли. Но справедливость требует, чтобы смерть этих 31 арестованных не было записано на счет Ларионова. Здесь указывалось, что Ларионов затягивал переговоры с политическим центром и этим стремился приблизить момент появления банд Семенова. Но перед вами излагались обстоятельства переговров и я думаю, что в затягивании переговоров он также не может быть обвинен. Я перехожу к следующему обвиняемому - Червен Водали. Червен-Водали вступил в состав правительства лишь в последние дни его существования и поэтому к предыдущей деятельности правительства не имел отношения и не может нести ответственность за эту деятельность. Что касается его деятельности в Иркутске, то все, что я сказал относительно деятельности Ларионова, относится также и к деятельности Червен-Водали. Также, как и Ларионов, Червен-Водали не желал смерти 31 арестованных. Как и Ларионов он не затягивал переговоров, также как и Ларионов он противился всем жестокостям, которые военные власти желали совершить в Иркутске. Он принимал все меры, чтобы войти в соглашение с городскими и земскими самоуправлениями с демократическими элементами. И мне кажется, что за эти последние минуты своей деятельности, Червен-Водали, не может быть обвинен. Зачем же, спрашивается он вступил в состав правительства. Вы слушали лиц, который здесь выступали. Вы слышали, что Червен-Водали был оппозицией в этом правительстве и требовал изменения всего курса и в последний момент, когда очередное наступление правительства грозило населению жестокими расправами военщины, в этот последний момент, может быть благодаря тому, что Червен-Водали было правительство, Иркутск избег тех ужасов, которые могли повториться там при обстановке, аналогичной обстановке, какая была в Ом Омске 32 -го декабря. Червен-Водали обвиняется и в том, что он состоит членом Исполнительного Центра. Червен -Водали заявил здесь перед Вами - члены Революционного Трибунала, что он не принимал участия в вооруженных приготовлениях против советской власти, которые производились национальным центром. Правда, имеется документ, который указывает на всю ту кошмарную картину, которая должна была появиться в результа

343 153

те того переворота, который замышлял национальный центр. Но Гервэн-Водали с категоричностью заявляет, что этот документ к нему никакого отношения не имеет. Трудно, конечно, доказать здесь что документ, который здесь был оглашен, не принадлежит Гервэн-Водали, но мне кажется, что если бы Гервэн-Водали знал содержание документа, то, без сомнения, он не добивался бы отыскания его и оглашения здесь перед нами и в этом Вы, быть может, найдете подтверждение того, что этот документ принадлежит не ему, а может быть Неделяеву, папка с бумагами которого было вместе с бумагами Гервэн-Водали.

Я перейду к следующему и последнему из моих подзащитных - обвиняемому Клафтону. Этому обвиняемому вменяется в вину пропаганда и клеветническая деятельность. Он сам ответил на это предъявленное ему обвинение. Я не буду этого касаться. Я хочу коснуться только одного обвинения, самого странного, которое может быть сделано подсудимому Клафтону - это обвинение в стремлении его к реставрации, к созданию монархического строя. И вот, я думаю, что это обвинение не сомненно должно здесь отпасть. Прошлая деятельность Клафтона, как подтверждается стенограммой его речи, которую я Вам предъявлял, категорически указывает, что Клафтон был против реставрации, против самих попыток возвращения к старому монархическому строю. Он говорит в своей речи, что возврата к старому быть не может, что власть может быть образована только на демократических началах." И мне думается, что Клафтону нельзя приписывать то, о чем говорится в обвинительном заключении. Там говорится, что он, как представитель Восточного отдела партии к.д. играл руководящую роль, но здесь выясняется, кто - и когда играл руководящую роль - эту руководящую роль играл не Клафтон, она принадлежала Кардецкому, главе Омской организации к.д. И в деле имеются документы, где имеется протест восточного отдела партии к.д. против насилий и зверств, которые были совершены в Омске 22 декабря.

Я кончаю граждане, члены Революционного Трибунала свое слово, по необходимости краткое, слово, может быть чрезвычайно слабое в этом большом деле, историческом деле, которое здесь перед Вами предстало. Здесь перед Вами стоит процесс о членах самозванного и мятежного правительства Колчака и его вдохновителях. Перед Вами прошла целая цепь обстоятельств, которые с неоспоримостью свидетельствуют, что обвиняемые не играли руководящей роли

в этом правительстве и если можно говорить об этих лицах, как о членах правительства Колчака, то разве только в том самом смысле, в каком эти лица напоминают нам о существовании правительства с его кошмарными преступлениями и насилиями.

Было бы однако глубоко несправедливо все вподеяния все ужасы, которые совершены колчаковским правительством, отнести на счет Михайлова, не на счет Тельберга, Жарецкого, атаманщины, не на счет тех, которые в действительности были руководителями этого правительства, а на счет сидящих на скамье подсудимых.

Главных виновников здесь нет. Некоторые из них - Колчак и Пепеляев - не дождались суда, других не удалось еще посадить на скамью подсудимых. Но пусть не из-за слепой игры случая отвечающие здесь за колчаковское время протестовавшие против беззаконий и насилий, но вполне безвестные, не отвечали за тех известных, а потому виновных которым удалось ускользнуть из кровавых рук восставшего революционного народа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: объявляю перерыв до завтра, в 5 часов.

10-е заседание 29 мая 5 . 15 - 6 . 15

Председатель Паслуновский: Заседание продолжается.

Аизин: [illegible] Трибунала, когда я слышал слова обвинителя в настоящем процессе он преследует [illegible] не политическое умерщвление должностных и обвиняемых тех, кто сидит на скамье подсудимых и не только осуществляет тот кабан-процесс, который устроил Колчак над посадившими его за тюрьму. Я не помню слова Колчака, что он устроил это процесс не для того, чтобы наказать Каталева и Краснова, но что бы перед всем миром показать полную виновность, полную виновность, полную виновность всех тех, кто был за это на стороне. Я сделал это сравнение не для того, чтобы этот процесс с тем, я свободно подумал, что в этом процессе, где несомненно главная роль и внимание обвинителя особенно не на обвиняемых, а на внутреннем устройстве того, что было в Сибири в эти полтора года, я подумал и спрашиваю, что характер этого внутреннего порядка будет похож этим, по существу.

Председатель: Обвинитель свою речь строил не на этом, а на сборнике Советской власти и на строительной и восстановительной деятельности Советской власти и заключительной работе масс. Таком образом обвинитель строил процесс не за внутреннее устройство власти [illegible] мероприятия, а за этот определенный факт, основной Советской власти [illegible] Директории.-

Аизин: [illegible] обвинитель, говоря это самое от своего имени заявить, как это доказывает сенатор, что весь [illegible] хаос, вся безпорядочность, все это существовало в Сибири будет приписана тем, кто сидит на скамье подсудимых. А между тем на всем протяжении ясно, что истинные виновники этого безобразия здесь на скамье подсудимых, [illegible] их на этой скамье не сидят. А и точно ли это правительство, о котором говорят было руководителем [illegible] большинством, которым не пользовался Омский правитель, [illegible] это не то, что Сибирское, по даже впоследствии Всероссийское правительство, но это не бумажки, все говорило о нем [illegible] и все это самостоятельно создавалось, я вам говорил, что Директория [illegible] свои полномочия возвратил, так как это только [illegible], - я не расположен [illegible] действительность с тем, что здесь, Сибирское правительство облеченное полнотой власти, не было правительством, которое создавалось именем правительства. Здесь совершенно самостоятельно действовали иностранные отряды, чешские, польские, итальянские, которые действовали здесь еще до установления какой-нибудь особой власти. Для нас совершенно ясно и несомненно, что [illegible] власти и та территория, которая входила в [illegible] доступа, а это было от Омского оборота иртыша на запад, не входили в зеленое распоряжение совета министров. Несомненно, что целый ряд он к востоку от иртыша, он явился [illegible] против трудового народа изумлен введения правительства и совета министров и все что делалось [illegible] делалось помимо и сверх указаний или руководства со [illegible] на совета министров. В чем можно его представить ответственным его главным руководителем Колчака Михайлова, Гинса, Старынкевича, Вологодского повторялись неоднократно имена это [illegible] новителей Жардецкого, Ванновского, Лебедухина, подтверждались неоднократно и все, что было сделано [illegible] возмутительного [illegible] [illegible] было сделано ими непосредственно. Да те, больше я с уверенностью могу сказать, что [illegible] деятельность, так называемого [illegible] года Деникина, как она проходила, [illegible] она была всему [illegible] ров. На вопросы которые были заданы обвинителем я отвечал, что не [illegible] были отпущены суммы до 100 миллионов рублей [illegible] ствовала особое совещание по делам печати в составе [illegible] Бутова министра иностранному [illegible], [illegible] подсудимых не было. Чем до этого [illegible] занимались. Оказывается оно [illegible] печать, а на [illegible] деятельность. [illegible] Когда [illegible] вопрос, а ваша деятельность [illegible] [illegible] он ответил, что, конечно, его [illegible] деятельность была консервативной. Из этих простых примеров видно, что [illegible] деятельность, которая может быть оценена [illegible] деятельность позорящей человеческое достоинство и благородство, эти [illegible] никакого участия не принимал. А сенатор и обвинитель не утверждает, что здесь сидят главные [illegible] ли. Обвинитель требует жестокой кары к тем, кто сидит на [illegible] скамье не потому, что это главные руководители, а потому что это [illegible] [illegible] той [illegible] шайки, которая [illegible] власть Советов. Так ли это. [illegible] действительно ли это члены [illegible] шайки или что-нибудь другое. Для того чтобы вспомнить, как произошло [illegible] Советской власти, для всех присутствующих здесь ясно, что [illegible] Советская власть 7-го июня в результате столкновения [illegible] сражения с чехословаками. Представители Советской власти поспешили из Сибири уехать и здесь [illegible] огромная территория, которая была завоевана так называемыми чехо-словаками и где не было никакой власти. И вот тогда Власть, какая то, русская власть должна была здесь существовать. Представитель

Обвинения рисует [illegible]
свергнута шайкой, в которой учавствовали с одной стороны распив-
ливщийся с четверти водки Сипайлов, с другой стороны, в качест-
ве фигового листка, член учредительного собрания дербер. Вот
Какого рода была шайка в Сибири. это были люди поллитически помо-
гавшие успеху на так называемом внутреннем фронте. Эта шайка высту-
пила вперед той ил другой част всего организма или фигового
листка или Сипайлова. Несомненно, что то правительство, которое здес
существовало после свержения советов, не свергла власти советов.
Оно не могла учавствоать в этом ибо если бы оно учавствовала в этом
этом, то как было бы возможно отпускать 300.000 рублей на расходы
посторонних лиц по свержению Советской Власти. Отсюда с логической
ясностью следует, что не эта шайка так называемая обвинением сверг
гла эту Власть. Я себе представляю иначе Власть была свергнута че-
хо-словаками, а когда территория была очищена, к власти кинулись
эсеры, люди правых убеждений к.д. люди самых разнообразных убежде-
ний с целью захвата власти и осуществляли те политические идеалы
которым они всегда, по мои поллитическим убеждениям стремились.
Как можно говорить о шайке, о соединени существующим ме ду ними
и Пав ом Михайловым, Линбергом, Сипайловым которые под звон стакаана
о бутыль, спускали лодей под винт. Как можно говорить о комплоте
Сипайловым и Червено-Водали, когда было установлено, что Червен-Во-
дали требовал неприкосновенности тех арестованных, а Сипайлов
чтобы и Червен-Водали был также спущен под винт. Какой может быть
комплот меду Сипайловым и Новоселовым, когда Сипайлов заявляет, что
на Новоседова нужно через подходящих людей подействовать. Разве
можно было так ставить обвинение. Почему не гражданин дербер, кото-
рый учавствовал в качевсте фигового листка, почему он не сидит,
почему Патушинский, министр внутренних дел, почему он не сидит.
Если некоторые играли рол по своим специальностям, а другие роль
кашеваров, почему машинист который ремонтировал паровоз, почему
он не сидит, тысячи служащих которые учавствоали в перевозках, на-
до всех посадить, это все шайка. Обвинитель, для того чтобы под-
держать такое, по истине я считаю нелогичное настроение обвинения,
он завляет, " позвольте они издавали приказы о большевитском бун-
те, что большевик дол ны содержатся как преступный комплот для св
свержения Власти". Я скажу что это совершнно нелепое постановле-
ние. И если мой враг или неприятель делает глупое постановление, я
неужели я на этом должен строить свое логическое построение. Я ска
жу что все это олицотворение плохого государственного порядка, я
глупого немыслимого, не нельзя [illegible] к каждому, по-
тому что иначе последний писец должен отвечать за то, что Розан-
нов разоряет ни в чем не повинных крестьян, действительности именн
и было так, как утверждал я и по многим причинам по мотивам, кото-
рые диктовались иностранными капиталистами. Что и обвинением были
раскрыты попытки реставрации, которые здесь осуществлялись, по
каким причинам, не буду говорить, но несомненно свержение власти
совизвели чехи. И с самого начала здесь были две общественно-поли-
тические силы, обладавшие не только голозою, но силою оружия, с
одной стороны заброшенные судьбою иностранцы, оказавшиеся в Сиби-
ри, после международной войны и создавшиеся из отбросов обще-ата-
манские шайки, с другой стороны. Все время в Сибири был не единый
комплот, в этом совете министров была борьба и борьба была с ним
учавствовали в не й силы, которые учавствовали в правительстве
это можно подтвердить целым рядом доказательств актов, фактов, ко-
торые прошли перед судом. вспомните сибирские события- Восстание
Гайды и Якушева все это с неомненностью подтверждает мою основную
мысль, что в Сибири было оставлено безхозяйственное имущество влас
к этому имуществу тянулись разные руки, между ними все время шла
борьба, была борьба и в Совете министров: Вспомните о том, как
говорил гражданин Преображенский, какая борьба была с военно-про-
мышленным комитетом. Если была шайка руководителей военно-промышлен-
ного комитета, то каким образом только одним голосом решился воп-
рос о недопущении, немеленном отстранении и предании суду всех
деятелей военно-промышленного комитета. Раз так, то я думаю, что не
может быть речи о вменении в ответственность моим подзащитным и в
всем здесь сидящим того, что бы чешскими полками, поляками и дру-
гими различными атаманскими шайками все это было совершенно по-
мимо совета министров. А то что было совершенно советом министров
это должно было вменено всем здесь присутствующим. Я категорически
утверждаю, что нет и нет вот почему. На чем На чем это обвинение
строит гражданин обвинитель. Ана том, что те или другие лица в
заседании где принято было то или другое постановление присутство-
вали или подписали поста овление. Ну, а действительно это означает
что они поддерживали или соглашались, или может быть боролись.
[illegible] Возьмем самое характерное заседание

За своих обвиняемых я могу сказать - это не подлежит сомнению, что обвинителя память хорошая, 27 присутствовали 17 подписали и так как это был важный вопрос, в протокол занесено кто голосовал. Оказывается 15 голосов за и один против, остальные в голосовании не участвовали. Между тем когда говорится об избрании Колчака, указывают, что присутствовали Новомбергской и Молодых. Какое преступление, что они присутствуют, скажите пожалуйста. Да мы все в Омске присутствовали, что же все за это надо судить что ли. Вот вам пример. Может быть подписание протокола означает, что они были согласны. Вовсе нет. То постановление, где обсуждалось вопрос о ревизии вопроса был принят большинством против одного голоса. Это не заносилось в протокол. Если бы обвинитель хотел доказать вину каждого отдельного человека, а он должен был доказать, потому что шайки здесь не было он должен был основываться на стенограммах, они имеются, они должны быть в делах совета, он должен был их привести и представить обвинению. Путем предположения, особенно, если имеется богатая фантазия, можно дойти, да Бог мой я позволяю себе напомнить допрос свидительницы Новоселовой: а не потому ли Вам было выдано пособие что люди которые виновны в убийстве Вашего мужа не хотели с вами часто встречаться. К счастью Новоселова была здесь и сказала, что она сама просила пособие. Но представьте на минутку, что ее не было и это предположение не было опровержено. А предположение об оценке голов убитых, когда чудовищное обвинение было предъявлено Морозову что не потому ли им выдано за убийство 100 рублей большевиков. К счастью присутствующие установили, что эти деньги за отобранные казенные суммы и предложение вносилось министром финансов. Но все же обвинитель не согласен, он говорит: позвольте министр земледелия Петров делал заявление, что нельзя расселять большевиков ибо ей быть и представление министра финансов было оценкой за головы. Но представитель тюрьмы выявляет счет за порчу имущества, а не за убитые головы - и обязательно большевиков, хотя там была тюрьма каторжная. Поэтому так строить предположение нельзя и поэтому я буду опровергать с большей или меньшей уверенностью утверждения гражданина обвинителя ибо иначе в настоящем процессе защищать нельзя. Я защищаю девять человек Морозова, Молодых, Степаненко, Дислинского, Дмитриева, Жуковского, Пусарева, Пронзовского и Новомбергского.

Будем говорить о Морозове. В обвинительном акте ему почему то уделено чрезвычайно много внимания обвинителем, но здесь надо сказать к счастью сам гражданин обвинитель признал, что некоторые об"яснения Морозова заслуживают серьезного внимания. Будем перечислять по порядку пункты обвинения. Ему вменяется что он послал совершенно целью некого Шишкина в Советскую Россию и для этого дал ему 29,000 рублей, но оказывается, как было установлено, что послал не он, а послал Пашинский, чтобы пригласить людей для занятия должностей. Гражданин обвинитель улыбается, но я не вижу здесь никакого шпионства не усматриваю. Может у меня какой нибудь недостаток умственного строения, но убейте меня, но шпионства я здесь не вижу. Гражданин обвинитель говорит, что он монархист несомненный; у него в списке написано о бронзовой медали в память 300-ия дома Романовых и даже Высочайше большими буквами. Но оказывается это писал не сам Морозов а какой то Белобородов и в прежний период это писалось, неужел это характеризует его как монархиста. Да дай полицейский, каждый волостной писарь у нас в Якутской области имел эту медаль и неужел Морозов так скудоумен чтобы мог этим гордится, а в серьезном обвинительном акте это представлено как стремление к реставрации. Что интерес к семье Романовых. Но вспомните незадолго до падения Советской власти вечная да или была убита семья Романовых. Это было когда город Екатеринбург и его окрестности находились в руках Советской власти и я не сомневаюсь что министр юстиции Советской России так же затребовал сведения, при каких обстоятельствах это произошло и не мог не затребовать, потому, что при Советской власти люди исчезают иначе как по судебным приговорам, а без судебных приговоров это не совершается. Что особенного, что на это ассигнуется 15,000 рублей. Вот дальше серьезное обвинение смертная казнь была принята 14 сентября. Точно ли впервые она была проведена 14 сентября, а что означало постановление сибирского правительства, где говорится, что за такие то преступления наказание увеличивается на одну степень. Но 14 сентября смертная казнь введена определенно. Почему это вменяется в вину Морозову, потому что он возражал против этого он даже указывал, что это в его компетенцию не входит. Обвинитель возражает, что может быть отнесено к нему так же как и вина в устранении Шатилова и Крутовского. Вот еще подумайте, какое ужасное

прес упление. Об этом допрашивался Патушинский. Но если бессроч-
ка каторга как можно ее увеличить на одну степень.. Человек внес
в совет министров, что дела которые передаются в военно-фронто-
вые могут быть затребованы в тех случаях, когда дела еще не
поступили в судебные места..это о толкуется так, будто Морозов
решил все дела из гражданской подсудности передать в военную,
но здесь с несомненностью для трибунала выяснилось, что это сде
лано с целью не расширить а сузить компетенцию их, м есликто
нибудь сумел 5-10-25 человек спасти от этих прифронтовых
судов, то надо не наказывать за это, а благодарить. Еще между
прочим в обвинительном акте есть утверждение, что вот какой он и
жестокий человек, что то ужасное, он вносил законопроэкт, что
надо пересылать арестованных в кандалах. Но я просил бы разъяс
нить указать на порядок пересылки лиц в связи с большевитским пе-
ревоpотом - из сопоставлений этого постановления с тем что го-
ворится откандалах ясно, что по отношениям к арестованным предста-
вителям большевитской власти эти кандалы никакого отношения не
имеют. Дальше, Морозова обвиняют, что он присутствовал, когда при-
нимался целый ряд постановлений, которые с нашей точки зрения
являются незаконными, неправильными и т.д. Но как мы можем ставить
вину человеку, что он при этом присутствовал. Я повторяю, что мы все
присутствовали при том, что делали Розановы, Красильниковы. Что же
Морозов должен был сделать, Я себе представляю-ну сидит Морозов,
представьте себе, что он возражает, Большинство все таки за это. Ч
Что же он должен сделать - он должен итти на улицу организовывать
комплот, чтобы свергнуть правительство. Но это значит требовать
геройства, это можно требовать от всех, но этого мы не можем обви-
нять мы не можем за то, что он не шел как рабочие железнодорожных мастерских 22 декабря на восстание. Те кто
шел на восстание были герои. А он не был герой. Но он сражался. Он
ограничивал компетенцию полевых судов, учреждал следственные коми-
ссии. Конечно оне не спасли Сибирь они сделали очень мало, но они
шли постепенно, но активно, энергично на власть. Вот еще здесь в
связи с Морозовым я коснусь так называемых сентябрских событий
убийства Новоселова и участия Морозова и других членов администра
тивного совета в этом деле. Я думаю, что ни Морозов ни другие
члены к этому преступлению отношения не имют ибо, если бы Морозов
имел отношение к этому делу, то стал бы Морозов, когда Матковский
сказал, что своими силами он не может арестовать. требовать у Ива-
нова-Ринова ареста Волкова и Волков был арестован. Здесь еще есть
некрасивый момент очерченый с такой ясностью это подлог будто в
заседании, где принималась отставка Крутовскрго и Шатлова присут-
ствовали Крутовский Шатилов. Но если бы Морозов и др. об этом зна-
ли, то они говорили бы об этом чрезвычайно-следственной комиссии А
Аргунова, а между тем они о присутствии Крутовского и Шатилова
не знали, а если бы и знали, то не было на их лицах такого удив-
ления, когда им это здесь показали. Но многие из вас неоднократно
подписывали протоколы, особенно заголовков совершенно не читая,
проглядывая только постановления. И этим можно об"яснить подпись
Морозова и других членов административног совета под протоколом.
Виновниками этого подлога являются Михаилов, Гинс, которые его
инспирировали из Владивостока по прямому проводу. Тот Михаилов,
который спекулировал постановлениями, которын нигде не записывал
и заведывающий делами печати Т. Бутов. Вот кто совершил этот под-
лог. Я перехожу к МОЛОДЫХ. Обвинение ему ставит в вину, что он пе-
решел через фронт. Но он был областником. Ну так по совести област-
ник сибиряк, оторванный, без связи с Сибирью, что ему делать. Он
не переьирается в другую страну и я думую обвинение это признает.
У него целый ряд записей телефонов. Он и у Ленина был и у других
деятелей. Он и у английской миссии был и я думую, что можно только
в шутку поставить ему вину. Я вижу что обвинитель улыбается, он оче-
видно согласен со мной. Что же обвиняемый должен был сделать. Он
организовал Советское хозяйство, заготовлял сельско-хозяйственное
оружие. Здесь ввиду его знакомства с хозяйственной жизнью его
назначают товарищем министра. Он начинает вести борьбу против Во-
рома участников комплота, в котором главную роль играет Вопром
Тогда его уничтожают оставляют за штатом, а потом в 24 часа вы-
сылают из Омска. Это участник шайки, поставивший себе преступную
задачу. Потом в обвинительном акте указывается, что он в том засе-
дании присутствовал, где выбирали Колчака. Но я себе представляю,
что если бы он закричал там: я против этого, я против этого. Что-
бы из этого вышло. Какая вина, что он там присутствовал. Дальше идет
[illegible] член

в Томске. Затем его пере ели сюда. Это министерство было уничтоже
и влито в министерство внутренних дел, которое так е ведалс тузем-
ными делами. Присутсовал он очень редко в голосовании не участвова
а только сидел при избрании Колчака. Ему ставится в вину, но это пу
тяк, а вот никем не подписанная заметка в газете "Сибирская жизнь
о том что он произнес речь, что ем у давали указания, что он был д
ровольцем и т.д. Конечно смешно в процессе о всероссийском правитель-
стве говорит о таком пустяке, что он был доброволец, ибо я скажу,
когда мой товарищ по защите просил предстить статью из одной газет
в качестве доказательства, гражданин обвинитель сказал: я возражаю
но и я возражаю. Это неизвестно от кого исходящие сведения. Это не фе
льетон даже, а заметка безграмотного хроникера и на них основывать
обвинения в таком серьезном процессе нельзя. Дальше идет СТЕПАНЕНКО
известный железнодорожник видный транспортник. что ему вменяется в
вину. Опять это безконечное присутствие в заседаниях совета министро
не показывается голосовал ли он, докажите, тогда мы будем возражать
но видных деятелей совета здесь нет, а они руководили политикой со-
вета министров. А что ему непосредственно вменяется в вину. Только то,
что он в качестве министра путей сообщения сорганизовал комиссию
о рабочих и служащих, на предмет увольнения, перемещения т.д.. Но
предположим, что был такой приказ, чтобы он сорганизовали эту комис-
сию о рабочих и служащих даже увольняли по этому приказу. Неужели это
такое страшное преступление, неужели за это можно требовать, чтобы
человек был обязательно изолирован на многие годы, человек, который
гораздо больше принес бы пользы Советскому Правительству как таково-
му, если был бы на свободе, человек, который создал мастерские во
Владивостоке железнодоро ные предприятия на юге России и т.д. Еще
ему ставится в вину, как же, он от управления железными дорогами ус-
тра ил профессиональные союзы. Теперь конечно нет спора, что это воп-
рос технический и что насколько мне известно, может быть ясалоб это
знаю, товарищ Гольцбарг опровергает, он опять улыбается; профессиона
ные организации теперь устранены от непосредственного управления.

Пазлуновский: Я прошу чтобы ваша речь не носила опереточного ха-
рактера.

Айзин: Но я невольно смущаюсь теми улыбками, которые все время
по моему адресу бросаются. Я думаю, что теперь несомненно, что вопрос
об участии служащих в управлении предприятием, есть вопрос исключи-
тельно технический и может быть Степаненко в этом отношении провод
политику Советской Власти. Здесь еще упоминалось, что Степаненко в
феврале 18 года предложил Козыреву, когда ему сказали, что железно-
дорожник угрожают забастовкой, принять меры. Может быть при вообще
нии можно подумать, что сказанно было принять меры к убийству все
железнодорожников. Но необходимо толковать это в его пользу и если о
имел ввиду убийство всех железно орожников, он должен писать не т
как если бы получив телеграмму, он должны поднять вопрос об увели-
чении вознаграждения и т.д. Далее идет товарищ Министра ЦИЦИЛИНСКИЙ.
В товарищи министра попал он, произведенный в это чин гражданином об
винителем на основании письма жены, что муж получил место товарища
министра. Но жены чиновников всегда позмшают своих мужей. На самом де
ле он не товарищ министра, а директор почт и телеграфа. Что ему вме-
няется. То что он разсылал телеграммы, что почтово-телеграфный союз
может существовать только с разрешения начальства. пустим что он эте
написал? Тогда если Вы ~~хотите~~ хотите правильно ставить обвинение
посадите и машинистку, которая печатала обвинение и столоначальника
и т.д. Инициатива принадлежала не Цислинскому. В деле имеется цирку
написанный самим Пепеляевым. Цислинский даже пошел к Шумиловскому и
заявил, что Пепеляев пред"являет незаконные требования. Этот инцид
был улажен. Я сошлюсь на ту записку, которая имеется от почтово-те-
леграфных служащих, что Цислинский человек бездарный, что действия
которые он делал, это мелкие ничтожные факты и более серьезного
ничего против Цислинского в этом обвинительном акте со стороны с
служащих не пред"является. Да еще ему ставится в вину, что он задер-
жал телеграмму совместно с Пильцем о свержении царизма в России. Но
выясняется что он был на эту должность рекомендован Кругликовым, у
членом исполнительного комитета в Иркутске. И если бы он не был реа
билитирован в глазах Кругликова, он не участвовал бы в правительст-
ве, где был Кругликов. Дальше идет ДМИТРИЕВ. Если остальным вменяет
ся взину, что они присутствовали на заседаниях, то о Дмитриеве даже
этого не сказано. Он старый продовольственник, он случайно сюда по
пал и поехал на ре визию в Семипалатинск. Там была монгольская экспе
диция. Во главе стоял Горбунов. у которого был найден целый ряд зло-

Дмитриева, Горбунов был от странен, затем он сдал отчет. Дмитриев уехал в Иркутск и делу конец. Дальше оказывается что на несчастье Дмитриева приехал туда Анненков. Было ли так, что Аннеков дал приказ или кто нибудь из красноармейцев шепнул Анненкову, но Горбунов был арестован иАнненским отрядом был убит, Это обстоятельство что Горбунов неизвестно по каким причинам был убит ставится в вину Дмитриеву, который остранил его от должности. Это напоминает, что если кто нибудь ехал на автомобили, а мальчик на лошади и лошадь понесла - это причинная связь совершенно случайных явлений неумышленно совершенных ставится в связь. Я думую, что этого обвинения не предъявит Трибунал и поэтому я настойчиво ходатайствую об оправдании Дмитриева. Здесь перед Вами была сестра Горбунова которая пришла сюда за явить, что Дмитриев, никакой причиной связи с убийством Горбунова не имел. Дальше идет ЖУКОВСКИЙ - фигура, которая в процессе столь важным для государства и историческом носила скорее комический характер, чем серьезный, потому что единственно, что ему можно было поставить в вину, это его стихи, которые он писал когда он уехал из Омска в Иркутск. Писал он тамо царе. Если бы он пытался распространять эти стихи, предавать печати, можно было бы сказать, что он виновен в том, что он агитирует за царизм, а в том, что плохие или я не хочу его обижать может быть он считает свои стихи хорошими - стихи, перу и бумаге доверяет свои стихотворения, может быть он мечтает о монархии от от этого какая убыль и опасность Советской Власти. А кроме того что имеется против Жуковского. А в том, что в министерстве иностранных дел он играл чисто канцелярскую роль. Он был консулом и заведывающим консульским отделом, а в остальном заведывал хозяйственной частью и служащие рекомендуют его с самой лучшей стороны. Говорят он принимал в политических переговорах или з приглашении иностранцев. Нет он был послан в поезд верховного правителя, чтобы отправлять, зашифровать и расшифровыать телеграммы Сукина. И когда он попробывал переслать от Колчака телеграмму от Колчака телеграмму непосредственно, Сукин ему пишет, что все телеграммы должны непосредственно через меня, а ваши или непосредственно от Колчака никого значения придано не будет. В заседаниях совета министров он так же не присутствовал, почему ему можно поставить что нибудь в вину в данном деле так е как каждому чиновнику служащему так называмого сибирского или всероссийского правительства, члены которого служили так же как десятки и сотни людей. Дальше идет ХРОНОВСКИЙ. Человек который Трибуналом был оставлен на своб поде под поручительство ввиду чрезвычайно незначительности уличающих обстоятельств. В заседаниях совершенно не присутствовал занимался как специалист по податному управлению, но если он страшно опасен Советской Власти, то его нужно тоже изолировать, но по совести я этой опасности не виду. Дальше идет ПИСАРЕВ. вытекает из положения о вероисповеданий, он не мог учавствоать в заседаниях со ета министров. Управляющий министерством Прокушев у учавствовал только по своим вопросам по остальным вопросам не учавствовал, и не мог подавать голоса за постановления совета министров. Но хотя ему присутствовать было нельзя, присутствие ему также вменяется в вину обвинительным актом. О Пис реве много говорит не приходится, я думую, что Трибунал достаточно оценил коммуниста индустриально-позитивного направления. Он много перенес в семейной жизни и много повредил себе и я ходатайствую о прекращении дела по ст. 14 так как он находится в состоянии невиняемости.

Когда гражданин обвинитель кончал свою речь и говорил о наказании, то правда, неизвестно к кому им были сказаны страшные слова, что некоторых надо изолировать, что к ним должны быть применены более строгие меры наказания, потому что есть сведения, что они не порвали связи с внешним миром и могут продолжать преступную работу, в которой они и обвиняются. К сожалению имена не названы, но я позволю себе назвать эти имена. Если обвинитель говорит о Червен-Водали, то он имел возможность бежать, но этого не сделал, а явился предварительно написав, что завтра в 12 часов я приду к Вам господа члены политического центра. Я думую что кто жел ет заграницей продолжать эту работу, то поспешил бежать, а Червен Водали пришел и отдал себя в руки правосудия. И других фамилий которым может быть это применено я не догадываюсь о ком говорит гражданин обвинитель. Я признаться не догадываясь может быть догадывается Трибунал. Я вижу в Вашем составе тех, кто еще недавно тех, кто еще недавно со

348 138

ст.ашным напряжением силы боролся против власти представители кото сидят на скамье подсудимых.Я боюсь что в пылу неизбежного в борьбе возмущения, которое еще не улеглось в Ваших сердцах,но та сила с ко торой Вы боролись против реставрационного правительства позволяет м мне надеяться что и данном деле, вы сможете эту силу и твердость осуществить и не дадите Вашему гневу и сердцу победить разум и сов весть, которые должны не тяжело наказать сидящих на скамье подсу димых.Бро
Бородулин.

ЗАЩИТНИК БОРОДУЛИН. Только что закончившееся судебное следствие дало огромный и обильный териад для суждения о той эпохе в истории русской жизни,которая носит название Колчаковщины. С достаточной полнотой здесь обрисован и тот социально-политический строй и та система управления, которая практиковалась в это время а равно и деятельность той организации которая носила Всероссийско го правительства и возглавлялось Колчаком, который дал этой эпо же и этому правительству свое имя.Если бы в настоящем процессе производился суд и делалась оценка той эпохе-Колчаковщины, то за щите здесь было бы делать нечего.Если даже здесь речь шла о Кол чаковском правительстве, как об органе, стоявшем во главе государ ственного управления, органе направлявшем всю внут реннюю и внешнюю политику,то и тогда представителей защиты едва ли нашлись слова оправдания.Но мы. учавствуя по долгу службы в процессе обвинения членов мятежного и самозванного правительства Колчака и его вдохновителей, учавствуем процессе касающемся живых имена которых здесь пере ислены в обвинительном акте.И то,что здес подлежит рас мотрению и решению судьба отдельных живых лиц, и дает нам право здесь присутствующим в качестве защиников дать свои об"я нения и предствить свои соображения.Всецело сознавая свою неподготовленность к участию в таком грандиозном историческом процессе как настоящий я не претендую на то,чтобы в данном случае представи какие либо очень веские, очень важные для настоящаго дела соображения и суждения и исчерпать весь тот материал, который про шел здесь перед Вами, касаясь уже того материала, который в тысячу быть может раз превышает прошедший перед Вами,По настоящему делу в качестве защитника высказал бы только следующее соображения.Я ник да ни наодну минуту не откажусь от того основного положения,что су при разрешении вопроса о преступности и виновности и ответственности отдельных физических живых лиц, должен руководится одним при ципом: индивидуальности обвинения и наказания в том смысле,что каждое лицо судится и отвечает именно за то,что оно совершило.Это не только должно быть применяемо,когда как по настоящему делу, су дится и рассматривается дело шайки т.е. целой группы лиц об"единен ых одною какой то целью, преследующих одну какую то пре тупную з дачу.Ведь когда устанавливается наличность шайки, то и тогда необходимо установить,кто же в эту шайку входил, кто и какие обя анности в данной шайке исполнял.То понятно шайки, которое здесь приведено обвинителем в качевстве доказательства того,что все здес сидящие на скамье подсудимых являются членами шайки, ответственными за всю деятельности шайки, я не считаю правильным. Если бы да же одна приписка к шайке,одно нахождение в списке членов этой шайки было бы само по себе преступлением,то всетаки при определении наказания за это преступления нужно же установить кто,что из них совершили.Я думую что по настоящему делу это особенно надо было бы если мы признаем даже, что это шайка.То шайка особого рода, шайка образцовая, которой мы до сих пор еще не видели, которая на зывалась и очень долго называлась Всероссийским правительством.
Оговариваюсь в дальнейшим я буду просто называть его правительст вом не прибаляя к нему так называемого, для сокращения и для удо ства речи. Ограничусь примером.Ведь если курьер шайки разносящий указания отдельных членов шайки о необходимости совершить то или угое деяние, безусловно отвечает перед судом, как соучастник этой айки, то неужели курьер министерства является соучастником шай , также отвечает на суде, как и сами министры этого правитель ства.Я думую поэтому, что та аналогия, которая была проведена об инителем между простой шайкой и бунтовщической шайкой, назы вавшаяся Всероссийским правительством, неправильна.Второе основ ное положение которым должен руководствоваться Чрезвычайный Ре волюционный Трибунал, это,что изложено в п. II руководящих на чал по уголовному праву,по смыслу которого необходимо всякое дея ние рассмотреть в той обстановке, в которой оно совершенно, а равным образом при определни степени опасности преступника, нуж но рассмотреть его деятельность в данной обстановке и времени

в которых она протекала. И если в обыкновенных обыденных, так сказать постоянных процессах это необходимо, то тем более это необходимо здесь в данном процессе сошлись два мира, два различных - иногда до противоположности миропонимания и мировоззрения; при чем представители одного старого отживающего, в некоторой части уже отжившего мира, находятся на скамье подсудимых, представители другого нового мира, в лице Чрезвычайного Революционного Трибунала являются их судьями. И для того, чтобы определить качество поступков сидящих здесь подсудимых, для того, чтобы определить личность каждого из обвиняемых, чтобы определит степень его опасности для современного общественного строя необходимо рассмотреть, в каких условиях места и времени, при какой обстановке совершено то или иное преступление. И вот с этой точки зрения рассматривая настоящий процесс, я не могу не отметить прежде всего того, что здесь именуя подсудимых членами правительства не установили точно, кто же собственно был правительством т.е. каков был руководящий орган. Конечно такие формальные соображения не имеют решающего значения перед лицом Чрезвычайного Трибунала, но они все-таки могут так или иначе осветить личность подсудимого, когда он производил тот или иной поступок. И вот мне кажется не вдаваясь в подробное обсуждение этого вопроса, что правительством настоящим правительством все-таки был даже не Совет Министров, как это сразу кажется не стратегам. Правительством был Верховный Правитель, Совет Верховного Правителя и та кучка министров, которая вертела всем советом министров. Вот это то кучка и являлась фактически правительством, и что несомненно для Революционного Трибунала самое главное, эта кучка опиралась на военную силу и на торгово-промышленные круги, юридически опиралась на Верховного Правителя. Это соображение имеет значение при определении опять таки не виновности, а степени виновности каждого из здесь присутствующих. Если здесь находятся лица, которые представляли из себя это правительство, то они должны быть ответственными за тот весь кровавый ужас, который здесь нарисован, если же нет, то они должны быть рассмотрены при другом свете. Если даже с оговоркой признать, что совет министров был правительством, то сидящие здесь опять таки не окажутся правительством в целом, а большинство совсем не членами этого правительства. Совет министров состоял из министров и их заместителей, здесь же на скамье подсудимых находятся вторые и даже третьи и четвертые товарищи министров и некоторые другие незанимавшие никаких министерствах и полуминистерских постов. Если они по моему глубокому и крайнему убеждению, не являлись тем правительством, которое всем руководило, не частью этого правительства, то является вопрос, кто же они и что же они из себя представляют, какую меру суда должен к ним приложить. Они служащие занимавшие правда, крупные посты, они чиновники, и в самом обыкновенном смысле этого слова. что же такое чиновники, что такое чиновничество. мы еще, думаю, не забыли. И думаю, что и в настоящее время есть еще много граждан, которых вполне можно было бы назвать чиновниками. Было время и оно не так давно было и его наверно еще не успели забыть, когда словами "чиновник" "чиновничество" определялся весь строй нашей жизни. Если чиновничество сверху определялось принципом " не сметь свое суждение иметь", то снизу оно в значительной степени определялось другим принципом:" моя хата с краю и ничего я не знаю". Целыми поколениями воспитываемые служащие правительственных учреждений постепенно превратились в чиновников, основной принцип которых был: делать свое дело-маленькое или большое совершенно не интересоваться тем, что творится в соседней столе в соседней канцелярии, тем более в соседнем департаменте: это не нашего ума дело, это нас не касается, пусть начальство во всем этом разбирается. Я не хочу конечно сказать, что все здесь сидящие в полном смысле чиновники, не в значительной степени и только с одной стороны сознательного закрывания глаз на настоящее положение той стороны, которая подлежит ведению данного правительства является основным их признаком. Вот если рассматривать всех или большинство подсудимых с этой стороны, то очень многое понятно будет как из их заявлений, так из их действий, которые здесь с несомненностью установлены. Ведь только при таких обстоятельствах многие ученые знатоки своего дела, люди с незапятнанной репутацией шли на службу к правительству Колчака, шли очень часто враждебно настроенные к нему, не только не интересующиеся, но определенно не желавшие иметь с ним дело. Заброшенные сюда волею исторических событий / обстоятельств /, оторванные от своего родного места, от своих привычных занятий

выбитые из колеи они нуждались в том, чтобы идти на службу. Двери для них, как специалистов, как знатоков своего дела, были открыты очень широко и они шли на то дело, к которому они привыкли, которое они любили. И я думаю, что они руководились тем принципом, который считался лучшим принципом: я служу делу, а не лицам я хочу делать любимое дело и совершенно не желаю участвовать в той политической жизни, которая создалась при современном строе. Тогда они будут смешны и не будут вызывать никакой иронии и сарказма очень многие заявления со стороны подсудимых о их желании служить в настоящее время по той специальности к которой они привыкли. Не будет вызывать никакого сарказма и здесь прочтенное особым тоном заявление одного из подсудимых о том, что он желал бы служить и горячо бы желел это сделать. Я не стал бы конечно словом чиновник обидеть подсудимых, так как я беру одну сторону чиновничества и негозорю о другой о формальном отношении к делу. Насколько это выяснилось из судебного материала, они не те чиновники, которые занимались отпиской и перепиской. И я отмечаю именно другую сторону чиновничевства, не участвовавшего в политической жизни страны. Если так, если перед нами живые люди, если перед нами простые, хотя и крупные служащие, то мне необходимо для того, чтобы определить, что не это за личности, чтобы за тем определить насколько они вредны или полезны или нейтральны для настоящаго строя, обратиться к некоторым их деяниям, на которые указывалось и в обвинительном акте и которые проходили здесь перед нами во время судебного следствия, на их работу по ведомствам, по тому делу, которое им поручено и за которое они действительно ответственны. Прежде всего я должен сказать несколько слов о подсудимом Карликове. Я бы мог о нем ничего не говорить, так как обвинитель выделил его, как лицо которое занимает здесь особое положение, как лицо совершенно случайно попавшее в Правительство, ничем не проявившее себя не участвовавшее в тех преступлениях, которые вменяются всем остальным членам правительства Колчака. но я все-таки хотел оттенить и отметить один факт, который здесь на суде установлен: Карликов во время Иркутского восстания отдал приказ о том, чтобы воспитанник кадетских корпусов не участвовали на стороне белогвардейских войск. Я думаю, что этот факт заслуживает очень большого внимания, ибо он характеризует Карликова, как в высшей степени честного человека. Если вы припомните, что участие кадет в восстании было неоднократно, если принять во внимание то, что был критический момент, когда всякая даже небольшая сила, могла оказать содействие то вы должны оценить этот факт, вы должны оценить Карликова, как человека не поддавшагося соблазну поддержать тот строй, к которому он несомненно был причастен. Я думаю, что Карликов действительно в этом случае проявил себя, как самы лучший человек, который и в минуту опасности не забывает о том, что является для нас самым святым и самым прекрасным, о детях.

Несколько слов о подсудимом ПАЛЕЧЕК. Подсудимы Палечек товарищ министра Народного Просвещения, ставший таковым только в октябре месяце, он только временно исполнял обязанности департамента текущая работа по которому поглащала все его время. Палече - человек который с самой школьной студенческой скамьи отдал себя службе по министерству народногопросвещения, и оказавшись на той территории, которая была захвачена правительством Колчака, он согласился служить по тому же ведомству, в котором он служил всю свою жизнь. Чего либо особо преступного ему не инкриминируется; участие его в правительстве, совершенно незаметно и я думаю, что громадное большинство из находившихся здесь, вероятно, о нем как о политической фигуре не слышали. Что либо указывающее на то, что он является политическим деятелем, на судебном следствии не установлено, совершенно не доказано и не показано, я думаю, что, если мы назовем его чиновником, правда в лучшем смысле этого слова т.. е. прекрасным исполнителем, прекрасно знакомым со своим делом человеком служащим только делу, а не лицам, то думаю, что, что он против этого не возразит и это будет наиболее правильным его определением. За деятельность свою в министерстве народного просвещения не ответствует, так как вся ответственность по этому министерству подсудимый Преображенский берет на себя. Но я думаю, что здесь не было бы опасности, если бы ответственность эту принял на себя и Палечек. что эта деятельность по министерству Народного Просвещения проявлялась в смысле реакционном, достаточно подтверждается теми основами начальной школы и основами народного образования, которым руководилось Министерство Народного просвещения в своей деятельности. Слова Игнатьева, которые приводятся здесь в обвинительном акте, я думаю не заслуживают никакого уважения, Игнатьев совершенно неизвестное лицо, лицо совершенно случайно сюда попавшее, лицо пытавшееся поступить на службу по министерству народного

просвещения и не получивший это возможности, лицо таким образом сначало солидарное с политикой министерства народного просвещения которое затем дает отрицательные о нем отзывы, при таких обстоятельствах, которые не дают на возможности установить насколько оно основательно или неосновательно это утверждает. Я остановился на этом по тому, что собственно по отношению к Министерству Народного Просвещения и в частности к Палечеку ничего не указано в обвинительном акте, такого, что могло бы остановить на себе внимание, кроме того, что он подписывался на некоторых журналах Совета Министров. но я думаю, что это не дает никакого основания тому, чтобы считать его причастным к руководительству внутренней политикой. Мне кажется в отношении его совершенно было бы правильео проявить то же что и отношении Карликова: это лицо совершенно случайно попавшее в министерство и решительно ничем себя не проявившее, с точки зрения деятельности правительства.

Еще более типичный чиновник находящийся здесь перед нами в числе подсудимых это Лчевский. Этот подсудимый перед нами предстал собственно первый раз лишь тогда, когда он давал об"яснения: до этого о нем ничего не было слышно в течении всего судебного следствия. Он и раньше всю жизнь служил по ведомству Внутренних дел затем оторванный от этой службы в дни революции, он служил в качестве делопроизводителя при союзе увечных воинов, затем попав в Семипалатинск, служил на желез-дороге, после этого он служил в продовольственном комитете и затем был приглашен в июле месяце в министерство Внутренних дел. Этот человек, который считает, что он должен служить, какую бы ему должность не предоставляли. Этот человек определенно говорить, что если ему вменяется вину только то, что он был членом правительства, то он от этой ответственности не уклончется. Но те факты кот рые характеризуют его, об"ясняет и об"яснения его и его первоначальное заявление заслуживают весьма серьезного внимания: это-факты участия в тех заседаниях Совета Министров, на журналах которых под постановлениями имеется его подпись. Речь идет о трех миллионной награде служащим за сверхурсочные работы и тому подобные факты, которые могут иметь освещение и в дурную сторону, как это здесь неодн кратно проявлялось и в хорошую. Тот факт, в том что он переслал подсудимому Малиновскому черновик одного проэкта о борьбе с большевизмом он об"ясняет совершенно правильно с точки зрения чиновника; если кто знает делопроизводствл в центральных учреждений тому понятно почему один товарищ министра пересылает черновик другому товарищу министра, который является докладчиком в том учреждении где этот проэкт должен рассматриваться. Я бы всецело присоединился к заявлению подсудимого Лчевского: если он должен понести наказание за то, что он числился товарищем министра Внутренних дел, то конечно только за это он и может он понести наказание. Подсудимый Малиновский был товарищем министра Юстиции, вступивший в свою должность 6-го мая. В заседании министров он участвовал единственный раз, что можно удостоверить и по списку дел обзора журналов постановлений Совета Министров. Ему вменяется в вину по его ведомству главным образом за то, что он подписался на том телеграмме, которая была послана прокурору Иркутской судебной палаты относительно Иркутского земства. В той телеграмме имеются слова относительно того, чтобы принять высшую меру пресечения против лиц, которые приняли резолюцию, причем в начале телеграмме говорится о том, что по сведениям до шедших до министра Юстиции, Иркутское земское собрание приняло резкую противоправительственную резолюцию с ложным освещением деятельности правительства и с искажением фактов; если такая резолюция действительно принята, то предлагается в пределах законности принять высшую меру пресечения. Обвинения о том, что если такова резолюция была принята" и что меры пресечения должны быть приняты в пределах законности, мне кажется характеризует Малиновского не с отрицательной точки зрения. Если поставить в вину то, что он был товарищем министра юстиции, то конечно эта вина за ним остается; если же признав эту его вину, в дальнейшем определять его личность, то остального в вину ему поставить нельзя. Если он был товарищем министра юстиции, если он взял на себя ответственность обязанность охранять закон, то можно ли ему поставить в вину, что он обращается к представителю закона и предлагает ему охранить закон. Можно сказать, что этот закон отвратительный вредный, но ставить в вину то, что Товарищ министра юстиции заботится об охранении закона, мне кажется ему как личности, чиновнику, как служащему, нельзя. Малиновский здесь указал, что эта телеграмма ему была продиктована и приказание о посылке ея было отдано Министром Юстиции. Если этому заявлению будет доверие, то это самое деяние не должно быть поставлено ему в вину, как простому посыльному этой телеграммы. И я думаю, что это можно было бы косвенным образом подтвердить именно ссылкой на то, что по законам того времени товарищ министра не имел права делать распоряжения прокурорам. Еще имеется указание на то, что у него нашли

350(49) 1.1

что у него нашли тот черновик проэкта борьбы с большевизмом, о котором упом нал Чевский. Как товарищ министра, Малиновский был докладчиком в комитете охраны законности порядка и ему пересылались все те проэкты по повод борьбы, которые он должен был докладывать. Малин вский здесь установил - ничем это не было опровергнуто и ничем иное не было подтверждено- что этот проэкт не только не был введен в жизнь, но он не был принят, может быть даже не был доложен, так как в то время, пока здесь были Малиновские это не прокло. Косвенно, Малиновский, характеризуется и таким фактом: он был докладчиком в комитете по охранению законности и порядка. Перечень вопросов рассматривавшихся комитетом, в значительной степени определяет физиономию комитета по охране законности, а следовательно и физиономию докладчика, в хорошую сторону. То обстоятельство что первым постановлением принятым комитетом по охране законности и порядка, было опротестование суровых мер против спекулянтов и истязателей, является я думую, совершенно случайным, если сопоставить его со всеми остальными постановлениями. Мне кажется, что Малиновский юрист по образованию занимавшийся чисто юридической деятельностей с закрыванием, может быть розовами очками своих глаз на все, что происходило кругом.

Совершенно особое по настоящему делу положение занимает подсудимый Краснов. Краснов был государственным контролером, всю жизнь работавший и отдавший себя этому делу. Он сюда попал совершенно случайно и также случайно занял этот высокий пост. Государственный контроль по самому смыслу своего существования, по самым задачам, на него возложенным, не является министерством, и государственный контролер в действительности не есть министр. Он не участвует в государственном управлении, а следовательно он теоритически, по крайней мере не ответствует за деятельность правительства, какое-бы ни управляющаго страной. Вот только по этому и в целях наилучшаго выполнения обязанностей контроля, Государственному контролеру в Совете Министров не представлялось решающаго голоса по вопросам управления до конца существования этого правительства. Несмотря на это положение Краснова в этом процессе очень тяжелое: имя Краснова все время мелькает в обвинительном акте и создается такое впечатление, что он один из активнейших деятелей недавняго прошлаго, что это политический деятель, участвовавший в правительстве и следовательно ответственный за все те безобразия, которые здесь творились. Однако из всего фактическаго материала, представленного здесь ясно, что Краснов не был политическим деятелем, это установлено совершенно категорически. Это чиновник высшей марки, это чиновник специалист в своем деле и только дальше этого он не шел. Его имя мелькает и среди подписей под постановлениями Совета Министров, потому что он был обязан подписывать эти постановления и по установившейся практике обязан был подписывать эти постановления. Если же принять в точности все то, что я сейчас сказал то конечно меньше всего ответственности как раз было на Краснове. Но здесь в несколько иной постановке дела, когда изменяется взину даже простое пребывание в правительстве, такое участие чисто формальнаго характера - присутствование на заседаниях и подписи на постановлениях определенно рассматривают, как участие в решение всех тех вопросов, которые были предложены, здесь действительно разрешались такие вопросы, за участие в которых решении которых и тем более положительное, следует понести наказание. Я не стаю на этом останавливаться. Революционный Трибунал, как суд с действительно социалистическим правосознанием не ставявший перед собой задачу обязательно осудить подсудимых, разберется насколько в обвинительном акте по настоящему делу достаточно материала для признания подсудимого Краснова активным деятелем и даже ростым участником в этом самом правительстве и насколько правильны мои утверждения, что несмотря на это внешний формальный признак, он всетки таковым деятелем не был. Когда я это говорю, меня утешает то, что Революционный Трибунал безусловно никогда ни на одну минуту не может стать на позицию формальных доказательств, что проявилось и в отказе мне в праве ссылаться на некоторые прежние законы, о представлении которых к делу я ходатайствовал. И потому я думую, что не будут достаточным основанием признаные его подписи под постановлениями Совета Министров. Еще несколько слов относительно участия Краснова в расхищении народнаго достояния. Это относительно ассигнования колоссальных средств на агитацию за границей, на военные нужды, ассигнования представителям антибольшевитских войск действующих на Юге, Севере и Западе, переовд и продажа золотого запаса и неправильное расходывание валюты. Я должен сказать, что в отношении валюты и золотого запаса никакого участия не принимал и не мог принимать государственный контролер, как таковой, потому что ему государственный банк и Кредитная канцелярия не были подчинены

в порядке ревизии и потому это расходование производилось вне ведения Государственного контроля. Затем военные ассигнования и ассигнования на военные нужды других войск могли быть рассматриваемы только с одной стороны - со стороны величины и того основания, на котором они построены. Что касается стомиллионного автоматически пополняемого фонда и 500,000,000 -ного ассигнования Краснов определенно говорит, что он таких постановлений Совета Министров не знает и глубоко уверен, что таких постановлений нет, а посему это было расходование со стороны министерства финансов, к которому он же никакого отношения иметь не должен. Еще раз, оканчивая рассмотрения деятельности и личности отдельных подсудимых, я сказал бы, что перед нами безусловно чиновники выполнители чужой воли. Заканчивая свою речь и признавая ее слишком слабой по своему содержанию и по яркости приведенных в ней аргументов, я бы просил бы Чрезвычайный Революционный Трибунал только об одном не судите их, как героев, не пред"являте к ним геройских требований, но судите их как герои-героям свойственно не только высшее мужество, но и высшее великодушие. И пусть приговор продиктует Вам не только чувство справедливости, но и это свойственное героям великодушие. Пусть Революционный Трибунал пролетариат русский, через свой судебный орган Чрезвычайный Трибунал, проявить свое великодушие, и пусть история, которая несомненно обратить свое внимание и на этот акт великой русской трагедии, преклонится пред духовным величием этого приговора, как она несомненно преклонится перед геройством русского пролетариата, вынесшаго на своих плечах титаническую борьбу за лучшие условия жизни.

Обвнитель ГОЙХБАРГ. Мне представляется, что защита еще не окончена: по отношению к одному из подсудимых защитники не нашли ни одного слова.

ЗАЩИТНИК БОРОДУЛИН. Я хотел бы сделать заявление: мне поручено было защищать и интересы подсудимого Третьяка, но по его собственному желанию я от этой защиты должен отказаться, так как он нашел, что он в своем деле ненуждается в участии защитника и потому подсудимый Третьяк очевидно им эт произнести защитительную речь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об"являю перерыв на 10 минут.

10-е заседание после перерыва

Председатель тов. Павлуновский: Слово предоставляется товарищу обвинителю.

ГОЙХБАРГ: Товарищи члены Революционного Трибунала, я считаю, что выступавшие сеодня защитники по мере своих сил выполнили свои обязанности и поэтому я сегодняшним защитникам отвечать не буду. Я не могу однако, не ответить на речь вчерашняго защитника, который начал не с защиты своих подзащитных, а с защиты правых социалистических партий и который в дальнейшим сделал целый ряд неверных утверждений, заявляя, что все это было с несомненностью усьтановлено на суде здесь. Только в отношении этого обстоятельства я вынужден занять ваше внимание и сегодня, хотя я и не имел намерения отвечать защитникам, но по отношению к вчерашней речи нет возможности оставить ее без ответа, ибо отсутствие ответа означало бы допущение полного искажения процесса и признания верным тех утверждений, которые по моему не только не утверждены, но на основании фактов, которые я сейчас приведу, являются и для самых защитников неверными. Первое утверждение социалистические партии правые не принимали никакого участия в свержении советской власти при помощи и при содействии чехо-словацких войск. Это изволите ли видеть доказывает неожиданно нота Чичерина, в которой по адресу министра иностранных дел чешского заявляется, что военно-пленные чехо-словаки здесь в Сибири были посторонними силами вовлечены в эту гнусную авантюру, результаты которой развертываются перед вашими глазами в течении всего процесса и ясно доказывают, что посторонние для чехо-словаков элементы, это значит не здешние правые социалистические партии - это группа помещиков капиталистов банкиров и защитников их интересов, партия народной свободы, которая фигурировала здесь, ибо нельзя здесь руеоводится указанием, что человек раскинувший сети на весь мир, задумал совершить это дело. Тут приходится достигать того, что здесь как бенгальским советом освещает события. подсудимы Клафтон сообщает, что он получил поручение под флагом красного креста отправиться для переговоров относительно жанщин и детей, взятых чехо-словаками и неожиданно для чехословаков с одной стороны исполнял поручение это, с другой помогает сехословакам потребовать в обмен на женщин и детей большевиков, которые были взяты в тюрьмы нужных им лиц. Тут же неожиданно по соглашению с партией народной свободы, эсеров и с.-д. с прибавкой для равного счета для десятка известного Алексеевского по этому соглашению он прибавил еще этот десяток в обмен на детей захваченных. Иллюстрация, которая показывает в какой гнусной свя-

зи

единяются они в этом деле..В позвольте никакого свержения Сове
кой Власти не было.Правые социалистические партии не принимали
участия.Венеш министр иностранных дел пражский, отчасти утвержда
это обстоятельство в своей ноте.Действительно, если нотами обме
нивается Червен-Водали и Третьяков, не думая,что они попадут кому
нибудь на глаза, то мы думаем,что они говорят, то что думают, но
если министр иностранных дел говорит о фактах то не знаю кого,но
ни обвинителя, он может убедить.Доказывается какой нибудь факт -
они не принимали участия в свержении Советской Власти в
дерберовском правительстве были министры эсеры,как Виленский Во-
логский,-Михайлов так же был эсер сын известного народовольца, а
он по заявлению самого защитника был главной фигурой они не прин
мали никакого участия по его предложению отпускались очень не-
большие суммы все-таки в сентябре 18г. курс рубля не был так низок
300,00 на ликвидацию расходов разных расходов по разных учреждени
или лиц, а это было и признано подсудимым Морозовым военная орга-
низация, явившаяся на свободное, брошенное имущество Сибири, они
не принимали участия и не даром. Я должен сказать,что мне совершен
но неизвестно те обстоятельства откуда защитник почерпнул глубоко
убеждение правых партий и необходимости,то и другой сделать.Повид
мому это воспоминания личного характера.Этот же защитник заявляет
что обвинитель требует жестокого приговора по адресу Шумиловского
Утверждение это могло быть сделано лицом, отсутствовавшим все это
время в этом зале, хотя он знал по отношению к кому из подсудимых
это было сделано и после всего,что вчера произошло мог утверждать
этот человек, который, если присутствует здесь,слухом не обладает
но обвинитель первый должен был доказать,то полное отсутствие как
го нибудь чувства мести со стороны Советской Власти и обвинитель
убил жестокость и месть в сердцах присутствующих, вызвав ее нару-
жу страшным образом, потому,что только вызванная наружу, она могл
быть убита доказательством безцельности, жестокости и мести.Посл
этого вороить, что обвинитель требует жестокого приговора,это,я н
нахожу слов для характеристики такого заявления. Далее идут досто-
верно установленные, такие то и такие то факты.Это уже касается
отдельных подсудимых.Достоверно установлено,что подсудимый Червен
-Водали и Ларионов не призывали японских войск, не призывали Се-
меновских войск,это утверждает защитник, который присутствовал
здесь, который слышал как мною оглашался разговор по прямому про
воду Червен-Водали с Третьяковым, телеграммы подписанные Червен-Во-
дали и Ларионовым, из которых не только вытекала, но в которых зн
чалась быть может во время переговоров не значалось, но при запи
черным по белому написано совершенно обратно" Шлите подмогу, каж
дая минута дорога",помогите продержаться хотя бы семь дней. "этих
ожидаемых И ответ,что "войска обещанные Вам Семеновым, посылают
Этот оживленный обмен телеграммами все продолжается и в резуль-
Скипетров и Сипайлов ими пользуются.Досто верно установлено,что по
судимые не хотели передавать организовать противоболшевитский цен
тра на востоке, не хотели передавать золота и т.д.Несмотря на то,
что я оглашал телеграмму на имя верхо ного правителя, подписанну
Червен-Водали и Ларионовым, именно,что цель вынужденных перегово-
ров сохранить на востоке противобольшевитский центр, переброска
золота и т.д..После этого говорить,что достоверно установлены фак
о которых говорить защитник, здесь перед Революционным Трибуна
, я думаю говорит не приходится и считаю,что факты он отметил,ко-
торые якобы имели место.Подсудимый Червен Водали,-говорит защитни
не мог знать какие документы имелись у него, ибо,если бы он знал
содержание этого докуме та, ра ве он требовал бы его предоста лен
в Революционный Трибунал.Память на этот раз, очевидно изменила
защитнику.Подсудимый Червен-Водали нисколько не настаивал на том,
чтобы документ этот был предста влен.Я кажется успел здесь доказат
что мне память не изменяет, разрешите мне установить картину фак
Я предс авил опись бумаг, в которой значится этот документ.Она б
ла пред"явлена Червен-Водали.Он с возмущением говорит,что этого
документа он не знает, полагая,что кромеоп си, у меня ничего не
имеется.После этого заявляю- разве когда нибудь до сих
пор подвергались сомнению какие нибудь бумани имеющиеся в деле,
разве хоть раз установлена неточность показания.Тогда подсудимы
Червен-Водали говорит:" я не возражаю против не точности.Тогда я
должен был ему взять и представить документ.Подсудимый Червен-Во-
дали говорит.Я не возражаю, но были две папки" и т.д.Трижды про-
сил Революционный Трибунал позволить мне не предствалять этого до-
кумента, которого я до сих пор не видел, но знал между как ми бу
магами он помещен.И защита отчасти настаивала на его предоставлен
документа, но подсудимы Червен-Водали не настаивал на его пред-
ставлении сюда и отсюда делать вывод,что подсудимый Червен Водали
сам себе рыл какую яму, требуя чтобы его документ был представле
так как он этого не делал невозможно.Наконец, чтобы закончить отв

защитнику. Он заявляет, что подсудимые не виновны, потому
не были силой, а была сила военщина, с которой никакая
ская власть не могла справится. Тут, очевидно, не только
и зрение изменило защитнику. А в Советской России воен
нет, а не оглашал ли я здесь подозрительного обращения
ного газетчика, которое, как полагал, имело целью разлага
ную Армию своими похвалами, что Красная Армия огромная го
русского народа, великая, единственная во всем мире, а разве она
не из военных состоит, разве в ней не работают многие из тех, кто
при царском и другом режиме был офицером, полковником и даже гене-
ралом, разве неизвестно не только защите, но и многим подсудимым
, которые отпускали средства Юденичу и Колчаку, что несколько
генералов царских за верную службу Советской власти, когда они
попадали им в руки и отказывались идти с ними, но желая служит Сове
кой Власти, они были зверски замучены, как генерал Николаев и
другие. Есть целая комиссия комиссия из бывших генералов царских
слышали, что имеется огромное военное учреждение, в которое
одит бывший главнокомандующий брусилов и т.д. Разве неизвестно
то команующий всеми вооруженными силами Советской Росии бывший
олковник Каменев. И разве военщина и военные силы при настоящей
рабоче-крестоянской власти может играть какую бы то ни было сквер-
ную роль., разве рабоче-крестьянская власть не подчиняет интересам
трудового народа все элементы в том числе и военные и потому, что
говорить о том, что нет ответственных подсудимых, потому что была
военщина, а не они, опять не возможно. Если бы они не были тем сооб
ществом, которое я охарактеризовал здесь, если бы они на самом де-
ле на какую нибудь народную силу опирались, тогда конечно, военщи-
на не могла бы играть такую роль, но раз они были кучкой заговорщико
в на какую силу народную не опирающиеся, которая вопреки воле
всех народных масс пыталась держаться, которая при помощи иностран-
ных вооруженных сил, иностранных штыков, при помощи этих англичеки.
и других войск, предательски сруз с ними заключивших здесь дер-
жалась таким образом нельзя сказать они неответственны, там была
военщина. Военщина была их порождением, они на нее опирались и вме-
сте с нею работали, видели над разрушением того, что они называли
любимой родиной, они вместе работали, вместе про овали ее, и тообст
вельство, что иногда порождение пожирало своих родителей, мы видели
целый ряд таких случаев, когда сначало эсеры призывали чехов, а
потом чехи поглощали эсеров и такая постепенная калейдоскопическая
картина приводила к результатам, которые - извиняюсь, что уклонюсь
в сторону одного из сегодняшних защитников, что калейдоскоп между
Дербером и Сипаиловым изменялся только зависимости от платы. Одно
порождение Дербером. Дербер проглочен, они пригласили Сипайлова и е
сли Сипайлов говорит, что с ними расправится, то это спор между
своими и они должны нести одинаковую ответственность с этими ли-
цами и только тем отличаются от Сипайлова, что у них четверти вод-
ки в руках не было.

ЛАРИОНОВ: Было бы чрезвычайно печально, конечно для защиты, если
то как говорил защитник, хорошо или плохо, был обвинитель.
Это было бы печально и глубоко печально, но к счастью судьей того
хорошо или плохо говорил защитник, так же плохо или хорошо говорил
обвинитель и как они сами держат тот или другой является не обви-
нитель, а Революционный Трибунал и в безпристрастии Революционного
трибунала мы уже имели случай убедиться. Здесь указывается на целый
ряд неправильностей, неверностей, неточностей, которые были до
пущены защитой. Я не буду возвращаться к этому. Все судебно следст
вие прошло перед вниманием, перед беэстрастием революционного
трибунала и он в достаточной степени оценить правильно или непра-
вильно указывал защитник на наличие тех или других фактов. Я потому
не стану задерживать внимание Революционного трибунала, я не пов-
торяю того, что было уже здесь неоднократно указано. Я сделаю
только указание на некоторые обстоятельства, имеющие по моему мне
нию чрезвычайно серьезное, важное значение, обстоятельства, на ко-
торые вчера указывал председатель Чрезвычайного Ревтрибунала, -эт
на обвинения обвинителем в желании защитить правую социалистичес-
кую идеологию. Такого желания у меня не было. Такое желание желает
приписать мне обвинитель, но у меня такого желания не было, у меня
было только желание восстановить картину, имевших место событий. Я
смотрел на это как на осуждение или оправдание тех или других лиц
а как на громадное историческое событие в истории русской револю-
ции и поэтому не могу приступить к обывательской точке зрения, к
о енке насколько виновны или не виновны те или другие лица в под-
лорах или неправильных действиях. Для меня трагедию, которую пере
жила Россия, трагедия, которую пережила Сибирь под властью Колча-
ка не есть случайное явление. Для меня как марксисита это есть
исторический факт к воле личности того илидругого образа мысли. Да
вая указания неправильное установление факта, что власть в
Сибири свергнута вооруженными силами, здесь указывают на эпизод
с подсудимым Клафтоном. Я думаю, что нота, которая была оглашена мн

которая была оглашена мною здесь, пята Ичерина, это событие, ко
все сопровождал это свержение власти? думаю, что все, кто сам пе
присутствовал и наблюдал это свержение знают, что здесь не было
никакой вооруженной силы. Я думаю, что здесь никакой вооруженной си
не было. Советская власть в Сибири пала вследствие вооруженного
выступления чехо-словаков. Чем же это опровергает обвинитель. Факт
указывает. Он устанавливает одно обстоятельство - факт перево
да Клафтона об аресте заложников. На основании этого и было-де све
ржение Советской власти. А в момент свержения Клафтон перешел с т
ерритории, находившейся под властью Советов на территорию, кото
рая перешла под власть другой силы, под власть чехо-словаков. И по
сле того, как Советская власть была свергнута, здесь осталась
часть учредительного собрания. И если власть переходила не к одно
му чехо-словаку, а к другой организации, к партиям, к силам, это не
ствует, что эти силы принимали участие в свержении Советской
власти. Эти силы прямо воспользовались этим фактом свержения, но
сам факт свержения был совершен выступлением чешских войск. Здес
указывают еще, что я говорил, что здесь действуют военные силы, с
которыми гражданские власти не могут справиться и которые предста
ляют угрозу против права и порядка. И в подтверждение обвинитель
ссылается на военные силы Республики. Я считал бы оскорбительным
для Красной Армии, я считал бы оскорбительным для военных сил Со
ветской Республики, если бы я на одну доску с тов. военным, кото
рая своими представителями имела Рубцовых, я считал бы чрезвыча
но унизительным ставить их на одну почву: да здесь были военные
силы.

ПАВЛУНОВСКИЙ: Я полагаю, что обвинитель не ставил их на одну
доску я указывал.....

ЛАРИСОВ. Я должен указать, что так есть огромная Красная армия, ко
торая не только за страх, но и за совесть исполняет свои обязан
ности, но там нет военщины, того сброда разбойников, тех атаманщ
ных характерным представителем, которой здесь был Рубцов. И если по
приказу комиссара Советская Красная армия, как один человек
повиноваться, то такого конечно приказа недостаточно со стороны
гражданских лиц, чтобы этот сброд разбойников и мародеров мог
повиноваться и благодаря атаманщины, властью могла с ним справиться
на факт и думаю, что существование этого факта является неоспори-
мым. Что он не на скамье подсудимых, имеются ли здесь какой нибудь
состоянии представитель того класса, который является классовым
противником пролетариата. Нет здесь вы видите типичных представи-
телей русской интеллигенции. Но интеллигенцию русскую нельзя отож
ествлять с буржуазией. Пусть она могла служить буржуазии, пусть и
была против интереса трудящихся, но интеллигенцию и буржуазию этож
ествлять нельзя. Много грехов у Русской интеллигенции перед тру
дящимися массами, но говоря о грехах русской интеллигенции нельзя
говорить о ее заслугах о ее служении правде.

ПАВЛУНОВСКИЙ: О русской интеллигенции ни слова нет в процессе.
Никто ей обвинения не предъявляет. Вы защищайте обвиняемых.

ЛАРИСОВ: Вот я считаю, что в то время, когда не вся эта рус
ская интеллигенция разделяла идеологию коммунизма, было интеллигент
ная группировалась около близкой к этой идеологии и шел низы
ший, которая в первый период отошла от народа, она постепенно на-
чала к народу возвращаться, и если бы обвинитель говорит, что они

могут быть опасны потому, что могут вернуться к врагам рабочих и
крестьян, я скажу, что этой опасности нет. Они может быть были
опасны в первый период Советской власти, когда идеология боль-
шинства интеллигенции была не советская, но с тех пор интеллигенция
изменилась. И то сообщение, которое здесь оглашалось обвинителем
, где обвинитель усматривает, что здесь есть неискренность Рус-
ской интеллигенции, которая пишет в "Свободном Сибе", может быть
эта излишняя подозрительность обвинителя. Советской газете "Пра
вда" за 19 число этот факт вступления русской интеллигенции трак-
туется совершенно иначе. Там он рассматривается как симптом коре
ного переворота от противника к сторонникам советской власти
. Мало по малу все больше и больше русская интеллигенция собира
под знаменем, с которым они так долго боролись, под знаменем
борьбы за народ. И я верю, что близок час, когда вся русская инте-
леллигенция сливает тождество своих интересов с интересами пролете-
риата определенно перейдет на сторону его освобождения, которое не
влечет ничьего порабощения, освобождения, которое освободит от
пут рабства и невежества всего человечество.

ГОЛЬВАРГ: Ввиду того, что теперь по ходу процесса должно быть предоставлено последнее слово подсудимым, обсуждение приговора, оглашение его и возможные в связи с этим просьбы, связанные с последствиями приговора, а во всех этих действиях обвинение принимать никакого участия не может, оно не реагирует на последнее слово подсудимых, оно не принимает участия в обсуждении приговора и оно не занимается кассационными процессами, так как по положению о чрезвычайных революционных трибуналах приговор этот окончательный и обжалованию не подлежит, поэтому обвинение считает настоящий момент свою задачу законченной и в дальнейшем доверение процесса участвовать не должно. И я имею заявить трибуналу, что мое присутствие в дальнейшем за этим столом представляется уже излишним.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: последнее слово предоставляется Червен-Водали.

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ: В эту последнюю минуту, граждане председатель и члены революционного трибунала, за несколько последних минут перед вынесением вами приговора я просил бы Вас вместе со мною пройти по тем мыслям, тем переживаниям, которые я пережил и передумал в эти трагические для меня дни процесса. В эти трудные тяжелые дни, когда перед человеком спадает завеса каких нибудь политических теорий, политических мыслей, общественных идеалов, которым человек служил и человек остается сам с собой, сам со своей душей и со своей совестью. И вот эти трудные дни перед мною прошли все мысли и все вопросы прошедшие здесь перед трибуналом. И одним из первых трагических вопросов, которые мне пришлось поставить перед своей совестью, был вопрос об обстоятельствах моего вступления в это правительство, к линии поведения которого, направления деятельности которого, как я уже говорил, я относился отрицательно. И тут я должен отметить, что для себя лично большого вреда, большего зла, как вступление в это правительство в последние месяцы его существования, сделать я не мог. Но я занимался или мысль моя занималась не этим, мысль и совесть моя все время будировала меня и заставляли ответить на вопрос, что с точки зрения об"ективной, с точки зрения того, что произошло в Иркутске, подробности этих последних страниц существования этого правительства, что мое пребывание в нем оказалось лишним злом или может быть несколько ослабляло то зло, которое вообще было сделано здесь в течении в его этого длинного периода. И вот тут граждане я должен Вам сказать, что определенного вопроса категорического вопроса я бы дать вам не смог. Я позволю себе обратить внимание на ато, что вступлением своим в последнюю минуту и принимая определенную программу, программу не давления, не жестокости, мести, ни стремления во что бы то ни стало расправиться, программу стремящуюся установить известные отношения с населением и почерпнуть силу, бодрость и умение, разрешить вопросы, которые ставила жизнь в самом населении и в войсках и городах. Направление это мое и мое вступление предотвратило ту возможность которой я говорил Вам, ту возможность, что вместо этой власти с этим направлением в Иркутске появилась бы власть с определенно реакционным направлением, возглавляемым одним из генералов, которые известным образом себя обрисовали в течении всего этого времени и принимая все это во внимание, я думаю, что эти страницы последних последних месяцев пребывания этой власти они ознаменовались не теми ужасами, которыми они могли бы ознаменоваться при наличии другой психологии, других идей... Я думаю что революционному трибуналу известно, что в течении месяца в Иркутске не было произведенно совершенно ни одного ареста, никаких нибудь жестокостей и эксцесов напоминающих хотя бы отчасти то, что происходило бы, если бы в этот трудный момент была произведена замена одних лиц другими и думаю что, если эта эпопея иркутская не дала тех кровавых ужасов, которые были так ярко характеризованы по отношению предыдущего периода и руководителей военщины, которые могли встать во главе этой власти, когда я об этом думаю и представляю, что моим вступлением в эту должность, сохранены, может быть сотни жизней, с которыми должны были бы расправится лица обладавшие другой психологией, я думаю, что это оправдывает мое вступление и хотя бы до некоторой степени эти обстоятельства могут лечь на ту чашу весов, на которой будет решаться судьба дальнейшей моей жизни. Поэтому я полагаю, что в этом вопросе, я уверен, революционный трибунал примет во внимание и те положительные, в смысле отсутствия крайних отрицательных мер, положительные стороны, которые были внесены моим пребыванием у власти. Я не снимаю с себя ответственности, я не хочу маскироваться, не хочу говорить, что я был последней спицей в колеснице. Нет, в последние несколько дней мне пришлось взять все бремя и тяжесть этого свалившегося на меня бедствия моей личной жизни. Я позволю себе указать, что более тяжелого периода жизни у меня никогда не было, как те несколько дней, когда мне пришлось быть ответственным перед событиями, руководить которыми мне было не под силу и с которыми справится мне совершенно не удавалось.

353 643

Но если,в течение этого времени было так указано и окончилось не перерыв переговоров,этим указным фактом о уничтожением 31 человек,то я уверен,что эти последние об"яснения и обстановка,которая перед глазами чрезвычайного трибунала обрисовывалась|вероятно в глазах трибунала отделяет меня от какого нибудь касательства к этому ужасному злодеянию.Вот мысль,которая меня в течение всего этого времени безпокоила.И кроме того мысль очень тяжкая,очень безпокоящая меня мысль об этом злочастном документе.Здесь сегодня представитель обвинения еще раз подчеркнул принадлежность этого документа мне. Я не хочу производить какого нибудь давления на волю и на способ определения самого факта на чрезвычайный трибунал,но я определенно повторяю,что документ этот у меня быть не мог,потому что я к этому вопросу отношения не имел.Документ этот случайно ко мне попал.Я в этом глубоко убежден,что это может быть было роковой случайностью для меня, но я утверждаю,что этот документ не мог мне принадлежать и я думаю,граждане, что если вы представите себе,что я имел этот документ,когда я находился на той стороне Ангары в пароходе,который мог меня увести отсюда,в то время,когда я знал что место,где находится вся пачка с документами и другими вещами,находится во власти политического центра,я думаю,что если бы такой документ у меня был, у меня не хватило бы мужества,я бы оказался просто,лентяем и представителям власти и предать себя их суду.А я мог,потому что считал,что мне волею судьбы не удалось достигнуть результатов переговоров,на которые я рассчитывал,потому что в Иркутске остались люди|которые должны были ответить за участие в правительстве, в то время,когда мне можно было лишь,по чувства большей ответственности,я решил совершенно определенно придти и отдаться власти,чтобы иметь возможность говорить правду.И я убежден,что мне было легче бы морально и для души моей уехать подальше отсюда,перед вами показывать ложно.Поэтому я утверждаю,я прошу верить,что не снимая ответственности по существу,я готов принять удар ваше решение-я прошу верить,что этот документ быть у меня не мог и он не был мной.Я хочу кончить на этом граждане и прошу вас при оценке моей вины принять во внимание всю мою деятельность и все то,что я говорил здесь и вкратце остановиться на моих работах в качестве человека,пребывавшего над известным демократическим,мне дорогим,делом,над которым я работал в течении многих и многих лет в России.Если и здесь совершенно неизвестный,или мало известный человек и не могу подтвердить какими нибудь свидетельскими показаниями обрисовку моей прежней деятельности,только поэтому я позволяю себе говорить о своей деятельности.Я надеюсь,что то что я сказал есть насколько правда,что если бы пришлось подтверждать этот материал,то пришлось бы удлинять еще больше мою речь.Я не желаю позволять себе слишком много говорящим о себе.Заканчивая это,я прошу вас граждане прислушаться к тому голосу моей души,который и постарался видеть здесь во всей полноте и чистоте,которую я мог донести до своего 50-ти летнего возраста.На этом я кончаю,граждане.

ШУМИЛОВСКИЙ:Граждане,членам трибунала,я уже вчера давая об"яснение обвинителю,произвел довольно обширную речь и тема ею исчерпана в значительной мере уже исчерпана и в настоящий момент я займу только немного времени отчасти для того чтобы повторить мои аргументы,отчасти чтобы дополнить их новыми сведениями и новыми толкованиями.Я должен определенно категорически заявить,что во всей предварительной борьбе,которая предшествовала майскому и июньскому восстанию чехословаков к этой борьбе,я не имел никакого отношения и о ней не знал.Это было для меня как удар грома на ясном небе.Я вошел в это правительство,которое явилось результатом этих движений и право совершил тот акт,за который я должен нести ответственность.Но что меня заставило примкнуть к этому правительству.Я должен указать на ту обстановку,которая была тогда и сравнить ее с тем,что мы видим сейчас.Я не хочу останавливать внимание членов революционного трибунала,я не хочу затягивать этого процесса,но я хочу сказать,что если бы революционные события вырисовывались тем в отдаленной мгле в то что мы видим сейчас,то даже к тем,сравнительно не незначительных актов я бы не совершил.Если бы тогда была призвана вся интеллигенция к строительству народной жизни,если бы развернулась та огромная культурная работа,которая развернулась сейчас,если бы был сделан великий лозунг,вокруг единой России,я бы к этому правительству не примкнул.Тогда же,впечатление было несколько иное,этих процентов я не видел и поэтому говорим кто,что сделано

...ключение должно быть...

...ольно другие обвинения,доходившие до нас сведения.Вот при таких обстоятельствах я совершил вход в правительство.Действительные мотивы уже выяснены мною, и на них неоднократно останавливался.Этот мотив самый главный.Я хотел,оценивая сам трудность обстановки,поставить задачу охрану труда,ввести ее в жизнь, за ставить ее пустить корни,чтобы потом,когда пришлось бы вырывать ее из об-щественного организма,организм чувствовал боль и инстинктивно довольно сопро-тивлялся.Но обвинитель задает мне другой вопрос,он спрашивает,если вы придер-живались такой идеологии и ставили такие цели,зачем вы не перешли границ фронта и не вошли в пределы советской России.Я позволю себе спросить:"А разве это вопрос индивидуальный.Разве это вопрос не всех граждан Сибири.И разве бы-ло возможно такое переселение туда.И потом,я ведь был не коммунист,я был друго-го мировоззрения и других убеждений.Я не мог оставить Сибири,где я боролся, где ожидалось страшное иго,они скоро уже обрушились.Можно сказать:"хорошо, тогда и надо было поступать так ."Пусть разрушение если воцарятся в жизни, живут общее возмущение,произойдет страшный взрыв,от которого ничего старого не останется.Этот принцип иногда выдвигается защитниками принципами "чем хуже, тем лучше",но я по своему складу характера никогда на этом принципе не стоял и предпочитал этот принцип тем,о которых я имел честь говорить.Может быть часть этой вины переносится на меня.Но главное лежало вне моей воли.Свободы действий у меня не было.То,что касалось явлений рабочей жизни,я мог,повторяю, провести применительно к разоре государственной.И я глубоко благодарен своим сочастникам по процессу,что они,не смотря на то,что грозит такой же тяжелый приговор,к что в их распоряжении находится очень мало времени,они нашли возмож-ным оторвать от своего времени несколько минут для того,чтобы сказать обо мне и о том,что я всегда выступал против таких явлений как смертная казнь.Не гото-ву,что как говорил обвинитель,что наш юридический отдел составлял такие заклю-чения,а потому,что я предлагал составлять такие заключения.То же самое и о других явлениях.Так или иначе,я добрался до Колчака,и тут обвинитель опять строит вину в упрек в форме уже предположения,что я,не смотря на все перечитое, может быть сказа подал голос за Колчака,за его расправу,за возвращение его в верховные правители.Это предположение основано на том,что я вначале этого процесса признал индивидуальную честность Колчака.Но это совершенно неверно утверждение и это можно опровергнуть фактами.Я признал нравственную честность Колчака,как верховного правителя и мы потребовали-не увольнения,не предания,а трибунала-,что бы он ушел со своего поста.И думаю,что с нашей стороны это был акт далеко не беспристрастный.Граждане,чтобы требовала наша известная восточная при-ем,вам известная обстановка,в которой мы жили,вам знакомы личности Артемьева и Смирнова и вы должны согласиться,что может быть нам угрожала опасность,но к счастью этого не случилось.И потом,уже дальше,до нас дошли сведения,что од-ним из приемов бывшего верховного правителя было намерение арестовать сенат-миистров.Это могло быть с тем человеком,который должен уже до границ Америки, но ведь это было,вероятное,может быть,намерение,которое могло осуществиться и Артемьев и Пепеляев его приняли бы к исполнению и слишком много было данных за то,чтобы настаивать на этом требовании.Мы оказались бы в чрезвычайно трагично-ском положении,и может быть наши трупы так же были бы перекинуты через борт Автарм и под темным осенним льдом легли бы рядами с трупами Яг-го.Мы, этот акт совершили,в нем не было геройства,не была известная доля мужества.И совер-шили его без того слепа,о котором говорит обвинитель.Та телеграмма,которую он цитировал,она характеризовала не точно.Все требовали удаления Колчака но не все настаивали на передаче власти.

КУЛИКОВСКИЙ:.....Все требовали удаления Колчака,но не все настаивали на передаче власти,и вполне естественно и вполне понятно и не много нужно государственной мудрости для того,чтобы эти требования не выдвигать.Мы передали власть кому то другому,мы приходим с оценкой,какие же реальные данные за то, что наше условие будет выполнено и будет проведено в жизнь,и что оно может быть проведено в жизнь.Конечно,настаивать на этом требовании было бы немыслимо. К сожалению большинство высказалось не это,не все.Тут была упомянута телеграмма.Третьякова,изуверская телеграмма,которая требовала применения террора для того,чтобы удержаться,в то время,когда у нас уже велись переговоры и мы бы-ли искренни в этих переговорах и никогда не хотели порвать на путь обмана.И если он употребил эту фразу "держаться,хотя бы путем террора",то это можно об"яснить одним:это слова человека,который перенес большим числом страшный ужас,он пережил тот ужас,который они переживали в Иркутске,и это метит такими страшными угрозами.

Этих на последних обвинений -я думал не только заявления представителя обвинения, что будто бы я повторил бы то, что было сделано, чтобы я с самого начала до конца прошел этот путь. И он видел предположение такого намерения в том, что я в прошлом видел не все только контрреволюционное, трагическое, а что в воспоминаниях сохранится что то, меня обвиняющее. И далее мне некоторое удовлетворение. Я указывал на неоднократные факты когда мои действия и слова нашли отклик в других чутких душах, - это меня утешает за пережитые труды, за то, что я сделал и за то, что я хотел сделать. И вот теперь, чтобы я сделал, потому что такой вопрос ставить нельзя, никто на такой вопрос не ответит: прошлого не вернешь и нельзя сказать, как бы я стал поступать под влиянием тех или иных явлений жизни. Я, где бы суды, знал на что я иду, знал, что встречусь с резким непониманием и неправильного толкования, а может быть и сознательного об"яснения тех мотивов, которые руководили мною в действительности и останавливался там долго. И только недопонимание вида и сопротивление моей воле чуждых, и я теперь только имел возможность об"яснить поступки этому назад. Но об"яснять для всех событий, которые протекали в течение пол-лустра лет, сейчас лишком трудно и трудно Вам понять всегда во всех деталях и эти мотивы полностью и с достаточностью их установить. Я признал эту трудность, и поэтому я заранее оставляю полную перед ожидающим меня приговором, не прося прощения и не допуская покупного и легкомысленного фразирования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово принадлежит подсудимому Краснову.

КРАСНОВ: Я не отрицаю и тем более не оправдываю тех безобразий упадок, которые здесь перед Чрезвычайным Революционным Трибуналом и о многих из которых я здесь узнал .Не имел не только формального, но и фактического отношения к применению беззаконных в области управления и далеко от-волил снять с себя ответственность за те мероприятия в области финансово-хозяйственной, единственно мне подведомственной, которые касались не соответствующих или противоречащих интересам трудового народа. Я должен сказать, что я никак не мог быть врагом того народа, чего крестьянства, из среды которого я вышел сам, и представители которого судят теперь меня перед судом Чрезвычайного Революционного Трибунала, - это те рабочие Тимашевского завода в лице Ф.З.Комитета, который знает меня и всю семью, из которой я вышел.

В своей деятельности в качестве государственного контролера я по мере сил и возможности старался оставлять интересы народного достояния. Я не упомяну здесь много о тех протестах, которые поступали ко мне от областей распоряжения казенным оружием или имуществом. Но говорю о безразличных фактах, когда мне приходилось протестовать против расхождения между сметой и упомянут о протесте против расходования золотого запаса. Этот протест находится в делах подотдела. Расположение полета происходило в ведении Государственного контроля и вопреки законному мнению. Я протестовал против покупки земельно-государственным банком, считая, что земель не надо отпускать против покупки земельно-государственным банком, считая, что земель не надо рое разрешен уже рабочей революцией. Я протестовал против учреждения эмигрантского банка деятельности чего находится в моих делах, они были рассмотрены Политическим Центром и лицом Заведывающим контролем при Иркутском Ревкоме.

Тем не менее я отнюдь не думал снимать с себя ответственности за все ошибки и заблуждения, которые в моей деятельности могли быть и в которых я чистосердечно признавал Иркутскому Губернскому Революционному Комитету, в том заявлении, которое было здесь оглашено. Я от этой ответственности не уклонялся ни на одну минуту. Но дело Чрезвычайный Революционный Трибунал усмотрит, что в дни Иркутского восстания я нисколько не пытался уехать из Иркутска и Председатель Совета Министров сказал, что я остался. За время переворота я дважды был в полевом ведомстве и получил указание продолжать работу. Я был арестован таким образом работа прервалась. Я вновь подал заявление работать в том ведомстве, как чуждый всякой политики, как лицо, которое может продолжать ему в дальше. В настоящий момент я обращаюсь к Революционному Трибуналу с просьбой, чтобы Революционный Трибунал правильно оценил мое положение в должности Государственного Контролера, занимающей исключительно положение в ряду других ведомств. Я не обладал правами присвоенными другим членом Совета Министров я не имел права голоса по вопросам управления. К этому ведомству я не являлся полным хозяином, потому что революционной деятельностью я мог только в подчинении государственного контроля, тогда как другие министерства в своих ведомствах. Я просил бы Чрезвычайный Революционный Трибунал правильно оценить мое положение и при определении моей вины справиться с этим положением и вынести свой справедливый приговор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово принадлежит подсудимому Морякову.

МОРЯКОВ: Граждане, члены Революционного Трибунала перед Вами прошел крутой отрезок моих убийств, насилий, грабежей, разбоев и считаю которые обвинителем применяются, как организованная система правления Колчака, применяется следователем и мне, как товарищу Министра ции. Я не буду касаться как отвечал я на этот вопросы Большой Совет. Об нитель по этому поводу приводил доказательства поимки Большим Совет телеграммы по поводу Кулешовских и Владивостокских событий. В мою зад не входит оценка действий и действий Большого Совета, а мне хотелось бы необходимым моей очень сказать, как относился я к моим товарищам по этому поводу, сидящие на скамье подсудимых. Вам уже Кушелевский и Васильевский отвергли, как они относились к этому делу, как они отвечали, как защищали перед военными властями рабочих как членов Министерства Труда от тех насилий, которые причинялись военной власти. Перед Вами подсудимый Ларионов подтвердил, как он реагировал на те насилия, которые творились военными властями на ж.д.. Перед Вами подсудимый Чарыш-Зенкин удостоверил, что председатель о военным чинам мог и защищать хотя бы этих 21 человека которые в конце концов военными властями были увезены и убиты на ли что касается Министерства Путей, то я по своей должности члена Министерства не имел никакого касательства к делам этого рода, не тогда когда приходилось исследовать обвинительные Министерства по тем или иным вопросам, которые составлялись военными властями. Я сообщал об этом на военному Министру и Ставку, просил Главнокомандующего и другие военные чтобы они прекратили эти насилия, чтобы они предали суду виновных, но отвлекая доклады в Совет Министров об этих безобразиях. Все то, что от как от должностного лица взыскано, мое было сделано, я не могу себя при лить к тем другим убийц и грабителей, к которым причислили меня обви Может быть и по другим частям управления военным и морским ведомствам, будите меня за это, не только мой совесть обращается и Вам с пр бой не считать меня другом убийц. Все, кто меня знает, могут удостоверить что я никогда кровожадным зверем не был.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово принадлежит подсудимому Преображенскому.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: Обвиняемый за все то, что прошло перед Революционным Трибуналом, я думаю, что могу благодарить судьбу за то решение, которое принял в момент, когда мне предстояло решить, я Иркутске оставаться мне двигаться на Восток, к чему я имел полную возможность. И я еще раз повторяю что я выбрал первое и следовательно решился нести ту ответственность, рал мне предстоит за мое участие в качестве члена Совета Министров. Мне вдесь инкриминировалось, в сущности говоря целиком основывается на медных документах, а своих об"яснениях я уже имел возможность показать действительное положение дела и этим я не буду затруднять трибунал. Я не скажу, что я еще раз благодарю судьбу, что остановился предпочтительно, вдесь на эту сторону фронта лишости к ней угодно приговор и как угодно отвечать за то, что я сделал, чем быть там в безопасности, но считаю гом тех, кто отошел умен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово принадлежит подсудимому Ларионову.

ЛАРИОНОВ: Знают и живут невозможные тяжелые минуты, минуты по лости, минуты полной безнадежности, когда после безрадостного дня и ряда дней, от которых не ждешь ничего хорошего, и бессонную ночь охра: ешь: а есть ли Бог. И хочешь сказать ему: Бог, если Ты существуешь, и действительно справедлив и добр, помоги мне, чтобы я не преступал, ч та пока мне полезно. Такие минуты приходилось переживать нам всем время долгих месяцев нашей жизни в Омске, нашей жизни в Иркутске, где месяцы неизвестного житья, как здесь инкриминировал обвинитель, тяжкого труда и тягчайших переживаний, в течение долгих месяцев заключения я в те мучительные часы, которые приходятся переживать на этой скамье подсудимых. Часто думаешь, что не хватит сил отвечать и говорить и приходится заставлять себя, потому что стать здесь ми должны, ибо мы говорим перед судом народа, а тяжкие в на ряде при мне в эту тягостную минуту приходят эти воспоминания о тех, кто ни ких к.д. мастеровых, когда я говорил в 1905 году с рабочими Владивосто у.д., чтобы они слушали этих и верили и когда они избрали это доверие рая меня Председателем самого первого Делегатского С"езда. Воспоми своих первых первой революции в России дают мне силы быть здесь и гово Дают мне силы воспоминания о недавнем прошлом, когда в 1917 году Делега С"езда рабочих и служащих Владивостокской ж.д. до полного удовлетворе мне доверие, и когда никонец с"езд Советов дороги опять выразили мне д

меня слушали и верили,и это дает мне повод надеется,что мне будут верить и теперь.

Я говорю Революционному Трибуналу и отвечаю ему на все.Я уже ответил ему правду по поводу тех пунктов,которые в огромном количестве выдвинул против меня обвинитель.Я указал,что там имеется целый ряд перечислений,приписываемых мне,целый ряд действий,в которых я не принимал абсолютно никакого участия,как например в заседаниях Совета Министров,когда я уехал,перечисляя под которыми журналами в числе прочих стоит и мое имя,хотя я в этих заседаниях не принимал участия уже по одному тому,что я не был в Омске,а был в пути. На я понимаю вопросы хочу сейчас ответить Трибуналу,я хочу ему ответить ~~[illegible]~~ на тот вопрос,который не задавался,а может быть подразумевался здесь почем Вы были вредит всех этих преступлений -потому что действительно поступлений я умышленно я быть вредит них нельзя -почему Вы пришли сюда Я отвечу:для того,чтобы судить о том,что добро и что зло,надобно иметь какую то мою особую основную руководящую цель,и Я такую цель имел.Она заключалась вот в чем: то справедливое,то хорошо в совершенной жизни государственного строя,что уменьшает страдания и увеличивает радость человеческой жизни.Это для этого нужно.Нужно ,как можно больше ценностей,которые нужны человеку,ценностей материальных и духовных,а затем нужно справедливое т.е.пропорциональное труду, пропорциональное потребностям распределение их и обеспечение спокойного пользования ими.Вторая задача-распределение ценностей легка,первая же-создание ценностей-трудна.Мне,как технику судьба послала работать именно в первой труднейшей задаче и я в ней работал все время до конца.С какими же трудностями решения этой задачи пришлось встретиться к началу этого злочастного периода,за который теперь приходится нам давать ответ.Что принесла нам ужасная мировая война,которая встряхнула весь мир и разрушила все хозяйство и еще более ужасная несчастная война мирных нарушила внутренней несчастной родины -гражданская война.Она разрушила главным образом этот драгоценнейший аппарат,это основание для всякого правильного и справедливого стремления государства-разрушила аппарат созидания.Люди,живая сила рабочих,сила уже была облегчена от производительной работы,на непроизводительное,на разрушающее дело войны. Машины были перенапряжены,они изнашивались быстро и работали они тоже этому делу разрушения,и та огромная часть живой машины,в которой пришлось работать мне-транспорт -железная дорога,более всего пострадала.Все ж.д. были напряжены главным образом также для этого разрушительного дела войны,для созидания

ния нового оставалось очень мало.Но за того,что оставалось так мало пришлось перенапрягать это оставшееся,и машины,и люди и т.д.были разбиты,и главнейшая как мне казалась задача заключается в той области которая дает правильный по этому основному пути необходимости созидания или работы над воссозданием этой основной ценности.Мне пришлось работать над созиданием транспорта.Когда мне открылось более широкое поприще,когда меня вызывали сюда и в правительстве только что возникшее на ряду с другими,на том посту,который образовал здесь в виде рельсовой колеи,захваченной чешскими войсками,по пути которой они

свергали Советскую Власть, когда здесь образовались и взаимно сливаться различные правительства и явилась возможность развить эту техническую деятельность, я пошел на нее и в ней работал.Случайные были отклонения от этой работы, хотя бы в том же административном Совете.Я был в нем месяц,и то, что я сделал,, я сделал,но яне я там был руководителем и если это приписывает мне обвинитель,то это неправда и я против этого протестую.Что я сделал,я работал под руководством такого знатока такого таланта в ж.-д. деле,как министр Устругов.Он умел выбирать себе исключительных по своим знаниям и талантливости сотрудников, но многое я сделал сам.Мои мысли и мои инициативе я многое могу приписать и это не будет преувеличенным, это будет правда.Что я сделал из хаоса я создал правильное хозяйство, были установлены правильные аппараты управления ж.-д. было создано комплектование ж.д. служащих, было восстановлено и правильно организовано снабжение ж.-д.наиболее трудные задачи при скудости средств в этом отношении в России вообще, а в Сибири в особенности.Было создано агентство по снабжению металлами ж.д. с Урала так.-наз. "Пути-метал", было организо-

вано снабжение ж.д. с Дальнего Востока и заграницы. Дальневосточное агенство так наз..... была создана тесная связь между Министерством Путей Сообщения с Министерством Торговли по выработке угля, была тесная связь работ наше и промышленности и распределнии этого угля, м оказана была всяческая помощь к увеличению производительности труда. Дальше и это я ставил себе в особенности заслугу, была произведена под моим руководством колоссальная работа по обследованию всех металургических и металлических заводов Урала и всей Сибири партиями специалистов, обследование в смысле возможности приспособить их к большему использованию и и массовому удовлетворению потребности ж.д.. Не только было произведено это обследование, но осуществлена затем частичная программа этого использования. Заводы Урала стали вырабатывать в массовых производствах, то, что нужно для ж.д. и даже на некоторых из них удалось исполнить организацию совершенно на новых производствах, как например производство дымогарных труб на Шатанском заводе. Было устроено производство бандажей на Мотовилихинском заводе. Этой работе не суждено было осуществится т.к. наступил поворот в ходе войны началось отступление, но эта работа там не пропала, и я, сидя в Иркутской тюрьме написал ряд записок и сказал, тем кто ведал делами Путей Сообщения, что надо вызвать Каменского, который знал эту работу и этот инженер Каменский вместе с моими указаниями повез их в Комиссариат Путей Сообщения и думаю, что дело это не остановилось и продолжает развиваться. Дальше был проведен ряд мероприятий технических улучшений ж.д.. Я не буду на них останавливаться, я не буду их разъяснять поскольку трудно было осуществлять те задачи в той ужасной обстановке боев, массового захвата подвижного состава для военных целей и просто для военных, в котором пришлось работать, я отмечу то, что мне лично удалось вложить свою лепту. Я осуществил свою старую мечту, мне удалось приступить к постройке изобретенных мною уже давно новых вагонов, совмещающих в себе вагон крытый и вагон платформу, которые для эксплотации дают грандиозную, исчисляющуюся сотнями миллионов экономию. Мне пришлось осуществить этот проект и к изготовлению этих вагонов было приступлено. К сожалению война помешала, но сидя в Иркутске, я делал расчеты, эти расчеты посланы в Москву и дай Бог Это дело не пропадет. Далее приходилось мне работать в смысле руководительства работами ж.д. в смысле ведения эксплотации. Это дело, трудное всегда, было особенно трудно здесь в условиях времени. И вот мне удалось сразу, чуть не с первых ли шагов моего вступления в Министерство еще в январе 1918 года прежде всего установить определенные принцип необходимости правильного распределния перевозочных

средств.Я это установил и под моим председательством шли занятия Ц.К.по урегулированию массовых перевозок,в котором принимали участие и представители общественности поскольку можно было в нашей обстановке привлечь представителей кооперации,представителей Совета С'ездов и наконец от жел.дор.представителей единственную организацию - представителей Центрального Продовольственного Комитета,для которого давался специальный план перевозок,специальное количество вагонов по всем направлениям,в том числе и из Владивостока.И вот,проведя строгую систему точной регулировки всех перевозок из центра,была составлена правильная статистика перевозок и преподаны дорогам более новые методы по эксплоатации и руководительству движением,и мне самому приходилось в трудные минуты здесь на Омской дороге ежедневно по утрам вызывать к себе Начальника дороги и Начальника службы,ежедневно выслушивать доклады о положении и докладывать те меры,которые необходимо принимать и которые осуществлялись тут же.Все-таки несмотря на всю колоссальную трудность,дороги работали и все измерители их с каждым месяцем улучшались.Я скажу,что основной измеритель для работ тяговых и главных мастерских,скажем Омских мастерских,если взять количество дней,в которое паровоз простаивает,то в в 1918 г.этот простой равнялся 260 дням,а уже к средине 1919 г.паровоз выпускали в 42 дня.Этот результат я не только себе приписываю,но и моим сотрудникам и той действительно гигантской трудоспособности и вниманию к делу,которую выказали все железнодорожники сверху до низу,несмотря на те трудности,в которых приходилось работать.Пришлось много мне поработать и в вопросе правого положения ж.д., но и раньше,когда эти вопросы только рикошетом попадали ко мне в радиус общего эксплоатационного отдела,я отстаивал полную охрану ж.д.от всяких посягательств и на этой почве я шел твердо и не боялся результатов.

Много раз я слышал и в том числе от обвинителя:а где же результаты.Я молчал,но сейчас я должен сказать.Генерал Дидрихс,когда его спрашивали,какой же результат в конце концов тех массовых указаний на разные безчинства,которые он получал,какие меря приняты к тому,чтобы прекратить эти безчинства,он ответил:"я расстрелял уже 500 человек офицеров".Если говорить о том,что Министерство Путей Сообщения заботилось о ж.д.,то нельзя пропустить молчанием того факта,что Мин.Пут.Сообщ.и я помогали всячески тем ж.д.организациям,которые могли еще существовать в рассматриваемый пе-

357 ##
(97

риод,- я говорю об их организациях продовольственных.На их существование не было сделано никаких посягательств.Такие организация, как общество потребителей Забайкальской ж.д.,мощное старое,хорошо поставленное общество,имевшее свои газеты,которая всегда держалась чрезвычайно свободного направления стояла в прямой оппозиции к правительсву,а относительно членов правления указывалось М-ву,что это гнездо недовольных,гнездо оппозиции к правительству,на это общество никаких посягательств сделано не было,оно существовало.Устругов охранял его,и я,именно я,лично - здесь указывал обвинитель,что я хочу приписывать себе то,чего я не сделал - именно я провел в Совете Министров милионные ссуды обществам потребителей ж.д.в том числе и Забайкальского.Для дорог по ту сторону Урала мне припоминается цифра I3 I/2 миллионов,по эту сторону Урала эта сумма достигала 503 миллиона,и благодаря именно этой отдушине,небольшая самодеятельность жед.продолжала жить и развиваться,продолжала делать то нудное насущное дело,которое они делали - дело снабжения ж.д.продовольствием.

Я не буду останавливаться дальше,об этом в свое время я делал доклады тем общественным организациям,с которыми можно было говорить,Техническому Обществу и Государственному Экономическому Совещанию о работе Министерства,о тех трудностях,которые приходилось ему преодолевать,о той борьбе с засилием чуждых ему сил,с которыми приходилось ему бороться.Я отмечу только одну деталь.Когда я узнал,что те наряды,которые дает Ц.К.по перевозкам с Дальнего Востока не выполняются,а все-таки оттуда провозится все,что угодно,но только не нужные для населения грузы,я собственной своей властью,может быть превышая свои полномочия,учредил на всех главных станциях Сибирской магистрали контрольные комиссии для проверки всех грузов и все грузы которые шли беззаконно,останавливали и выгружали.Мы таким образом устроили огромные склады грузов,которые забивали магистраль,потом эти грузы реквизировались М-ством Снабжения и многие из этих грузов удалось передать ж.д.

Я не буду останавливаться дальше на деталях деятельности М-ства Путей Сообщения,я остановлюсь только на последних трагических днях,которые главным образом ставятся мне в вину.На последних Иркутских моего вхождения в злополучную политическую тройку.Я говорил

358 148

уже,что я внехал из Омска в конце октября и прибыл в Иркутск 13 ноября.Обо всем том,что делалось в этот промежуток в Омске я не имел никакого ~~xxxxxx~~ представления,как не имел никакого представления раньше,что делалось в Большом Совете Министров,особенно в его закрытых заседаниях.По приезде в Иркутск я был занят организацией деловой части Министерства,так как фронт двигался ближе к Иркутску и здесь действовали уже фронтовые порядки.До 30 числа я совершенно не участвовал в заседаниях и в особенности закритых Большого Совета Министров, т.к.с того момента,что Устругов поручил мне замещать его,я,как временный заместитель в закритих заседаниях не имел права бывать,а о ходе всехтех переговоров,которые предварительно в Омске,а может быть потом и Третьяковым,как Министром иностранных дел велись с иностранцами в том числе и с японцами,я совершенно не знал.Затем,когда вступил в обязанности заместитель Председателя Совета Министров Червен-Водали - 23 декабря,я получил доступ в закритые заседания Совета Министров,где обсуждались и политические вопроси.

Наступили тревожные события - возстание в Черемхове,возстание в Иркутске.Совет Министров не мог собираться каждый день,это было невозможно.Многие жили на окраине города,ходить по улице было невозможно,и вот Совет Министров выделил из себя тройку вовсе не как уполномоченный им Комитет,который по аналогии можно было бы сравнить с Военно-Революционным Комитетом:он выделил рабочее бюро,-которое должно быть постоянно в курсе всех событий,ежедневно собираться и разве, если случится что-нибудь экстренное,созвать Совет Министров,а если это будет невозможно,взять на себя ответственность.Естественно,что вошел Червен-Водали как заместитель Пред.Сов.Мин.,вошел Военный Министр Ханжин,потому что важнейшая часть дела было сношение с военными властями и вошел я,как заместитель Мин.Пут.Сообщ.,ибо главнейшая задача в ближайшем будущем была с одной стороны эвакуация,а с другой стороны установление связи с нашей отступающей армией,о которой мало мы что знали,но бросить которую на произвол судьбы мы конечно не имели права.Вошел я,как случайный заместитель Министра Пут.Сообщения,а не как Алексей Михайлович Ларионов.Я не счел себя в праве от этой тяжести,которая свалилась мне на плечи отказаться.Единственное,что я мог сделать,это в последних числах декабря попросить Устругова при-

об-

359

как можно скорее в Иркутск в виду сложности политических вопросов,в которых я не компетентен.Этот мой разговор с Уструговым имеется в моем деле.Тройка действительно работала,поскольку это было возможно,решала все текущие мелкие вопросы,в которых она была компетентна.Она не делала никакой политики и не звала японцев.Призыв японцев для охраны дороги произошел по постановлению Совета Министров в промежуток от 30 октября до 16 ноября.Тут целый ряд постановлений и переговоров с японцами Министра Иностранных Дел Сукина,за которым и последовали затем переговоры Министра Иностранных дел Третьякова,уехавшего потом в Читу.В чем состояли эти переговоры мы совершенно не знали.Когда разразилось возстание,когда мы все-таки явились средоточием хотя бы эфемерной,фиктивно-значущейся только по названию власти,конечно мы не смели ни уйти,ни сложить ее с себя,ни бежать.На нас лежала забота о тех,кто был сзади нас,об этой отступающей армии,которой надо было так или иначе помочь выйти из ее трудного положения,о тех,кто вместе с этой армией в многочисленных эшелонах отступал,о служащих разных министерств,о тех наконец служащих,которые вместе с нами приехали в Иркутск и были там,- мы должны были о них заботиться и мы заботились.И если говорил Червен-Водали:"если посылаете отряды,то шлите скорее,"то я готов к этому присоединиться,потому что действительно нужно было что-то такое сделать среди той опасности,в которой мы были:на нас нападали и мы были в состоянии самозащиты.

Затем наступило время переговоров.Я свою роль лично в этих переговорах очертил подробно в своих показаниях,которые имеются в деле,очерчены эти переговоры и Червен-Водали.Эти переговоры имели целью так или иначе безболезненно распутать тот узел,который завязался в другом месте,а этот узел действительно был сложный:с одной стороны,с запада армия,которая во всяком случае существовала,отступала,билась,огромное количество тех учреждений,которые тоже продвигались сюда,о которых мы должны были заботиться и о которых мы даже знать ничего не могли: -с другой стороны наличие чехов на линии ж.д.,которые делали то,что они хотели,занимали ж.д.,бросали ее когда угодно,наконец сам Иркутск с нашими служащими,с населением его,которое мы должны были охранять от всевозможных эксцессов с небольшой группой войск,нам неподчиненных, а дальше - мрачное царство Семенова,с которым мы никогда ничего об-

щего не имели и иметь в виду не хотели,а хотели добиться того,к чему все-таки вся история,если можно назвать историей то,что совершилось,привела.Мы видели,что надо дать возможность армии или тем частям ее и лицам,которые находятся в пути,уйти безболезненно из боя,т.-е.не поддаваться всем ужасам прорыва затравленного в конец зверя.Мы хотели предотвратить ужас этого прорыва,когда говорили о том,чтобы дать возможность отступить и эвакуироваться на Восток тем войинским чинам,которые этого пожелают.Это мои подлинные слова,которые я заявлял на переговорах,и которые за моей подписью имеются у меня в деле.Это не есть переброска сил на Восток,для того,чтобы организовывать там новую борьбу,это есть возможность уйти тем,кто пожелает,но тем,кто этого не пожелает остается возможность сдаться, так как сдача была в виду.Мы не имели возможности этого сделать,потому что переговоры были прерваны.После этого была телеграмма о том,что мы требуем от Колчака отречения.Тут в этой телеграмме есть планы о том,что предполагается на Востоке создать противо-большевистский центр,хотя этой фразы в первоначальном нашем тексте не было,а окончательная редакция была не нами произведена.Что под этим надо было понимать,к чему мы стремимся.Мы считались с реальными фактами и с реальным соотношением сил.Мы считали,что должна создаться какая-то новая власть,действительно не большевистская,потому что резкий переход сразу к советской власти был немыслим и неприемлем для тех, кто с этой властью принципиально не мог примириться.Нужно было создать что-то такое переходное,необходимость чего диктовалась присутствием на ж.д.совершенно неподчиненных нам вражеских сил.Кажется,что необходимость создания какого-то буферного государства в конце концов было принято и Москвою центральной советской властью.Это был просто открытый совершенно определенный взгляд на то,что фактически было неизбежно,и это нам ставят в вину,и этого нам создать не позволили,- и наши переговоры сорвались.

Когда же их сорвали .4 января,когда уже было достигнуто соглашение по главнейшим пунктам,когда мы узнали,что Политический Центр берет на себя обязательство об'единить все группировки,имеющиеся в России под какой-то единой властью.Когда мы видели в этом возможность создания единой власти,возможность прекращения братоубийствен-

ной войны,ибо оно невозможно было при создании каких-то несвязанных ничем,борющихся с Центром единичных группировок,- мы отказались от нашей мысли о передаче власти Деникину,ибо это было бы сохранением идеи противобольшевистских группировок.Было достигнуто соглашение и о золоте.Неправильно совершенно трактует обвинитель,что была мысль или намек хотя бы в этой нашей телеграмме и в наших действиях о передаче золота.Червен-Водали уже об'яснял:была забота о сохранении его,ибо же оно фактически было захвачено чехами,и нам нужно было вырвать от союзного командования формальное обязательство,что оно его примет.

Переговоры были сорваны,я не знаю зачем.Я боюсь думать,что целью этого срыва было желание получить в свои руки нас,которые носили громкое название правительство,которые по списку,составленному Политическим Центром,назывались министрами,но министрами не были,чтобы потом ценою наших голов выгородить свои,- я боюсь думать об этом.Не знаю было ли это так,но переговоры были сорваны.Я с того берега,где я ночевал в чешском поезде,где у меня были знакомые среди чехов,вернулся в город,переправившись туда на лодке,и на другой день явился в Политический Центр сам.Неправильно показал здесь свидетель Патушинский,что он впервые увидел меня арестованным в Политическом Центре,нет,он меня видел,когда меня арестовали там.Затем я попал в тюрьму.

Что же я делал перед этим,сам лично,я,Алексей Михайлович ЛАРИОНОВ,не как член тройки,а как глава своего ведомтсва.Я продолжал свое дело.Я при помощи чехов,с которыми я по прибытии в Иркутск вступил в теснейшие деловые связи и начальника военных сообщений,которые ежедневно бывали у меня совместно с представителем американской военной миссии сформировал 10 составов из чешских вагонов,отданных мне и пустил их в обращение для перевозки под чешской охраной угля из Черемховских копей,куда же.По направлению к Ачинску и Красноярску.При помощи американцев я направил несколько поездов с хлебом из Харбина для черемховских рабочих:надо было поднять производительность копей.После того,как Глазково и ст.Иркутск были захвачены повстанцами,я снабжал деньгами Томскую ж.д.,находившуюся уже в полосе возстаний,так как я получил теле-

гра

28 3621 152

грамму о безвыходном положении служащих и рабочих,не получающих жалования за декабрь,и так как связь с управлением была прервана. Вместе с ассигновкой было выдано благодаря моим просьбам 40 миллионов рублей и благодаря чехам они были отправлены на ту сторону.Я в совй текущий счет совершенно законно и легально - что почему-то обвинитель нашел нужным здесь ставить мне в вину упоминая только о переводах на Дальний Восток - перевел I0 миллионов в Красноярск для оплаты служащим Красноярских мастерских,на Восток и перевел 2.500.000 руб.для обезпечения служащих тех учреждений министерства, которые там были - служащих междусоюзного комитете и экспедиции,которые были туда посланы,и затем выдал I миллион Ленско-Байкальскому Водному Округудля расплаты служащим на месте.Почему-то эти законные мои действия обвинитель нашел нужным здесь подчеркнуть.Наконец мне были поручены еще дела Министерств Снабжения и Торговли и Промышленности.Заботиться о них приходилось потому,что в М-стве Снабжения к этому времени никого не осталось.,Министра не было,а товарищ его Мельников уехал на Восток,и мне тут приходилось вызывать к себе чиновников,узнавать каково положение с продовольствием в Иркутске и переправлять,пользуясь посредничеством чехов и американцев,уголь для рабочих электрической станции.Вот,что я делал и вот, за что я попал в тюрьму.И здесь,ожидая этих ужасов,я торопился использовать остающееся мне время для того,чтобы то дело,которое я вел не заглохло.Я из тюрьмы . . . . . .

383 ~~28~~ 153

9.I5 - I0.I5

Ларионов:.....Я послал пять депеш иркутскому совету рабочих депута-
,а затем комиссару транспорта по этому вопросу,который требовал не-
ленного распоряжения,между тем как время шло.Я послал записку,чтобы
организован розыск и храна материалов,с тем,чтобы использовать эти
ериалы и инженер Каменский был отправден с этой целью в Москву.По-
л записку о своем вагоне относительно того,что надо двигать дальше
о,о выработке дымогарных труб и бандажей на Урале и это дело так же
о надежно двинуто,так же указал на необходимость мероприятий по за-
товке льда и льдохранилищ,так как вагоны ледники должны были понадо-
ться для организации перевозки скоропортящихся продуктов в течение
тнего времени.И наконец,послал большую записку о возстановлении
леснабжения большого дела для возстановления хозяйства с цифровыми
ными,с указанием ряда начинаний,которые были сделаны,но не были за-
ршены,с указанием разработки копей,которую следует развернуть и необ-
имости снабжения железных дорог к определенному сроку,так как новые
ди,мало занимавшиеся этим,могли и не знать этих запасов.Эта записка та
к же дала возможность сделать те распоряжения,которые я просил сде-
ть.Когда мне пришлось явиться к заместителю народного комиссара пу-
й сообщения работавшего в Иркутске за некоторыми деловыми справками,
дал ему целый ряд таких указаний и через него преодолел много затруд-
ний.И вот оказывается,что высшие представители советской власти в Ир-
тске нашли нужным просить о моем освобождении из тюрьмы.Я знал там,
о мои сослуживцн,все сверху до низу по министерству путей сообщения,
другой день после моего ареста подали в чрезвычайную комиссию поли-
ческого центра просьбу,чтобы отпустить меня из тюрьмы,что они берут
еня на поруки,что я никогдане скрывался и мой арест всегда будет воз-
жен.Затем я узнал,что об этом просил и председатель политического цен-
ра.Все эти документы имеются в делах.И наконец,я был выпущен как оказы-
ается под поручительство или по указанию приехавших в Иркутск высших
редставителей советской власти.Эти данные позволяют думать,что лица,
оторые за меня ходатайствовали,знали,что я не принадлежал к числу тех,
то убегает,спасается или скрывается куда-то на восток или за границу для
ого,чтобы организовать какой-то новый центр,угрожающий рабоче-крестьян-
кой России.Я думаю,что не были слепы те,кто отпускал меня из тюрьмы в
ркутске только по подписке о невыезде и я жил там на свободе и никуда

364 159 ~~757~~

не выезжал.Вот все мои об'яснения.Я никуда не уехал,я помню и приказ из Омска,по которому все министры и товарищи министра были арестованы и преданы суду и очутились на этой скамье,и когда я оглядываюсь на моих сотоварищей по работе и по несчастью,мне припоминается один эскиз Клода Фпра:Гибнет броненосец,подбитый вражеской миной.Гибнут люди у пушек,плывут спасающиеся люди.Броненосец погружается,тонет,а в глубине его работают полуголые люди,подбрасывающие уголь,чтобы машина действовала.И старый механик работает.Машина работает,электричество не гаснет, насосы работают,но ближе,ближе надвигается волна,в конце концов корабль тонет и гибнут все,которые работали.Когда я думаю об этой картине я завидую им и мне приходит иногда мысль кошмарная продолжать эту сцену:А,вдруг этот корабль спасся.Вдруг он выбросился на берег и этот механик,который был на посту до конца чудом вышел из своего металлического гроба.И победители захватив этот корабль,захватили и его,сажают его в тюрьму,пред'являют обвинение и судят его по обвинению в том,что у адмирала,ведшего эскадру был неправильный компас.Мне думается,что это кошмар,а если этого кошмара не было,я пожалел бы этого механика,пожалел бы что какая-нибудь шальная граната не убила его тогда,когда он был там,у себя,у котлов,на тонущем корабле.

Я кончаю свои об'яснения и благодаря революционный трибунал заранее за тот приговор,который ему угодно будет постановить.

Степаненко:

365 155

/После перерыва/

СТЕПАНЕНКО. Отвечая за свою деятельность, я вполне понимаю, то важное значение, какое будет иметь тот приговор, который произнесет Революционный Трибунал. Но для страшен и другой приговор - это приговор моей собственной совести. Я всегда думал, что преступность деяния оценивается не столько по реальным последствиям каждого деяния, но оценивается и по тем намерениям, какими оно обусловлено, поскольку оно было совершено сознательно и умышленно, - и потому совесть моя молчит.

Я происхожу от крестьянского сословия. В студенческое время я воспитал свое миросозерцание в духе народных идей и всю свою жизнь работал в сфере технической, техническая сфера меня увлекала всегда, когда мне была предоставлена соответственная инициатива.

Здесь при Сибирском Правительстве то положение и та работа, которая мне была предоставлена служила естественным продолжением той работы, какую я выполнял в течении всех 30 лет. В тех случаях, когда мне приходилось непосредственно соприкасаться с рабочими и мастеровыми, я встречал доверие и расположение ко мне со стороны рабочих. Таким образом ни по рождению, ни по душевной своей структуре в моей душе не могло быть таких стимулов, которые бы возбуждали во мне деятельность, клонящуюся к вреду народа. В течение всей жизни я не накопил никаких материальных благ, и единственное что я сохранил - это свободная чистая совесть, и голосом этой совести я заявляю, что в моей душе не было никаких намерений, направленных против трудящихся масс, против народа, к котрому я принадлежу.

ЖУКОВСКИЙ:Я не буду утруждать внимание Революционного Трибунала дополнительными об'ясненями.Материалы мои настолько несложны,что я верю,что о них никакого раз'яснения не требуется.Я надеюсь на ваш спр справедливый приговор,я верю ,что вы дадите мне возможность работать на пользу народа.

ПИСАРЕВ:В настоящий момент имею честь покорнейше просить - я много хотел сказать,но не буду утруждать ваше внимание,скажу только,что томит мою душу в данное время.В материалах,которые находятся в вашем следственном деле,касающихся меня,имеется многое,на основании чего народная совесть может так или иначе произнести справедливый и милостивый суд.Этим я прошу дать мне возможность закончить свое слово.

КЛАФТОН:Прежде чем я скажу слово о себе перед чрезвычайным трибуналом,я еще должен установить фактическую сторону одного события,на ко которое здесь ссылался обвинитель и которое имеет значение не для меня - это доброе дело,дело человеколюбия,но из которого делаются выводы неверные.Я говорю об обмене заложниками.Из той радиотелеграммы,которая имеется в деле,вы имеете возможность убедиться,что я выполнял задачу не только обмена заложников женщин и детей,но и политических деятелей. Я не говорил подробно об этих переговорах и о сущности переговоров,полагая,что суду они не необходимы,но так как они послужили поводом для обвинения,то позвольте мне сослаться на эти подробности,которые я лично не хотел сообщать.Вы видите,что в числе заложников,взятых чехо-словаками,женщин и детей,значится около десятка политических деятелей,советских деятелей.Каким образом они туда попали.Когда я уезжал из Москвы,то мне было дано обещание,чтобы обмениваясь с этими заложниками, будет дано намерено большее количество,чем то,которое советские деятели могут получить на чехо-словаков.И было дано мне обещание,потому что при въезде из Уфы часть заложников уфимских граждан во главе с Толстым не было довезена,ибо с ними произошло то же самое несчастье, котрое произошло в Иркутске теперь и это событие так тягостно подействовало на советских деятелей,что мне было дано обещание в обмен на сравнительно небольшое количество дать много других.Я не говорил об этих подробностях,потому что вы помните,что мне не зачем было касаться этого вопроса.Когда я уже переходил через фронт,ко мне обратился политический комиссар,не знаю которой из армий,не могу ли я похлопо-

тать еще за нескольких лиц и этих лиц я так же включил в список заложников.Они были так же взяты и арестованы чехо-словаками,а не были заложниками.Когда обсуждался список относительно каких из лиц может быть обмен на женщин и политических деятелей,я будучи членом партии народной свободы не позволил себе представить лиц партий мне неизвестных,поэтому я обратился к представителям других партий,одним из которых был тот человек,за за которого я хлопотал и который произвел восстание в Барнауле.Он указал мне лиц,совершенно неизвестных и я и сейчас не знаю,кто такой Абрамович,я знаю,что это крупный деятель,но совершенно лично не знаю.Когда моя радиотелеграмма была получена в Москве,мне была отвечена,что такие-то свободны,другие находятся в тюрьме,как лица,посягавшие на советскую власть и часть будет освобождена. Как вам известно обмен не состоялся.Произошло освобождение лиц,которые

были вывезены чехо-словаками,Они были отбиты и были отпущены в советскую Россию,те,кто был заложниками,причем факт о выезде заложников из Уфы относится к последним числам декабря.Такие деятели,как Кишкин были отпущены в мае,когда был отпущен Алексинский,мне совершенно неизвестно.Я впоследствии узнал,что он был отпущен по моему ходатайству. Как вы видите это освобождение было также актом доброго дела и человеколюбия советских деятелей,которые получили женщин и детей,находившихся заложниками.Это обстоятельство еще необходимо отметить в интересах истины.

Теперь перейду к слову о себе.Мое положение среди остальных подсудимых особое.Меня так же обвиняют в соучастничестве,но я не член правительства.Я не министр,не товарищ министра,не чиновник.Я всю жизнь не был чиновником,никогда не участвовал ни в каких законодательных актах или управлении.Я русский писатель и земец.Я защищал не правительство и обвинение не указывает,чтобы я когда-нибудь защищал что-нибудь преступное.Я защищал дорогие мне идеи,которым я служил всю жизнь.Эти идеи совпадают в некоторой части с идеями,политическими,постольку совпадала и моя деятельность с деятельностью последних.Здесь некому говорить о моей прошлой деятельности.Я здесь чужой человек,но должен вам сказать,что через две недели нахождения моего на скамье подсуди-

ных.30 лет кончилось,как я держу перо в руках.Я уже упоминал некоторые
этапы моей публицистической деятельности,не буду останавливаться на этом
ваше внимание.Я начал эту деятельность с 19 лет и с этих пор сижу по
тюрьмам.Я сижу в тюрьме 4 раз и конечно не за защиту банкиров,а за слу-
жу народу,врагом которого я теперь считаюсь.Как политический деятель я
января по июль я был председателем восточного отдела,который смешивали
здесь с омской группой и это незнание дало повод смешать имена деятелей
восточного отдела партии народной свободы с деятельностью Жардецкого или
лиц,деятельность которих открывается для меня впервые по вопросам Вопрома.
слышал,что они дельцы,но многое я узнал впервые.К счастью моему видно,гр
ражданин обвинитель,поверил,что общего между мною,как председателем во-
сточного отдела всей партии Сибири и деятельностью Жардецкого нет ничего,
ибо в обвинительной речи он уже нас разделял.Да,когда он меня упрекал в
том,что почему я не исключал из партии таких лиц,я ответил - к этому бы-
ли формальные причины.Возможно,что это слабость моя,если бы я был сильнее,
здесь вы слышали бы не один протест против казни,а много.Я устал от этой
борьбы и ушел может быть нужно было не уходить,а продолжать ее более энер-
гично.Как писатель,на старости лет,я получил обвинение в клевете.Всякий
журналсит понимает,что для него это более тяжкое обвинение.Я уже об'яснял
когда говорил об источниках,от которих нами получаются сведения,откуда
мы их берем,но позволю ваше внимание остановить на многих фактах,которые
рисуют обстановку,в которой я работал,ибо они показывают,как тяжела была
работа.Вы слышали здесь от Шумиловского какая информация была в обществе,
когда он вступил в министерство.Я бы столько мог рассказать газетных анек-
дотов,которыми кормилось сибирское общественное мнение.Я так же как другие
хотел поправить недочету управления,я так же пытался поправить недочеты
печатного дела и информации.К ряду фактов здесь сообщавшихся,я вам скажу
только один.Сообщалось ,что в Пензе был поставлен памятник Куде Искариот-
скому.Но для того,чтобы улучшить дело печати,нужно было много новых жур-
налистов,которих в Сибири не оказалось.Обстановка внешнего и внутреннего
фронта была такова,что получать сведения было почти невозможно.Советские
газеты доходили с трудом,попытка получать сведения оказалась почти неми-
нимой,ни одна телеграмма не доходила,посланная из Красноярска.Когда мы
послали туда сотруднику шифр,чтобы сообщать телеграммы,то он был вызван
Розанову,который потребовал шифр.Он отказал,в результате приходилось

посылать курьеров,чтобы получать сведения.Когда мы попытались некоторые сведения,слишком тяжкие для печати,сообщать правительству и самому адмиралу,то один эпизод указал нам,как опасен этот путь.Была прислана корреспонденция с фронта,рисующая положение вещей,правдива,до ужаса.Мы отправили эту корреспонденцию верховному правителю. После этого я был вызван в контр-разведку,где мне сказали,что мне предлагается впредь не сообщать такого рода сведений,которые так тяжко рисуют положение,потому что они затрагивают чувство патриотизма.Я спросил,от кого идет такое распоряжение и к ужасу услышал,что о от самого верховного правителя.Когда газета,созданная здесь нами - она просуществовала всего 15 дней попыталась напечатать статью военную,нам прислали бумагу от Дидермана с предупреждением,что если повторится что-нибудь подобное,газета будет закрыта.Когда в моей газете появлялись стихотворения или статьи против иностранцев,а нами проводилась идея единой России,которая неприятено действовала на иностранные войска,то финляндская миссия через министра иностранных дел Сукина,оказала давление и министр иностранных дел дал нам соответствующее словесное распоряжение.Вот вам обстановка,в которой нам приходилось работать.В значительной степени,конечно,я должен признать и себя и моих сотрудников виновными.Виновными в том,что в пылу борьбы допускали слишком страстные слова,не было беспристрастной оценки,допускались каррикатуры,преувеличения,но заверяю вас,что клеветы,а клевету я понимаю как ложь заведомую,в наших изданиях не было.Напротив,поскольку мы имели возможность эти сведения получать,мы сообщали голую правду в сведениях о советской власти.Я останавлюсь на 15 статьях профессора Макарова,где были отмечены все положительные стороны советского законодательства в экономической области.Таковы же были брошюры и статьи,рисующие деятельность Луначарского в области так называемого пролеткульта.В значительной степени нас могут обвинить благодаря тому обстоятельству,что здесь кроме учреждения,которое находилось в моем управлении,русского бюро печати,существовало десятки,сотни,а может быть и больше всяких других организаций - Осконверхи,осконармы,осконказак,особый отдел,представителя которого вы здесь видели.Все это выпускало ворохи бумаги и публика не разбиралась откуда что идет.В политической деятельности гражданин обвинитель бро-

ил мне упрек по поводу моей близости к Жардецкому.На его вопрос,знал
и я Гессена и знал ли я,что Гессен работает теперь над союзом с Герма-
ией,я позволю себе сказать несколько слов.Лично я Гессена не знал,но
как писателя и общественного деятеля знал,и могу сказать,что если виднейш
ий лидер партии Милюков встал на точку зрения германской ориентации,но
е мог увлечь партию,которая предпочла разрыв с Милюковым,чтобы не об-
единяться с Германией,и Милюков вернулся,заявив,что партия была права,-
о как может ее увлесь Гессен.Мы,которые видели не издалека,а здесь пе-
ред собой все ужасы гражданской войны,мы можем с открытой душою и со-
вестью сказать:безумцы те,которые думают,что война гражданская не конче-
а.Вдвое безумцы те,которые могут итти с поляками или с немцами против
оссии,с ними никто не пойдет,они будут бороться не только против совет-
кой власти,они будут бороться против всей России,ибо те люди,которые
еруют в единую Россию,хотя бы они принадлежали к разным партиям,они бу-
ут по эті сторону,но не по ту.Это мое глубокое убеждение и я думаю,что
его разделяют все.

Какую-то страную тень хотел бросить здесь один свидетель на меня и
оих товарищей.Он в то же время употребил выражение,которое меня вполне
удовлетворяет.Он сказал,что нас считали профессорски не приспособленными
для другой,кроме издательской,работы.Действительно,отчасти он прав.Мы
были неприспособленными к другой,кроме писательской работы не по профес-
орской,а по нравственной неприспособленности.Когда мне поручило Русское
юро печати,просуществовавшее около 4-х месяцев,мы совершенно не думали
заниматься агитационной литературой,хотели издавать классиков,хотели со-
дать телеграфное агентство,как заграницей.В результате судьба нас бро-
ила в издательство полемическое,за политический характер кот рго нам
попала.Из разбора всей моей прежней деятельности видно,что я и мои
рузья к заведомой лжи не способни.Мы можем ошибаться,заблуждаться,раздра-
енно преувеличивать,но лгать мы не можем.Во мне вы видите своего идей-
ого протвника и только.Противника,который боролся пером,но должен ска-
ать,что сам лично я не писал.Как вы будете судить меня.Для всех вас
прошлом я человек неизвестный.Я прошу судить меня за то,что я сам сде-
ал и не вменять мне в ответственность чужих дел,чужих грехов и чужих
реступлений.Когда вы будете меня с дить,я прошу не забывать о том,что
еще старый земский деятель,стоявший 20 лет во главе всей культурно-
росветительной работе Самарского,старейшего в России земства,что я со-

371

здал самарский народный университет и собрал все известное в педагогической литературе по организации детских садов.Я не буду утруждать перечислением моих заслуг,но прошу помнить,что на мне нет ни одной народной копейки,ни одного слова,ни одной мысли,которые могли бы иметь отношение к человеческой крови.

ЦЕСЛИНСКИЙ:Я не буду обременять революционный трибунал многословием, позволю себе только сказать,что службу по ведомству я начал I января 88 г.и продолжал непрерывно по 6 января 20 г.По просьбе чинов главного управления в этот день я отправился к председателю политического центра, чтобы доложить ему о том,что чины главного управления просят указаний и разъяснений о том,какова их дальнейшая судьба.Здесь я был арестован и по настоящее время нахожусь в тюрьме.За время моей продолжительной службы, мне пришлось нести весьма упорнвй и тяжелый труд,и революция I7 р.меня застала уже на должности начальника иркутского почтово-телегравного округа.Здесь революционные власти присмотревшись к моей деятельности, очевидно в Уфе совещанием Учредительного собрания,выдвинули меня на пост главы ведомства.И вот я получил предложение,занять должность министра почт и телеграфа.От этой должности я отказался наотрез,потому что не считал себя подготовленным к политической деятельности.Когда мне предложили пост начальника главного управления почт и телеграфа,я долго колебался.Н Наконец принял эту должность.И состоя на службе всю жизнь,я привык нести полную ответственность за свои действия.И в настоящее время,если я в чем нибудь виновен,прошу меня судить.Я считаю ,что все обстоятельства моего дела объяснены в достаточной степени,добавить ничего не могу.

ЯЧЕВСКИЙ:Вчера я уже имел честь представить трибуналу свои объяснения о предъявленном мне обвинении и теперь с полным спокойствием,которое свойственно преклонному возрасту,я жду вашего решения,уверенный,что вы на основании изложенных данных и объяснений,совершенно объективно взвесите степень моей вины и утвердите меру наказания.

ГРАЦИАНОВ:Я вступил в состав сибирского правительства через I I/2 месяца после его образования с исключительной целью улучшить положение городского общественного управления,которое находилось в самом бедственном положении и оградить его права.Я сделал все,что мог сделать.Сделать больше я не успел,пот му что мне воспрепятствовали руководящие лица и военные власти.В совете верховного правителя,в декаьрских событиях, в ассигновании средств на борьбу с своетской властью,в сношениях с за-

границей,в военных событиях не принимал никакого участия,равно как в политической деятельности правительства за последний год,потому что в этот под я вышел в отставку и выйдя в отставку я занял место в Томске городского головы по избранию.Моя деятельность в составе правительства была дважды подвергнута личному обсуждению со стороны того общественного управления,которым я был послан,которое следило за каждым шагом моей деятельности и высказала мне полное одобрение в моих работах.Я всегда работал вместе с народом в полном контакте с ним.Врагом его никогда не был и никогда не буду.

ПАЛЕВЕК:Граждане члены трибунала перед вами в процессе,который прошел, прошли все обстоятельства,которые касаются меня.Я думаю,что вы внимательно отнесетесь ко мне и оцените долю участия,которая подвергалась вашей оценке.И у меня одна просьба:вся жизнь моя была работой на пользу народного просвещения.В этой области,моя совесть совершенно спокойна и я верю,что ваш приговор даст мне возможность вернуться к этой работе.

МОЛОДЫХ:Я уроженец иркутской губ.За исключением того времени,которое потребил на получение высшего образования,всегда жил в Сибири,всегда работал и интересовался делом в сфере хозяйственно-экономических отношений в крестьянском быту,работал сам около 8 лет в Сибири.Я должен был уехать в Сибири и работать в переселенческом отделе.Я занялся организацией хозяйственно-экономических условий переселенцев.Я занялся организацией учреждений,которые стояли весьма низко,я старался работать в этом деле, которое я люблю и могу сказать,что я сделал довольно много.Это же мое стремление и влекло меня в Сибирь,когда здесь не оказалось уже возможности начать работу вследствие тех обстоятельств,я не уехал во Владивосто, на запад,а поехал в Иркутск,зная какие события должны произойти в дальнейшем.Любя Сибирь,я более всего поражен был тем,что развернулось передо мною на процессе,потому что я не ожидал такой страшной картины,которая была перед нами и вижу ,что действительно сделал большую ошибку,что не шел раньше,а увлекся мыслью все-таки что-нибудь сделать для несения работы в области упорядочения снабжением.Больше я ничего не имею сказать и буду считать всякий приговор,который вы вынесете справедливым по отношению ко мне.

ДМИТРИЕВ:10-летняя служба,предшествующая моему вступлению в министерство,организация переселенческого управления,ныне имеющееся государствен

Справка 373 ~~156~~ 163 ~~157~~ 164

В 1935 году, при разработке дела, оказалось, что стр. №: 62 – отсутствует.

Уполн. 7-го отд. УСО ГУГБ НКВД (Бубровин)

10/IV-35 г.

...ный не ...технических ...ри- ...за- ...- ...го ...ым ...ой-

ну перед революцией в том, что я своевременно, благодаря создавшейся обстановке или быть может слабости своих сил, не взорвал и не пустил на воздух по указке из Лондона Омский государственный притон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об'являю перерыв до завтрашнего дня до 5 час. вечера.

29 мая 1920 года
10.20 - 10.30

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Слово принадлежит подсудимому Введенскому.

ВВЕДЕНСКИЙ.Единственной целью моей работы в правительстве был Отдел топлива и снабжения,о чем не было сказано ни одного слова.Я не буду утруждать внимания Чрезвычайного Революционного Трибунала техникой и затруднениями,встречавшимися в этом деле.По должности товарища министра я получил предписание участвовать в небольшом числе заседаний Малого Совета.Дело это прошло перед Революционным Трибуналом и я ожидаю справедливого приговора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Слово принадлежит подсудимому Василевскому.

ВАСИЛЕВСКИЙ:Я состоял товарищем министра Труда,дело мое прошло перед Революционным Трибуналом,добавить ничего не могу и жду Вашего приговора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Слово принадлежит подсудимому Третьяку.

ТРЕТЬЯК.Я уже сказал по своему делу все существенное и поэтому прошу Чрезвычайный Революционный Трибунал мое первое слово на этом процессе считать и моим последним словом.Признаю свою тягчайшую вину перед революцией в том,что я своевременно,благодаря создавшейся обстановке или быть может слабости своих сил,не взорвал и не пустил на воздух по указке из Лондона Омский государственный притон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Об'являю перерыв до завтрашнего дня до 5 час.вечера.

375 ~~I~~ V/165

ЗАСЕДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА
ПРИ СИБИРСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ К О М И Т Е Т Е.

Присутствуют:Председатель Чрезвычайного Революционного Трибунала И.П.ПАВЛУНОВСКИЙ,Члены:т.т.КОСАРЕВ,БАЙКОВ,ЩЕТИНКИН и МАМОНТОВ.

Заседание о д и н н а д ц а т о е.

30 мая 1920 года.

На скамье подсудимых те же.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Об'являю заседание Чрезвычайного Революционного Трибунала открытым.Слово предоставляется подсудимому НОВОМБЕРГСКОМУ.

НОВОМБЕРГСКИЙ.Члены Чрезвычайного Революционного Трибунала,я просил Вас обратить внимание при обсуждении моей вины на то,что я служил в правительстве Колчака всего только 2 месяца с небольшим.В январе месяце я подал в отставку и выехал в Томск для чтения лекций.Следовательно за последующие одиннадцать месяцев я совершенно не могу быть ответственен.Но за то время,когда я служил,перед Вами следственные материалы и ни с одним из тех преступлений,картины которых здесь были развернуты в связи с Колчаковщиной,я не был связан.Я ушел по собственному почину не смотря на то,что меня удерживали,ушел потому,что я отлично понял характер,систему и руководителей,и в то же самое время не имел той уверенности в возможности исправить эту систему,какой к сожалению отличались другие лица,сидящие со мною сейчас на скамье подсудимых.Но все-таки я пробыл два месяца с лишним и это меня заставило призадуматься над тем,что же я сделал за это время.. Если я ничего не сделал для славы колчаковщины,для отображения ее,то я думаю мое пребывание в этом правительстве меня обязывало к разоблачению того строя,против которого я должен был итти.Уйдя из этого правительства,я сейчас же энергично предпринял борьбу за сохранение сельско-хозяйственного института,единственного высшего учебного заведения, в котором я состоял организатором новых факультетов и над которым занесен был меч.Как ни странно,это единственное высшее учебное заведение предназначенное для поднятия крестьянского местного хозяйства,должно было быть уничтожено по приказанию Министра Земледелия.Я вызвал свидетелей,которые подтвердили бы,какую я играл роль в борьбе с правитель-

ством за самостоятельность сельско-хозяйственного института,- роль тогда еще не была руководящая. Все-таки нам не удалось сохранить самостоятельность сельско-хозяйственного института. Тогда я пошел в редакцию "Зари" за два месяца до падения колчаковского режима, и здесь моя работа в качестве члена редакции совместно с социалистом, который 20 лет пробыл в Шлиссельбургской крепости, ушла на то, чтобы разоблачить все ухищрения и проступки. Но работа моя была непродолжительна, потому что редакция была разгромлена военными властями без права возобновления. После этого я искал возможности остаться для работы в Омске и не имея как профессор Томского университета законного права жительства, я записался в информаторы в одной большой казачьей газете. Тогда записывались информаторами много чиновников, не желавших итти на фронт. Мне это было ненужно, по моему положению я был освобожден, но использовал это место информатора для того, чтобы заведывать финансово-экономическим отделом в Совете кооперативных с'ездов, и первый вопрос, который я поднял, это вопрос о знаменитых хищениях во владивостокской таможне. Здесь много говорилось о преступлениях Розанова, но никто не упоминал о том, что под его предводительством намечалось расхищение миллиардной стоимости грузов, которыми были забиты ж.д. склады. Там грузы накоплялись еще с 1914 года, не вывозились и под его руководством открылась распродажа грузов во время их ввоза: люди, приближенные к Розанову, делались миллионерами в 1-2 часа. Далее до моей исключительно инициативе, благодаря моим знаниям и настойчивости, я достиг того, что поднят был мною вопрос против проекта экспортного государственного банка, который был провален, ибо сам Министр Гойер, отказался внести его в Совет Министров вследствие того, что замысел его был разоблачен. Я уже знал летом о первой редакции устава, затем эта редакция была переработана и вторую редакцию был намерен быстро внести в Совет Министров Гойер при содействии того центра, которого нет на скамье подсудимых. Я обращаю внимание на сущность этого проекта, это было закабаление сибирского населения еще горшее, чем кровавые приказы генерала Розанова. По этому уставу экспортного банка министру финансов предоставлялась скупка всего сибирского сырья для за-

граничных рынков и таким образом сибирское крестьянское хозяйство было бы закабалено произволом одного министра финансов. Я внес доклад во Всекосовет, настаивал на собрании всех заинтересованных представителей казачества и несмотря на то, что на это заседание явился бывший министр финансов Михайлов, который участвовал в первоначальной разработке этого законопроекта, мне удалось провалить этот законопроект. В делах министерства финансов и Совета Министров вы найдете этот проект, и вы увидите, до какой степени он являлся угрожающим для всего крестьянского хозяйства Сибири.

Но моя оппозиционность не случайное явление. Еще 10-20 лет тому назад я был в Иркутске членом редакции "Восточного Обозрения", в которой работали выдающиеся ссыльные: Ландау, Натансон, Афр..... и потом нынешний народный комиссар Троцкий, который был в ссылке в Киренском уезде. И в "Заре" и в "Восточном Обозрении" я отставивал интересы милионного крестьянского сибирского населения, не отставивал интересов класса богатых. Я мог бы это подтвердить и другими справками. Когда я приехал в Сибирь 24 года тому назад для изучения быта переселенцев Тобольской губернии, первый том моих сочинений по распоряжению Министра Внутренних Дел Горемыкина был изъят из обращения, а второй том был воспрещен к печати. Эта кара последовала за то, что я разоблачил переселенческую политику, указал, что она является не самостоятельной системой строения хозяйства, а является только отдушиной в инстересах помещичьего класса в России. И это стремление показать крестьянам, что они являются жертвой помещичьего класса, я донес до водворения в первый раз советской власти в Сибири, когда уполномоченный от Народного Комиссара Земледелия, приехав в конце 1918 г. в Томск, должен был организвать там Областные курсы по социализации земли, т.-е. для подготовки местных работников из крестьянского населения для прове ения закона о земле. Ему указали на меня, как на специалиста. Я, не смотря на давление справа и слева, подал письменное заявление об условиях, при которых я честно могу выполнить эту организацию. Вначале уполномоченный не соглашался на ту автоно-

378 168

мию,на которой я настаивал,но после недельных наших разговоров,он мне доверился,и я сорганизовал кадр преподавателей, должен был сначала обучить их этому закону и другим наукам, необходимым и провел эти курсы настолько,что собравшиеся посланные от крестьянского сибирского населения от Томской губернии и Тобольмкой до Иркутской преподнесди мне в конце адрес,что только на моих лекциях - я им читал особый курс: "История земельного законодательства в России,как выражение классовых интересов помещиков" - они меня благодарили за то, что только на моих лекциях они поняли,как своекорыстно и беспощадно было земельное законодательство в России.Они выражади желание,чтобы в тех учреждениях,где будут решаться вопросы о земле для крестьян,я имел свое место.Это адрес был в свое время распубликован в сибирских газетах,и по этому адресу я просил своих защитников,чтобы они выписали его из Томска,но он не пришел к началу процесса.

Таким образом,поработавши 24 года,я могу открыто сказать, что я всегда стоял на стпаже интересов крестьян,быт которых я изучал с многократными опасностями для жизни.Если я два месяца присутствовал в правительстве Колчака,то я своей работой искупил эту вину.Я твердо уверен,что взвесив все эти обстоятельства,члены Революционного Трибунала не поставят мне в вину самого факта пребывания в этом правительстве и Вы не придадите того чрезмерного значения,которое пытался придать обвинитель тем репортерским заметкам,которые были вынесены на странице сего словесного обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Слово принадлежит подсудимому ХРОНОВСКОМУ.

ХРОНОВСКИЙ.Граждане,члены Революционного Трибунала,служба моя в составе Омсокого Правительства главным образом сводилась к тому,что бы было создано строгое народное самоуправление,что бы в создании высших благ народ мог сам изыскать доходные средства собирать их и участвовать в их расходовании.Я стремился к тому,чтобы построение податной системы было таково, чтобы оно отвечало наиболее насущным запросам хизни,чтобы

оно содействовало справедливому равномерному распределению податного времени соответственно системе трудовой повинности, чтобы оно давало действительные средства для борьбы со спекуляцией, чтобы оно могло ввести в закономерное русло все мероприятия по реквизициям. Я глубоко верю в исключительную жизнеспособность и плодотворность той идеи, которую я вложил в свою деятельность. Я боролся за проведение в жизнь этой идеи, и когда задача эта оказалась непосильной, я оставил службу. Я считаю, что деятельность моя строго соответствовала демократическим принципам, что она не носила ни партийной, ни политической, ни классовой окраски и я ходатайствую перед Революционным Трибуналом не считать мою деятельность преступной и не числить за мною тех проступков, которые поименованы в предъявленном мне обвинительном акте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит подсудимому Малиновскому.

МАЛИНОВСКИЙ. Граждане члены Революционного Трибунала, мною на предварительном следствии даны уже подробные объяснения относительно [illegible] роли, которую я играл в общеполитической работе правительства, [illegible] как и очерчен характер ведомственной работы, исключительно [illegible] проводившей в плоскости борьбы за закономерность, которую я нес [illegible] ведомстве Юстиции. В настоящее время я имею очень немного дополнить к этим объяснениям и я ходатайствую о том, чтобы степень [illegible] ответственности была определена долей участия и мерой содеянного мною.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если защита не имеет добавлений, объявляю перерыв, в течение которого суд должен обсудить приговор и на основании имеющихся материалов вынести этот приговор обвиняемым

Перерыв объявлен в 6 час. 10 мин.

380 120

II-ое заседание 30/У 8.15.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Прежде чем об'явить приговор,я должен об'явить подсудимым,что в острый момент гражданской войны декретом совета народных комиссаров все правительство Колчака было об'явлено вне закона.Считая,что в настоящее время,когда острый момент гражданской войны миновал,Советская власть нашла возможным об'явленное вне закона правительство Колчака судить.И рассмотрев все делопроизводство и показания обвиняемых,суд вынес приговор,который предлагаю члену суда тов тов.Косареву об'явить.

КОСАРЕВ.Читает.

ПАВЛУНОВСКИЙ.Приговор окончательный,обжалованию не подлежит.О смягчении участи подсудимых можно ходатайствовать в В.Ц.И.К.Приговор входит в силу по истечении 24 часов с момента об'явления.Приговор об'явлен в 8.10 минс 30-го на 1-ое.Значит с 1 на 2 июня в 8.10 минприговор входит в силу.

Подсудимый ТРЕТЬЯК и КАРЛИКОВ могут быть освобождены с тем,что завтра они должны явиться к председателю Чрезвычайного Революционного Трибунала.

Заседание Чрезвычайного Революционного Трибунала по делу о самозванном правительстве Колчака закончено.

ААРОНОВ:Подсудимые ШУМИЛОВСКИЙ,ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ,КЛАФТОН и ЛАРИНОВ просят о смягчении,о помиловании.

ПАВЛУНОВСКИЙ:Подача такого прошения приостанавливает приговор.

ААРОНОВ.Разрешите занести в протокол,что они меня уполномочили на подачу этого прошения.